

Н. Бородин

Н. А. БОРОДИНЪ
Членъ Первой Государственной Думы

ИДЕАЛЫ
И
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Сорокъ лѣтъ жизни и работы
рядового русскаго интеллигента

(1879 — 1919)

БЕРЛИНЪ / ПАРИЖЪ / 1930 г.

«Energiadruck», Berlin SW. 61, Gitschiner Str. 91

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Когда волею судебъ вы лишены возможности работать въ обычныхъ условіяхъ на пользу родины и въ современной ея жизни вы видите лишь гибель всего, ради чего вы жили и работали, — является желаніе воскресить въ памяти все существенное въ вашей жизни, представляющее нѣкоторый общественный интересъ и характеризующее прожитую эпоху.

Кромѣ личныхъ побужденій для человѣка, много писавшаго въ газетахъ и журналахъ, писаніе воспоминаній, предназначенныхъ для печати, является единственнымъ, оставшимся въ его распоряженіи способомъ продолжить свою общественную дѣятельность на пользу горячо любимой родины...

Но, спрашивается, не слишкомъ ли переоцѣниваю я свою прошлую общественную дѣятельность, претендуя на общественный интересъ своихъ личныхъ воспоминаній? И стоило ли тратить время и энергію на возстановленіе въ памяти и записи этихъ воспоминаній для печати? ..

Я думалъ долго надъ этими вопросами и пришелъ къ убѣжденію, что время тратить на писаніе воспоминаній стоило, что прожитая жизнь охватываетъ важнѣйшую эпоху исторіи Россіи за сорокалѣтній періодъ (1879—1919) и что пишущему эти строки привелось быть свидѣтелемъ, а отчасти скромнымъ участникомъ, — крупнѣйшихъ событій общественнаго характера указанной эпохи.

А помимо того, — война, голодъ, тифъ и большевики такъ поочистили ряды нашей интеллигенціи, что добросовѣстныя воспоминанія даже рядового интеллигента прошлой эпохи, какъ мнѣ кажется, могутъ представить нѣкоторый интересъ и литературную цѣнность.

Кэмбриджъ, Шт. Массачусетсъ, С. Ш. Америки.

Апрѣль 1930 г.

ГЛАВА I.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ (1879—1885 Г. Г.)

Общая характеристика настроеній студенчества.—Безпорядки въ университетѣ: оскорбленіе дѣйствіемъ министра н. пр. Сабурова. — Студенты въ Михайловскомъ манежѣ. — Аресты и ссылки студентовъ. — Первое Марта 1881. — Наука и политика: двойственность въ дѣятельности сознательныхъ студентовъ. — Любимые профессора. — Студенческія землячества и ихъ политическая роль. — «Товарищество объединенныхъ землячествъ». — Подготовка интеллигентныхъ работниковъ къ дѣятельности на мѣстахъ: изученіе краевой литературы. — Моя первая литературная работа. — Народовольцы и группа «Освобожденіе труда». — Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ и военныхъ техниковъ. — Газета «Рабочій». — Установленіе связи съ заграничной группой Плеханова и Аксельрода. — Обстановка работы по печатанію и храненію нелегальныхъ изданій. — Оригинальные источники доходовъ на революціонную работу. — Сношенія Уральцевъ-студентовъ съ Уральцами-ссыльными и Уральцами въ строю. — Отъѣздъ въ провинцію.

Свои воспоминанія я начну съ бурнаго студенческаго времени начала 80-хъ годовъ.

Административныя воздѣйствія на общество были въ это время въ полномъ разгарѣ, и, конечно, университетъ и студенчество очень скоро почувствовали, что и надъ ними нависла административная туча: закрыли студенческую библіотеку, запретили сходки, дали большую волю инспектору и «субамъ» (субинспекторамъ), которые стали исполнять чисто полицейскія обязанности. Въ административномъ порядкѣ уничтожены выборы ректора, который сталъ на-

значаться министромъ. Все это подготовлялось въ министерскихъ канцеляріяхъ ранѣе, но осуществлено по вступленіи на постъ министра народнаго просвѣщенія Сабурова, на личность котораго и обрушилось все студенческое негодованіе въ формѣ, надо признать, довольно грубой. Я разумѣю публичную пощечину, которую нанесъ Сабурову студентъ Подбѣльскій во время торжественнаго годового акта въ актовомъ залѣ университета.

Среди студентовъ до акта шла молва, что что-то готовится необычайное, но что именно, большинство не знало... Какъ бы то ни было пощечина вызвала бурю сочувствія какъ Подбѣльскому, такъ и Льву Бернштейну, который съ хоровъ держалъ рѣчь о причинѣ этого публичнаго оскорбленія министра. Оба эти студента сдѣлались героями студенчества и, какъ подобаетъ таковымъ, они пострадали первыми — были вскорѣ высланы въ административномъ порядкѣ въ Восточную Сибирь.

Въ университетѣ начались безпорядки, т. е. недозволенныя сходки съ рѣзкими рѣчами противъ администраціи и режима вообще. Безъ всякаго сомнѣнія работа велась народовольцами, и студенческіе безпорядки были прелюдіей къ 1-му Марта 1881 г.— убійству императора Александра II. Подпольная народовольческая литература гуляла въ это время въ изобиліи по студенческимъ рукамъ.

Во время одной изъ сходокъ въ университетъ явилась полиція, она убѣждала студентовъ разойтись. Появленіе полиціи въ стѣнахъ университета только подлило масло въ огонь: крики тысячью голосовъ — «вонъ отсюда!» — заставили полицію удалиться изъ зданія университета. Но вскорѣ явился самъ градоначальникъ Грессеръ съ конными полицейскими и тоже пытался уговорить студентовъ разойтись. Это «событіе» нашло себѣ отголосокъ въ слѣдующемъ комическомъ студенческомъ стишкѣ:

Грессеръ, храбрый генералъ,
Ко студентамъ рѣчь держалъ:
«Расходитесь по домамъ —
Ничего не будетъ вамъ»...

Но и его убѣжденія не подѣйствовали. Тогда университетъ былъ окруженъ конной и пѣшей полиціей, и насъ всѣхъ — тысячи двѣ, три — загнали въ находящійся по сосѣдству манежъ Павловскаго военнаго училища и произвели перепись съ допросомъ. Арестовать всѣхъ, очевидно, признано было невозможнымъ за недостаткомъ мѣста; на высылку всѣхъ надо было-бы затратить много казенныхъ

денегъ. Полиція прибѣгла къ отбору нѣсколькихъ сотенъ для высылки, нѣсколько сотъ посажено было по полицейскимъ участкамъ, гдѣ ихъ продержали съ недѣлю; громадное же большинство было къ ночи освобождено изъ манежа и разошлось по домамъ.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, пристава рѣшали вопросъ, судя по личному впечатлѣнію: чья физіономія не понравилась или кто вызывающе отвѣчалъ на вопросы, тѣхъ относили къ козлищамъ; кто же держалъ себя спокойно, тѣхъ причисляли къ овцамъ. Хорошо помню, что нѣсколько несомнѣнныхъ агитаторовъ на сходкахъ были отпущены съ миромъ, а одинъ мой землякъ, случайно бывшій въ этотъ день въ университетѣ и не принимавшій никакого участія въ сходкѣ, благодаря своей «свирѣпой» физіономіи, удостоился быть высланнымъ изъ столицы въ 24 часа съ отданіемъ подъ надзоръ полиціи и съ зачисленіемъ на военную службу.

Само собою разумѣется, при такихъ внѣшнихъ условіяхъ занятія въ университетѣ не могли идти регулярно и правильно. Студенческая жизнь складывалась изъ двухъ элементовъ: наука — съ одной и политика — съ другой стороны. Даже самые аполитичные студенты не могли остаться въ сторонѣ отъ политики, такъ какъ она задѣвала самую возможность посѣщать аудиторіи и лабораторіи. Громадное большинство студентовъ, кромѣ избранныхъ ими факультетскихъ занятій, много времени употребляли на общее самообразованіе, знакомясь съ политико-экономическими вопросами на лекціяхъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ и поглощая массу книгъ по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ.

Я не составлялъ исключенія; наоборотъ, думаю, что былъ среднимъ типомъ студента того времени, быть можетъ, съ нѣсколько большимъ уклономъ къ политикѣ и къ общественнымъ вопросамъ. Поэтому, мои воспоминанія о тогдашнихъ настроеніяхъ и времяпрепровожденіи могутъ дать общее представленіе о студенчествѣ указаннаго періода.

Я былъ на Естественномъ отдѣленіи Физико-Математическаго факультета, на которомъ гремѣли имена такихъ ученыхъ, какъ Менделѣевъ (химикъ), Сѣченовъ (физіологъ), акад. Овсянниковъ (эмбріологъ и гистологъ). Въ наше время не было стѣсненій посѣщать лекціи любого профессора, и на лекціи Менделѣева не мало приходило студентовъ юристовъ, а на лекціи профессоровъ Юридическаго факультета — Коркунова (энциклопедія права), Таганцева (уголовное право), Андреевскаго (полицейское право) — не мало ходило нашего брата, «естественниковъ». Юридическій факультетъ былъ довольно многочисленъ и самъ по себѣ, такъ что лекціи

перечисленныхъ профессоровъ читались въ актовомъ залѣ, который бывалъ биткомъ набитъ. Такимъ-же, если не большимъ вниманіемъ студенчества пользовались лекціи по русской исторіи В. И. Семевскаго, допущеннаго въ университетъ въ качествѣ приватъ-доцента, но изъ-за его особой популярности у студентовъ впослѣдствіи лишеннаго и этого права.

Роль и вліяніе на студентовъ В. И. Семевскаго были исключительны, и на немъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Въ блестящихъ съ внѣшней стороны и замѣчательныхъ по проявлявшейся громадной эрудиціи лекціяхъ по исторіи либеральныхъ теченій русскаго общества Василій Ивановичъ давалъ такія живыя картины попытокъ русской интеллигенціи добиться политической свободы, что невольно втягивалъ слушателей въ интересы историческаго изслѣдованія, а своею общительностью и обходительностью со студентами онъ создалъ среди нихъ много преданныхъ друзей, въ числѣ коихъ были и мы съ В. Г. Харитоновымъ. Мы нерѣдко приходили къ нему за книгами — его громадная библіотека была къ услугамъ его знакомыхъ студентовъ, и онъ самъ радъ бывалъ дать добрый совѣтъ въ выборѣ книгъ для чтенія.

Онъ жилъ въ квартирѣ семьи Водовозовыхъ и былъ въ ней на положеніи члена семьи — тогда еще старикъ В. И. Водовозовъ-отецъ былъ живъ. Здѣсь же мы познакомились съ Е. Н. Водовозовой, впослѣдствіи женой В. И. Семевскаго, и съ ея сыномъ В. В. Водовозовымъ, тогда студентомъ. У послѣдняго мы получали нѣкоторыя нелегальныя изданія: Туна, Исторію революціоннаго движенія въ Россіи и Л. Н. Толстого «Въ чемъ моя вѣра», «Исповѣдь» и др. Эти послѣднія вещи фабриковались литографски нелегально въ столицѣ и ходили тогда въ большомъ количествѣ по рукамъ. Если не ошибаюсь, изъ-за толстовскихъ изданій В. В. Водовозовъ и попалъ въ ссылку въ Архангельскую губ. Изрѣдка у Водовозовыхъ устраивались вечера съ большимъ количествомъ учащейся молодежи, которая веселилась, устраивая импровизированные танцы. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, — мнѣ это почему то запомнилось, — даже самъ В. И. Семевскій прошелся въ вальсѣ съ Е. Н. Водовозовой... Обычно же онъ оставался въ своемъ, заполненномъ сверху донизу книгами, кабинетѣ и бесѣдовалъ съ приходившими къ нему студентами.

Человѣческія права и ихъ защита, основы суда и его значеніе, конституція, исторія политическихъ ученій среди русской интеллигенціи — всѣ эти вопросы были животрепещущими вопросами того времени, и перечисленные прекрасные ораторы-профессора увлекали студентовъ всѣхъ факультетовъ. Конечно, лабораторной работѣ,

при всемъ желаніи работать и интересѣ къ ней, невозможно было отдавать времени сверхъ самаго необходимаго для полученія зачета по ознакомленію съ самымъ существеннымъ изучаемаго предмета. Но все же, я помню, мы основательно готовились къ экзаменамъ и сдавали ихъ вполнѣ добросовѣстно и благополучно.

Тѣмъ не менѣе двойственность направленія умственной дѣятельности оставалась у насъ всегда и, я бы сказалъ на всю жизнь, судя по личному опыту и по наблюденіямъ надъ другими однокурсниками той же категоріи. Отдаться цѣликомъ чистой наукѣ въ то время считалось прямо зазорнымъ, и студентъ, избѣгавшій принимать участіе въ политической и общественной жизни и не готовящій себя къ таковой, навлекалъ на себя по меньшей мѣрѣ товарищеское неодобреніе.

Въ общественно-политическомъ отношеніи мы воспитывались на «толстыхъ» журналахъ, изъ которыхъ наиболѣе читаемыми и почитаемыми были «Отечественныя Записки» съ Михайловскимъ и Салтыковымъ-Щедринымъ, какъ извѣстно, бывшими въ близкихъ отношеніяхъ съ дѣятелями изъ народовольцевъ черезъ С. Н. Кривенко.

Михайловскій и его «теорія прогресса» царили надъ студенческими умами того времени. Его соціологическія статьи и «Историческія письма» Миртова-Лаврова штудировались въ кружкахъ саморазвитія, которые являлись одной изъ характернѣйшихъ сторонъ студенческой жизни того времени, имѣли громадное вліяніе на направленіе умовъ будущихъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей, и на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько дольше.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они пріурочивались къ землячествамъ, т. е. къ группировкѣ студентовъ и курсистокъ — въ то время ихъ было уже изрядное количество — по губерніямъ, изъ коихъ студенты прибыли въ столицу. Эти землячества устраивались первоначально съ цѣлью матеріальной взаимопомощи, но затѣмъ, пожалуй, болѣе важной стороной ихъ дѣятельности были занятія по саморазвитію. На еженедѣльныхъ собраніяхъ землическихъ кружковъ, съ неизбѣжнымъ чаепитіемъ, а иногда съ допущеніемъ пива (это рѣже), обычно въ квартирахъ хозяевъ, не боящихся полиціи (такія собранія тоже не дозволялись), члены землячества дѣлились политическими новостями и литературой, читались напечатанныя статьи или написанные доклады по животрепечущимъ вопросамъ, о міросозерцаніи и общественной роли сознательнаго члена общества, велись безконечные споры о роли личности въ исторіи и т. п.

Члены землячества выписывали сообща журналы, покупали книги, для чего дѣлали ежемѣсячные сборы съ членовъ, но глав-

нымъ источникомъ ихъ доходовъ были выручки отъ земляческихъ вечеровъ, устраивавшихся почти каждымъ землячествомъ хоть одинъ разъ въ теченіе зимняго сезона. Полиція всячески препятствовала устройству такихъ вечеринокъ, но запрещеніе формально обходили предлогомъ выдуманной свадьбы, подъ которую обычно и снималась кухмистерская. Избирались «жертвы» — мнимые женихъ и невѣста, — и полиція присутствовала на свадьбѣ, причемъ спеціально приставленные къ ней студенты усердно «накачивали» околодочнаго водкой и пивомъ, каковые имѣли свое дѣйствіе, совершенно обезвреживая вражескій лагерь.

И веселились же мы на этихъ вечеринкахъ во всю... Возліянія дѣлались тоже основательныя. «Мертвецкая» комната подъ конецъ вечера бывала переполнена. Отъ буфета и отъ платы за входъ набиралась, сверхъ расходовъ, сотня другая чистаго дохода, каковая сумма и поступала въ земляческую кассу.

Вечеринки отдѣльныхъ землячествъ носили каждая свой особый отпечатокъ: кавказская славилась лезгинкой, украинская — гопакомъ, уральская казачья — казачькомъ и т. п. На этихъ вечеринкахъ бывало, смотря по помѣщенію, отъ 100 до 600 человѣкъ и на нихъ члены разныхъ землячествъ знакомились между собою.

Я близко интересовался земляческими организаціями и кромѣ своего землячества — уральскаго-казачьяго, имѣлъ знакомства и связи съ оренбургскимъ, донскимъ, кубанскимъ и пермскимъ землячествами. Этотъ интересъ былъ тѣсно связанъ съ политическими задачами, которыя ставили себѣ кончающіе университетскій курсъ студенты провинціалы, предполагавшіе вернуться на родину и тамъ работать.

Чтобы эти задачи и соотвѣтственныя теченія были вполнѣ понятны, необходимо остановиться на теченіяхъ и направленіяхъ среди революціонныхъ круговъ того времени.

Періодъ наиболѣе активнаго политическаго террора, начатаго съ 1879 года (взрывъ поѣзда подъ Москвой, взрывъ Зимняго дворца) и достигшаго своего апогея 1-го Марта 1881 г., когда исполнительный комитетъ партіи народной воли привелъ въ исполненіе намѣченное цареубійство, — былъ періодомъ наибольшаго вліянія партіи народной воли на умы широкихъ слоевъ интеллигенціи, въ томъ числѣ и передового студенчества. Кромѣ «Листковъ Народной Воли», въ составленіи которыхъ, какъ тогда передавали изъ устъ въ уста, принимали участіе Михайловскій и другіе изъ наиболѣе популярныхъ либерально-радикальныхъ писателей, и которые читались на расхватъ, сочувственные отголоски по адресу этой пар-

тіи легко было читать между строкъ въ текущихъ номерахъ «Отечественныхъ Записокъ».

Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи, чѣмъ кончится этотъ героическій поединокъ революціонной партіи и монархіи... Сочувствіе массы студенчества, конечно, было всецѣло на сторонѣ безстрашныхъ героевъ Перваго Марта, пошедшихъ на вѣрную смерть ради блага родины, ради завоеванія свободы...

Но твердой общей вѣры въ то, что путемъ террора можно добиться свободы политической, у громаднаго большинства студенчества моего времени не было. И это особенно очевидно стало послѣ выяснившихся отрицательныхъ результатовъ такъ умѣло и казалось убѣдительно составленнаго извѣстнаго письма исполнительнаго комитета партіи народной воли къ Александру III о дарованіи конституціи, вслѣдъ зачѣмъ революціонеры обѣщали прекратить терроръ. Вмѣсто свободъ послѣ Перваго Марта 1881 г. усилились всякія стѣсненія и административный произволъ. Для всѣхъ стало ясно, что громадныя усилія политическаго террора и масса принесенныхъ жертвъ не принесли желанныхъ плодовъ, и престижъ партіи народной воли сталъ замѣтно падать среди студенчества. Наоборотъ, все большее и большее вниманіе привлекала мысль о необходимости пропаганды среди рабочихъ и народа вообще идей о политической свободѣ и объ основахъ современнаго экономическаго строя съ критикой его съ точки зрѣнія соціализма. Продолженіе же террора было совершенно не въ интересахъ сторонниковъ пропаганды среди рабочихъ, такъ какъ онъ несомнѣнно мѣшалъ этой пропагандѣ.

Правда, нѣкоторыя студенческія группы склонялись къ мысли о необходимости продолженія террора и приняли участіе въ организаціи такъ называемаго «второго первое марта», т. е. покушеніе на убійство Александра III. Не будучи доведена до конца, эта попытка, явившаяся во всѣхъ отношеніяхъ слабымъ подраженіемъ крупному событію 1-го Марта, какъ по составу участниковъ, такъ и по имѣвшимся у нихъ средствамъ, — окончательно дискредитировала политическій терроръ какъ средство добиться политической свободы. Среди студенческой массы сторонниковъ того теченія, что необходимо направить всѣ усилія на политическое развитіе рабочихъ массъ въ центрахъ и на подготовку революціонныхъ дѣятелей на мѣстахъ, было съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Въ 1884—5 году въ Петербургѣ была вполнѣ организованная группа революціонныхъ пропагандистовъ среди рабочихъ и учащейся молодежи, придерживавшаяся теоріи и практики заграничной группы революціонныхъ дѣятелей съ Плехановымъ и Аксельродомъ

во главѣ, т. е. группы «Освобожденія Труда», образовавшихъ впослѣдствіи партію русскихъ соціалъ-демократовъ.

Тѣ студенческія группы, среди которыхъ мнѣ приходилось вращаться, были на сторонѣ этой группы и, какъ заграницей велась полемика между народовольцами и будущими «эс-деками» («Наши Разногласія» Плеханова), такъ и въ Петербургѣ были постоянныя стычки между сторонниками этихъ двухъ теченій.

И въ землячествахъ часть членовъ была на одной, часть на другой сторонѣ. Но были и общія точки соприкосновенія, на которыхъ они сходились — это необходимость политическаго развитія массъ и подготовка сознательныхъ революціонныхъ дѣятелей. И у народовольцевъ была группа, занимавшаяся по преимуществу пропагандой среди рабочихъ; съ ней наша группа была всегда въ контактѣ и даже дѣлилась литературой.

Были и другіе пункты возможнаго единенія различныхъ теченій въ землячествахъ — это общія задачи работы на мѣстахъ. Независимо отъ принадлежности къ тому или иному революціонному теченію, намъ, членамъ землячествъ, почти всѣмъ приходилось возвращаться въ свои края и избрать ту или иную профессію, сообразно своей подготовкѣ и наклонностямъ. Всѣ мы принадлежали по преимуществу къ интеллигентному пролетаріату, и для насъ неизбѣжно было имѣть заработокъ, и, занимаясь той или иной профессіей вести свою революціонную линію. Забота о томъ, какъ привести это въ исполненіе и какъ лучше организовать дѣло, — занимала особенно всѣхъ, кто кончалъ курсъ, и въ скоромъ времени долженъ былъ возвращаться на родину и стать на мѣстѣ тѣмъ или инымъ общественнымъ дѣятелемъ.

И когда этотъ практическій вопросъ становился передъ каждымъ изъ насъ, всплывали невольно тѣ милые сердцу завѣты народничества — знакомиться ближе съ народной жизнью, изучать ее научно, стараться пріобрѣсти среди народа популярность, — которые заложены были въ каждомъ русскомъ интеллигентѣ нашими лучшими писателями народниками и цѣлымъ громаднымъ теченіемъ, звавшимъ идти на земскую службу народу, — теченіемъ, которое сильно развивалось уже въ восьмидесятыхъ годахъ.

Заняться чистой наукой, забывъ о служеніи народу, среди насъ считалось совершенно недопустимымъ аристократизмомъ, и, лишь имѣя въ виду приложеніе добытыхъ въ университетѣ знаній къ жизни съ пользой для народа, — можно было еще со спокойной совѣстью сидѣть въ лабораторіи надъ изученіемъ строенія того или иного животнаго или растенія. Я бы сказалъ даже, что самый выборъ предметовъ изученія, напримѣръ, въ области естествознанія

вполнѣ зависѣлъ отъ соображеній о возможности приложенія знанія къ жизни на пользу народу.

Бѣру свой случай: почему я возымѣлъ особый интересъ къ прикладной ихтіологіи и рыбоводству, ставшими моей спеціальностью? Да несомнѣнно потому, что я заранѣе предвидѣлъ и стремился работать въ своемъ родномъ краѣ, который все же былъ мнѣ ближе, чѣмъ другія мѣста Россіи, и въ которомъ рыболовство имѣло первостепенное значеніе, захватывало всѣхъ и вся.

И вотъ попавши разъ какъ то на публичную лекцію покойнаго О. А. Гримма въ Сельско-Хозяйственномъ Музеѣ о рыбоводствѣ, я сразу увлекся этимъ дѣломъ, рѣшилъ изучить его и примѣнить на практикѣ.

Гриммъ очень хорошо иллюстрировалъ свою лекцію картинами и много говорилъ о томъ, какъ американцы ведутъ дѣло разведенія рыбы въ широкомъ масштабѣ и какъ они добились обогащенія отдѣльныхъ рѣкъ цѣнными породами рыбъ. Это послѣднее особенно заинтересовало меня. Я захотѣлъ узнать подробности, пошелъ познакомиться съ лекторомъ и получилъ отъ него американскіе фоліанты по рыбоводству, изъ которыхъ извлекъ, что нужно, и впослѣдствіи у себя на родинѣ показывалъ заимствованныя въ нихъ картины на своихъ публичныхъ бесѣдахъ.

По своей обычной склонности быстро приводить въ исполненіе что либо задуманное, я въ ту же зиму былъ на Никольскомъ казенномъ рыбоводномъ заводѣ и практически изучилъ разведеніе форелей и сиговъ. Но этихъ рыбъ не было въ р. Уралѣ, а нужно было осуществить разведеніе осетровыхъ породъ. И вотъ я добиваюсь командировки отъ Общества Естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ весною 1884 года для производства опытовъ искусственнаго оплодотворенія севрюги.

До этого времени опыты были сдѣланы у насъ въ Россіи лишь со стерлядью. Опыты съ севрюгой представляли и научный интересъ, почему Общество дало мнѣ указанную командировку. Мои опыты удались: я привезъ рѣдкую коллекцію по эмбріологіи этой рыбы, сдѣлалъ о своей поѣздкѣ докладъ Обществу и занялся изученіемъ исторіи развитія севрюги въ физіологическомъ кабинетѣ Академіи Наукъ и академика Ф. В. Овсянникова — моего учителя по университету. Работа была опубликована въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» 1885 г., 2, стр. 113—128 и зачтена за диссертацію на степень кандидата Естественныхъ наукъ. Эти опыты обратили на себя вниманіе и за границей: сообщеніе о нихъ было сдѣлано въ Deutsche Fischerei-Zeitung, № 14, 1885 и въ америк. Bulletin of the U. S. Fish-Commission за тотъ же годъ. Впослѣдствіи

я уже съ практической цѣлью разводилъ севрюгу и осетра на р. Уралѣ въ сотняхъ тысячъ...

Но какъ ни увлекательна была эта работа по прикладной наукѣ, политика не давала мнѣ, какъ и другимъ моимъ современникамъ того же уклона, вполнѣ отдаться ей. Я отлично помню свои настроенія и эту двойственность интересовъ и наклонностей въ студенческую пору.

И надо признаться, эта двойственность интересовъ — къ прикладному естествознанію и къ общественно-политической жизни — продолжалась въ теченіе всей моей жизни, и я знаю, что я не составляю въ этомъ отношеніи какого либо исключенія, а многіе, и многіе изъ моихъ современниковъ прошли черезъ такіе же уклоны то въ одну, то въ другую сторону.

Такова уже была пережитая нами эпоха, опредѣленно вліявшая на всѣхъ насъ.

Возвращаясь къ освѣщенію студенческихъ настроеній первой половины восьмидесятыхъ годовъ и въ частности въ землячествахъ, необходимо отмѣтить весьма характерное теченіе — стремленіе къ объединенію общественно-политической дѣятельности землячествъ. Помнится, по моей инціативѣ, было созвано совѣщаніе представителей нѣсколькихъ землячествъ, члены которыхъ были знакомы между собою, и на немъ было рѣшено образовать «Товарищество объединенныхъ землячествъ», программу дѣятельности котораго я же и составилъ. Къ сожалѣнію документовъ подъ руками у меня нѣтъ и приходится говорить обо всемъ этомъ на память, а было это такъ давно.

Помню, что программа была нами отгектографирована. Какъ я уже упоминалъ, главнѣйшей задачей землячествъ ставилась подготовка общественно-политическихъ дѣятелей, имѣющихъ работать на мѣстахъ, причемъ по идеѣ «Товарищества объединенныхъ землячествъ» члены таковаго, принадлежащіе къ разнымъ землячествамъ, должны были по оставленіи Петербурга не терять между собою связи и находиться въ контактѣ. Въ числѣ задачъ для работы на мѣстахъ намѣчалось близкое ознакомленіе съ настроеніями и теченіями среди народа и возможно основательное изученіе экономическихъ условій его быта.

Естественно, что предварительной подготовкой къ такой работѣ на мѣстахъ должно было быть изученіе литературы о соотвѣтствующихъ губерніяхъ и областяхъ. И вотъ въ результатѣ такого хода мыслей и настроеній, помню, лично я зарылся на нѣсколько

мѣсяцевъ въ публичной библіотекѣ, проводя въ ней цѣлые дни, чтобы перечитать и сдѣлать выборки изъ всѣхъ книгъ и статей объ Уральскомъ Казачьемъ войскѣ — край, въ которомъ мнѣ предстояло работать. Кстати замѣчу, что составленный мною на основаніи этой работы въ публичной библіотекѣ «Обзоръ литературы объ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ» былъ охотно принятъ для печати въ мѣстной газетѣ «Уральскія Вѣдомости» 1883, и это была моя первая печатная работа, къ тому же оплаченная гонораромъ.

Увлекался я этой работой чисто по юношески, и открылъ такую массу интереснаго о своемъ родномъ краѣ, что желаніе дальнѣйшаго его изученія и освѣщенія современнаго экономическаго положенія сдѣлалось моей завѣтной мечтой, которая, волею судебъ, и осуществилась, какъ увидитъ далѣе читатель.

Съ свойственной мнѣ стремительностью я внесъ эту струю о необходимости изученія края въ среду Уральскаго землячества, а черезъ «Товарищество объединенныхъ землячествъ» и въ другія землячества. Но прослѣдить, какъ эти настроенія вылились на мѣстахъ въ другихъ районахъ не представляется возможнымъ по причинамъ такъ называемыхъ «независящихъ обстоятельствъ», о которыхъ ниже.

Среди студентовъ моихъ общихъ знакомыхъ, какъ сказано, была группа, занимавшаяся регулярной пропагандой среди рабочихъ и учащейся молодежи и стоявшая въ связи съ заграничными русскими соціалдемократами. Эту группу составляли слѣдующіе лица: земскій врачъ П. А. Латышевъ, В. Г. Харитоновъ, Д. Б. Благоевъ (болгаринъ), В. А. Кугушевъ (лѣсникъ), П. П. Аршауловъ (путеецъ), П. П. Шатько (технологъ), А. А. Герасимовъ и пишущій эти строки (естественникъ). Я былъ занятъ больше организаціонной работой и сношеніями съ заграницей, т. е. съ группой Плеханова и Аксельрода. Харитоновъ принималъ наиболѣе дѣятельное участіе по привлеченію къ пропагандистской работѣ самихъ рабочихъ и по организаціи подпольной типографіи. Латышевъ, Благоевъ, Шатько, Герасимовъ и Аршауловъ были регулярными пропагандистами среди рабочихъ разныхъ районовъ; Кугушевъ велъ пропаганду среди военныхъ пиротехниковъ.

Вся эта нелегальная работа, чтобы обойти полицейскій надзоръ и избѣжать провала, требовала большихъ усилій, ухищреній и изобрѣтательности. Собираться даже пяти-десяти человѣкамъ полиція запрещала, и квартирныя хозяйки обязаны были подпиской немедленно давать знать о такихъ собраніяхъ полиціи. Поэтому комнаты для занятій съ группами рабочихъ приходилось выбирать съ осторожностью и часто мѣнять.

Организовать группы и свести ихъ съ лекторомъ при тогдашнихъ полицейскихъ условіяхъ тоже было не такъ то легко. Находясь все еще подъ впечатлѣніемъ 1-го Марта, столичная полиція этого времени продолжала искать динамитчиковъ.

Очень остроумно характеризуетъ тогдашнее настроеніе полиціи слѣдующая комическая пѣсенка объ обыскѣ, ходившая среди студентовъ:

У студента подъ конторкой
Пузырекъ стоитъ съ касторкой...
А старшой [1]) то говоритъ:
«Это что-же, динамитъ?»
— А студентъ то говоритъ:
«Динамитъ — не динамитъ,
А при случаѣ палитъ...»

Но всего больше трудностей представляло подпольное печатаніе чего бы то ни было, полученіе и храненіе нелегальной литературы.

Въ этихъ дѣлахъ изобрѣтательность отдѣльныхъ работниковъ доходила до верха совершенства. Помню, разъ приносятъ къ намъ на квартиру, снятую спеціально для храненія литературы и пр. на имя одной изъ сочувствующихъ нашей работѣ курсистокъ, — особый табуретъ для храненія нелегальной литературы и документовъ. Съ виду это былъ обыкновенный табуретъ, но его сидѣнье было ловко оборудовано внутреннимъ помѣщеніемъ, такъ секретно открывавшимся, что и самому хитрому полицейскому крючку не найти, какъ «ларчикъ этотъ открывался». Я спокойно держалъ въ немъ переписку съ заграничными лидерами С. Д.

Въ той же квартирѣ у насъ былъ устроенъ подъемный полъ, подъ которымъ случалось хранить шрифтъ и литературу.

Типографія хранилась по частямъ въ разныхъ мѣстахъ, но главная ея часть была припрятана на подволокѣ одного изъ одноэтажныхъ домиковъ съ мансардомъ Петербургской стороны, принадлежавшаго «тетѣ» одного изъ нашихъ главныхъ работниковъ — В. Г. Харитонова. Когда надо было начинать работу, части типографіи — валъ, станокъ и шрифтъ сносились въ квартиру Харитонова, жившаго въ мансардѣ «тетинаго» дома, и начиналась работа. Въ ней принимали участіе студенты и курсистки добровольцы, а также профессіональные типографскіе рабочіе, сочувствующіе дѣлу. Че-

---

[1]) Старшій дворникъ, обычно агентъ полиціи, присутствовавшій при обыскахъ.

резъ нихъ же и знакомыхъ служащихъ барышень въ типографіяхъ, добывался шрифтъ.

А печатали мы одну изъ первыхъ нелегальныхъ газетъ для рабочихъ «Рабочій», котораго вышло, помнится, два номера. Общее направленіе было соціалдемократическое по программѣ «Группы Освобожденія труда». Кромѣ принципіальныхъ статей-передовыхъ были въ ней корреспонденціи и сообщенія изъ жизни Петербургскихъ заводовъ — о забастовкахъ и пр.

Въ концѣ концовъ типографію полиція выслѣдила и Харитоновъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми его сотрудниками былъ арестованъ, и послѣ продолжительнаго сидѣнія въ «предварилкѣ» былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ оставался и по истеченіи срока ссылки на службѣ у Ленскаго золотопромышленнаго общества вплоть до 90-хъ годовъ, когда онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ и живетъ по сіе время.

Возвращаясь къ ухищреніямъ скрыться отъ полиціи, разскажу, какъ мы получали заграничную литературу и письма отъ Плеханова и Аксельрода. Какъ литература, такъ и письма печатались и писались на тончайшей синеватой плотной бумагѣ, занимавшей очень немного мѣста: брались переплетенныя книги большого формата in quarto, по преимуществу ноты, картонъ крышки расщеплялся и внутрь вкладывались листы брошюръ или письма, затѣмъ все это аккуратно заклеивалось, и книга сдавалась на почту по надлежащему адресу.

Я получалъ благополучно не одинъ десятокъ такихъ книгъ «со вложеніемъ» изъ Швейцаріи, и извлеченіе изъ нихъ «вложеній» бывало для насъ цѣлымъ событіемъ.

Какъ ни кустарно велось это дѣло, оно требовало средствъ, и добываніе ихъ всегда было нашимъ больнымъ мѣстомъ: посильный сборъ среди братіи давалъ пустяки, выручали иногда отдѣльные болѣе состоятельные члены группы — Кугушевъ, Шатько. Нѣкоторый процентъ отчислялся при возможности съ вечеринокъ. Но были и совершенно особые и исключительные источники доходовъ на общее дѣло. Отмѣчу два лично мнѣ извѣстныхъ случая.

Весною 1885 г. упоминавшійся уже мною О. А. Гриммъ организовалъ изъ кончающихъ или кончившихъ курсъ студентовъ-естественниковъ группу въ помощь себѣ при порученномъ ему изслѣдованіи вопроса о сельдяномъ ловѣ въ устьяхъ р. Волги. Приглашеніе нѣкоторыхъ товарищей шло черезъ меня, и въ число приглашенныхъ лицъ попали сочувствующія нашей работѣ по пропагандѣ среди рабочихъ — А. А. Шапошниковъ, Н. М. Книповичъ, Обольяниновъ и Бафтоловскій. При отправленіи въ Астрахань

намъ, какъ водится при казенныхъ командировкахъ, выписали по нѣсколько сотъ рублей прогонныхъ денегъ — въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ нужно было на проѣздъ, — и вотъ, по моему предложенію, всѣ мы отчислили изъ нихъ, не помню точно сколько процентовъ, но, помнится, получилось на общее дѣло что то около 200 руб., которые и были переданы по назначенію.

Другой случай былъ еще занятнѣе по своимъ заданіямъ. Въ поискахъ богатыхъ сочувствующихъ лицъ мы остановились на одномъ крупномъ донскомъ помѣщикѣ, человѣкѣ очень доброй души, но намъ почти незнакомомъ и бывшимъ тогда въ Кіевскомъ университетѣ. Рѣшено было непремѣнно добраться до него, привлечь на свою сторону и просить дать денегъ на дѣло. Упомянутая уже выше курсистка, на имя которой была снята наша конспиративная квартира, кромѣ необычайной смѣлости и преданности дѣлу, обладала женской обаятельностью. Я не сказалъ бы, что она была красива, но что особенно обаятельно дѣйствовало въ ней на людей — это ея глаза — громадные, осѣненные длинными рѣсницами и проникающіе къ вамъ въ самые душевные тайники. Мы отлично знали по опыту, что Авдотья Ивановна — такъ ее звали — если захочетъ, можетъ заставить васъ выложить все «какъ на духу» священнику: такъ легко и быстро она располагала къ себѣ съ первой же встрѣчи, а затѣмъ она при желаніи могла пріобрѣсти надъ вами духовную власть и вліяніе. Мы обратились къ ней съ общей просьбой послужить на общее дѣло, поѣхать въ Кіевъ, познакомиться съ означеннымъ лицомъ, войти къ нему въ довѣріе и добиться его участія въ нашемъ дѣлѣ.

И она взялась за это предпріятіе и отлично его выполнила; только воспользоваться результатами намъ не удалось по случаю провала типографіи и ареста большинства участниковъ группы.

Провалъ типографіи и аресты имѣли мѣсто уже послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга на родину, гдѣ добрались и до меня, но нѣсколько позже, о чемъ рѣчь пойдетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же для освѣщенія жизни студенческаго періода я остановлюсь еще на нѣкоторыхъ ея сторонахъ, и прежде всего на внѣшности тогдашнихъ студентовъ и студентокъ. Формы у студентовъ тогда не было, и провинціалы въ большинствѣ носили рубашки косоворотки съ вышитымъ воротникомъ и грудью, съ тесемнымъ поясомъ, а сверхъ накидывался пиджакъ. Курсистки тоже преимущественно носили русскія блузки съ вышивкой, — онѣ теперь въ модѣ въ Америкѣ и носятъ названіе «русской блузы». Когда молодежь собиралась на вечеринки, она представляла очень живописную пестроту и красочность.

Кромѣ земляческихъ вечеровъ ежегодно устраивались балы: универсантами, технологами, медиками, — и эти балы носили грандіозный характеръ. Помню, большинство ихъ имѣли мѣсто въ залѣ Дворянскаго собранія. Лучшіе артисты принимали участіе въ концертномъ отдѣленіи, въ продажѣ афишъ, цвѣтовъ, шампанскаго и пр. Если на балу появлялся кто либо изъ популярныхъ писателей, то ему устраивали торжественную овацію, а онъ въ какой либо отдѣльной комнатѣ, бывало, отвѣчалъ рѣчью.

На одномъ изъ такихъ большихъ баловъ — только это было не въ Дворянскомъ собраніи, — помню, мы качали и носили на рукахъ Михайловскаго, а затѣмъ онъ говорилъ рѣчь, которая, однако, сильно разочаровала насъ, такъ какъ онъ просилъ прекратить демонстрацію, грозившую прекращеніемъ такихъ баловъ (а они давали средства для оказанія помощи недостаточнымъ студентамъ и политическимъ ссыльнымъ), а также личными для него непріятностями.

И, если память мнѣ не измѣняетъ, непріятность эта и не миновала его, такъ какъ вскорѣ онъ принужденъ былъ редактировать журналъ изъ мѣста его временной высылки изъ Петербурга.

Кромѣ писателей на этихъ вечерахъ обычно бывали любимые профессора, и молодежь была всегда рада видѣть ихъ въ своей средѣ, а не только на каѳедрѣ. Съ ними можно было говорить какъ съ простыми смертными, а не знаменитостями. Въ связи съ этимъ мнѣ приходитъ на память случай на одномъ изъ такихъ вечеровъ съ Д. И. Менделѣевымъ.

Въ разгарѣ вечера подходитъ къ нему одна изъ смѣлыхъ курсистокъ-естественницъ и задаетъ ему какой то вопросъ изъ области химіи.

Менделѣевъ, улыбаясь своей милой улыбкой, вмѣсто отвѣта на вопросъ по научной части, восторженно говоритъ:

«А какая у Васъ прелестная брошка, милая барышня! И какъ она къ Вамъ идетъ!...»

Барышня страшно сконфузилась и отъ комплимента, и отъ догадки о неумѣстности ея вопроса на балу, гдѣ люди собрались повеселиться. . .

Веселились, конечно, какъ всегда и вездѣ молодежь веселится, на этихъ вечерахъ — до упаду. . .

Еще нѣсколько дополнительныхъ словъ о групповой подготовкѣ къ будущей общественной дѣятельности на мѣстахъ.

Я уже упоминалъ, что это было связано съ изученіемъ литературы о краѣ и настроеній населенія. Это послѣднее намѣчалось

вести планомѣрно, и въ этихъ видахъ была намѣчена особая программа, въ которую входили вопросы: объ отношенiи населенiя къ царской власти, къ мѣстному начальству, объ экономическомъ положенiи отдѣльныхъ группъ — рабочихъ, крестьянъ, казаковъ и пр. Такая программа у меня была на рукахъ уже въ первую мою поѣздку на р. Уралъ... для опытовъ искусственнаго оплодотворенiя икры севрюги, — и по ней были собраны небезъинтересныя свѣдѣнiя, впослѣдствiи весьма мнѣ пригодившiяся. Была эта программа у насъ всѣхъ, когда мы изучали... ходъ сельди въ р. Волгѣ.

Не забывали мы, студенты съ общественнымъ направленiемъ, вести пропаганду среди учащейся молодежи во время лѣтнихъ вакацiй въ провинцiи. Мы всегда были окружены и находились въ тѣсномъ общенiи съ гимназистами и гимназистками старшихъ классовъ, информируя ихъ по части выбора факультета, а также снабжая ихъ литературнымъ матерiаломъ для саморазвитiя. У насъ былъ на рукахъ списокъ книгъ и статей для развитiя правильнаго мiросозерцанiя, по которому молодежь и готовилась, находя, до извѣстнаго изъятiя изъ публичныхъ библiотекъ громаднаго количества либеральныхъ книгъ и журналовъ, — большую часть произведенiй, значащихся въ программѣ, — въ этихъ библiотекахъ. Но кромѣ того у насъ была небольшая нелегальная библiотека, изъ которой книги выдавались лишь при увѣренности, что тайна будетъ соблюдена. Когда же состоялось упомянутое грандiозное изъятiе книгъ изъ публичныхъ библiотекъ, нелегальныя библiотеки разрослись до большихъ размѣровъ, включая много изъ изъятыхъ изъ обращенiя книгъ. Подробнѣе объ исторiи одной такой библiотеки въ г. Уральскѣ я разскажу въ слѣдующей главѣ, гдѣ излагается работа въ провинцiи.

Заканчивая очеркъ университетскаго перiода, я упомяну кратко объ одномъ эпизодѣ въ жизни уральскаго землячества, имѣвшемъ большое значенiе въ дальнѣйшей исторiи интеллигентской работы на мѣстахъ.

Одинъ изъ моихъ товарищей по уральскому землячеству, юристъ по образованiю, Н. М. Лагашкинъ, былъ внѣ революцiонной работы и готовился быть адвокатомъ, конечно, имѣя ввиду оказывать помощь массѣ населенiя по преимуществу. Какъ разъ передъ окончанiемъ курса онъ получилъ съ почты таинственную посылку — круглую коробку съ обсахаренными фисташками; почтовый штемпель былъ «Казалинскъ, Сыръ-Дарьинской области». Когда этотъ гостинецъ мы поѣли — съ удовольствiемъ, конечно, — то на днѣ оказалась объемистая рукопись, писанная «уставомъ», т. е. славянскими печатными буквами. То было письмо «уходцевъ» т. е. ссыль-

ныхъ уральскихъ казаковъ, находившихся въ то время на поселенiи въ Туркестанскомъ краѣ. Для лицъ, незнакомыхъ съ исторiей громкаго въ свое время дѣла, необходимо дать въ нѣсколькихъ словахъ объясненiе, что это за «уходцы» и за что они были высланы.

Въ 1874 г. были введены въ жизни уральскихъ казаковъ различныя реформы, касавшiяся ихъ военной службы и самоуправленiя. Между прочимъ вводилась обязательная для каждаго молодого казака военная служба, что измѣняло прежнiй порядокъ отбыванiя воинской повинности. Уральскiе казаки выросли съ недовѣрiемъ къ центральноний власти и какъ огня боялись ея вмѣшательства въ ихъ внутреннiя дѣла. Цѣлый рядъ бунтовъ, начиная съ пугачевщины, въ которой уральскiе — тогда яицкiе казаки играли большую роль, — и далѣе въ 1803—1837 годахъ вызывался подобными же шагами центральной власти, направленными къ тому, чтобы прибрать вольныхъ казачьковъ къ рукамъ. Если событiя на Уралѣ въ 1772 и 1803 гг. можно отнести къ бунтамъ, то событiя 1837 и 1874—76 г. были сплошнымъ недоразумѣнiемъ, основанномъ на нелѣпомъ поведенiи мѣстнаго начальства и на вѣковомъ недовѣрiи казачества ко всякимъ реформамъ въ ихъ бытѣ.

Въ 1837 году уральцы подали жалобу прiѣхавшему тогда въ Уральскъ наслѣднику-цесаревичу на разныя неурядицы и насилiя мѣстныхъ властей, которыя и создали «бунтъ», окончившiйся ссылкой нѣсколькихъ десятковъ «главарей» въ Сибирь.

Въ 1874 г. чисто пассивное сопротивленiе казаковъ введенiю реформъ вызвано было главнымъ образомъ самыми прiемами начальства по введенiю «новаго положенiя». Съ большого ума, когда ему стало извѣстно недовольство казаковъ и по преимуществу стариковъ, игравшихъ всегда большую роль среди старообрядческаго патрiархальнаго населенiя, — оно распорядилось отбирать отъ всѣхъ поголовно «подписку» о принятiи новаго положенiя, причемъ подписываться предлагали на чистыхъ листахъ.

Вотъ тутъ-то заварилась «крутая каша», которую начальству пришлось расхлебывать въ теченiи десятка лѣтъ и въ результатѣ которой была массовая ссылка казаковъ съ семьями въ административномъ порядкѣ на поселенiе въ пустынныя части Сыръ-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей Туркестанскаго края. . .

Давать «подписку» уральцы рѣшительно отказались, мотивируя свой отказъ двумя резонами: во первыхъ они не знаютъ, «подо что подписываются» (бѣлые листы), во вторыхъ, по своимъ религiознымъ убѣжденiямъ, которыя запрещаютъ имъ давать клятвенныя

обѣщанія и пр. Этотъ второй резонъ, основанный на религіозномъ суевѣріи, принялъ массовой характеръ — въ родѣ религіознаго психоза; угрозы и насильственныя мѣры начальства только усилили пассивное сопротивленіе, принявшее характеръ мученичества «за христіанскую вѣру». Женщины (матери и жены) запрещали сыновьямъ и мужьямъ «подчиняться новому положенію» и «давать подписку», считая это великимъ грѣхомъ; отцы грозили проклятіями сыновьямъ и первыми пошли подъ арестъ. Процессіи арестованныхъ, почтенныхъ бородатыхъ стариковъ подъ конвоемъ военной стражи, только подливали масло на огонь, и арестовывать приходилось чуть не поголовно всѣхъ.

Для устрашенія рѣшили сослать первыя партіи арестованныхъ на поселеніе въ Туркестанскій край. Это было уже въ 1875 году. Арестованные отказывались идти добровольно по этапу, ихъ приходилось тащить силой, что при сотняхъ арестованныхъ представляло не легкую задачу; конвойные казаки и офицеры озлобились, и ими были пущены въ ходъ нагайки: стариковъ истязали и затѣмъ силой втаскивали въ телѣги и увозили подъ конвоемъ. Вообще картина всего этого насилія носила дикій и возмутительный характеръ и надолго осталась въ памяти всего мѣстнаго населенія...

Вотъ эти-то казаки уральскіе, ушедшіе въ ссылку, назывались «уходцами». Ссылка была безсрочная. Въ 1876 г. приказано было выслать въ административномъ порядкѣ на казенный счетъ къ уже поселеннымъ насильственно въ устьяхъ Сыръ- и Амуръ-Дарьи уральцамъ — ихъ женъ и дѣтей. Такихъ семей набралось 2500, считая вокруги дѣтей по 3 на семью это составило 7500 душъ, которыя и должны были быть доставлены въ Туркестанъ. Желѣзной дороги тогда не было, такъ что это небывалое полчище шло походнымъ порядкомъ... Конечно не мало старухъ и дѣтей перемерло въ пути, а когда ихъ привезли наконецъ, послѣ тяжелаго путешествія по пустынѣ, къ отцамъ и мужьямъ, тѣ, отчасти въ припадкѣ изувѣрства, а больше, чтобы насолить начальству, ихъ всячески мучившему, — отказались ихъ принять: «вы, де, привезли ихъ безъ нашего согласія, а потому и содержите ихъ сами»...

Получилось очень тяжелое положеніе и для женщинъ съ дѣтьми, и для начальства, не знавшаго какъ тутъ быть. И опять пущены были въ ходъ усмирительныя мѣры дикаго характера, стоившія многимъ, болѣе слабымъ, жизни.

Вотъ обо всѣхъ этихъ злоключеніяхъ своихъ, которыя казаки, какъ люди глубоко религіозные, считали божескимъ наказаніемъ за ихъ грѣхи, «уходцы» подробно и замѣчательнымъ библейскимъ

слогомъ и съ сильнымъ пафосомъ писали въ посланіи къ студенту-юристу Лагашкину, котораго лично, конечно, не знали, а знали лишь, что онъ казакъ, студентъ и юристъ. А цѣль посланія была ни болѣе, ни менѣе какъ добиться царскаго приказа о разслѣдованіи дѣла и о возстановленіи ссыльныхъ въ ихъ прежнихъ казацкихъ правахъ. Они были убѣждены, да въ сущности не безъ основанія, имѣя въ виду громоздкость управленія имперіей съ 120-милліоннымъ населеніемъ, — что все это творилось безъ вѣдома царя.

Конечно, студентъ Лагашкинъ сдѣлать ничего подобнаго не могъ, но Лагашкинъ, — впослѣдствіи дѣльный адвокатъ, — не мало помогалъ бывшимъ ссыльнымъ уральцамъ въ возстановленіи ихъ имущественныхъ правъ, и сдѣлался одной изъ популярнѣйшихъ личностей у уральскихъ казаковъ, избиравшихъ его неоднократно предсѣдателемъ «Съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ» — родъ мѣстнаго земскаго собранія. Въ этой области работа на мѣстѣ у насъ съ нимъ была общая, и о ней болѣе подробно будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Упомянулъ же я объ этомъ эпизодѣ изъ нашей студенческой жизни, во первыхъ, потому что онъ является показателемъ того, какъ въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго населенія уже тогда стали относиться къ студентамъ и къ интеллигенціи, а кромѣ того этотъ документъ послужилъ мнѣ поводомъ попытаться предать огласкѣ возмутительные факты учиненнаго надъ уральцами насилія... Текстъ письма былъ, съ небольшими измѣненіями, переписанъ, сдѣлано краткое предисловіе для поясненія происхожденія документа и подъ характернымъ для этого письма заголовкомъ «Судьбы владычны» — каковой терминъ не разъ употребленъ въ письмѣ уходцевъ, — статья была направлена въ редакцію «Дѣла».

Мы ждали съ нетерпѣніемъ результатовъ. Нетерпѣніе и желаніе ускорить опубликованіе документа подтолкнуло меня пойти въ редакцію и узнать, каковы шансы на опубликованіе. Теперь не могу никакъ вспомнить, кто изъ редакціи принялъ меня и разговаривалъ со мной. Но отчетливо помню, что на рукописи была помѣтка о прочтеніи ея Н. В. Шелгуновымъ. Матеріалъ былъ найденъ редакціей очень интереснымъ, но совершенно сырымъ и въ такомъ видѣ, непригоднымъ для печати, тѣмъ болѣе что и въ цензурномъ отношеніи онъ представлялъ большую опасность. Тогда «Дѣло», какъ и «Отечественныя Записки» были подъ особымъ цензорскимъ надзоромъ. Такъ эта рукопись и осталась безъ употребленія нѣсколько лѣтъ, а потомъ, какъ то въ ожиданіи обысковъ, уже въ провинціи была уничтожена.

Говоря о Лагашкинѣ, нынѣ покойнымъ (1915), по ассоціаціи идей я вспомнилъ и о другой его роли въ смыслѣ общенія съ массой сѣраго казачества. Въ то время среди студентовъ уральцевъ онъ былъ одинъ изъ немногихъ сыновей рядового, не привиллегированнаго казачества, попавшихъ въ университетъ. Большинство насъ были дѣти офицеровъ и чиновниковъ, и къ нему, какъ-то рядовые казаки подходили свободнѣе и общались съ нимъ непринужденнѣе. А черезъ него и мы, остальные члены уральскаго землячества, знакомились съ казачьей массой, на пользу которой, какъ уже много разъ говорилось, мы собирались работать на мѣстахъ.

Такимъ путемъ мы вскорѣ стали друзьями казаковъ Уральской гвардейской сотни, квартировавшей въ Петербургѣ, и мало по малу стали помогать ихъ самообразованію и развитію. Стали они почитывать кое что изъ нелегальнаго и постепенно измѣняли свой взглядъ на современныя условія политической жизни и на полицейскую роль, которую правительство пыталось навязать казачеству.

Конечно, это не замедлило отразиться на поведеніи и разговорахъ отдѣльныхъ, болѣе экспансивныхъ казаковъ изъ молодежи, на что обратили свое вниманіе офицеры-начальники, учуявшіе пропаганду среди «Лейбъ-Гвардіи Его Величества». Оно готовилось накрыть казаковъ съ поличнымъ. Но ближайшее начальствованіе надъ казаками сосредоточивалось въ рукахъ «вахмистра», который былъ на нашей сторонѣ, и, конечно, заблаговременно очистилъ эскадронное помѣщеніе отъ всякихъ признаковъ крамолы . . .

Я кончилъ университетъ въ 1884 г., но остался на зиму 1884—85 г. въ Петербургѣ исключительно изъ за начатой работы среди землячествъ и нашего кружка, занимавшагося пропагандой среди рабочихъ. Покинулъ я Петербургъ весною 1885 г. Какъ было уже сказано, мы компаніей отправились на Волгу для изслѣдованія сельдяного лова. По окончаніи работы я оттуда проѣхалъ прямо на родину въ Уральскъ.

Итакъ, прощай университетъ, прощай полная юношескихъ увлеченій и устремленій студенческая жизнь! Ѣдемъ на работу на мѣстахъ, полные надеждъ на успѣхъ въ жизненной борьбѣ за правое дѣло.

ГЛАВА II.

РАБОТА ВЪ ПРОВИНЦІИ: ВЪ Г. УРАЛЬСКѢ, ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ, СЪ 1885 ПО 1890 Г.

Исполненіе намѣченныхъ въ Петербургѣ заданій: экономическое изученіе края и пропаганда среди учащейся молодежи. — Знаменитое изъятіе книгъ и журналовъ изъ публичныхъ библіотекъ и его оригинальное проведеніе въ жизнь въ г. Уральскѣ — «ауто-да-фе» сочиненій еретическихъ авторовъ. — Созданіе нелегальной библіотеки. — Арестъ и поѣздка на казенный счетъ въ Петербургъ. — Въ «предварилкѣ: вижу въ окно петербургскихъ товарищей на «прогулкѣ». — На допросѣ въ жандармскомъ управленіи. — Въ кабинетѣ у директора департамента полиціи Дурново. — «Генералы помогли»: освобожденіе и возвращеніе въ Уральскъ — Экономическая перепись и составленіе «Статистическаго Описанія Уральскаго Казачьяго Войска». — Изданіе полнаго собранія сочиненій І. И. Желѣзнова 1888 г. — М. К. Курилинъ. — На рыбопромышленной выставкѣ въ Петербургѣ: недоразумѣніе со столичной полиціей; спасла отъ высылки изъ столицы... зернистая икра.

По возвращеніи лѣтомъ 1885 г. на родину въ г. Уральскъ мнѣ пришлось прежде всего рѣшить вопросъ о средствахъ существованія. Какъ уже было сказано, одной изъ ближайшихъ задачъ работы въ провинціи ставилось подробное изученіе экономическаго и культурнаго быта края. Земства у насъ не было, и всѣ статистическія свѣдѣнія собирались ежегодно для годового отчета черезъ станичныхъ атамановъ, соотвѣтствующихъ по своимъ функціямъ волостнымъ старшинамъ. Общее завѣдываніе этимъ дѣломъ было

сосредоточено въ Хозяйственномъ Правленіи, — учрежденіи военно-административнаго характера, вѣдавшемъ, кромѣ чисто административныхъ, всѣ дѣла земскаго и муниципальнаго характера. Съ нимъ было тѣсно связанъ и своеобразный органъ мѣстнаго самоуправленія — «Съѣздъ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ», игравшій впослѣдствіи, особенно со времени проявленій свободы и начальнаго парламентаризма въ Россіи, — очень крупную роль, и о немъ не разъ придется говорить впослѣдствіи. Въ началѣ же моей работы въ провинціи это учрежденіе было совершенно обезличено и влачило жалкое существованіе.

Какъ бы то ни было, хозяйственное правленіе по своимъ функціямъ, особенно въ области возможнаго собиранія статистическихъ свѣдѣній, представлялось мнѣ единственнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ, гдѣ, быть можетъ, можно было бы осуществить задуманную работу. Представилась возможность получить въ немъ мѣсто помощника дѣлопроизводителя, завѣдующаго статистикой, и съ осени 1885 г. я поступилъ на службу въ это учрежденіе. Конторку мою для работы помѣстили въ архивѣ, гдѣ отъ всего вѣяло стариной, а казачья старина была полна крупныхъ событій и героизма.

Надо замѣтить, что войсковой архивъ дѣйствительно содержалъ въ себѣ массу рѣдчайшихъ документовъ по исторіи края и содержался въ хорошемъ порядкѣ, а, главное, служащіе въ немъ прямо таки любовно относились къ казачьей старинѣ. Одинъ изъ нихъ, писарь Чеботаревъ, всю свою жизнь провелъ въ архивѣ и былъ прямо энциклопедической справочной книгой обо всемъ замѣчательномъ въ исторіи края. Мы съ нимъ очень подружились, а впослѣдствіи его сынъ поступилъ ко мнѣ на службу писаремъ и сдѣлался моимъ ближайшимъ помощникомъ по всѣмъ дѣламъ, которыя пришлось вести въ городѣ Уральскѣ.

Это случайное помѣщеніе моей конторки въ архивѣ и сближеніе съ архивными работниками имѣло не малое значеніе въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ моей дальнѣйшей общественной дѣятельности въ краѣ, почему я о немъ и упоминаю.

Я уже говорилъ, что все напечатанное объ Уральскомъ войскѣ я перечиталъ еще въ Петербургѣ и напечаталъ подробный «Обзоръ литературы объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ». Въ архивѣ я узналъ, что тамъ хранятся неизданные матеріалы и статьи мѣстнаго бытописателя и патріота Іосафа Игнатьевича Желѣзнова, довольно извѣстнаго и недюжиннаго писателя 60-хъ годовъ. Было извѣстно, что онъ собирался писать исторію Уральскаго войска и собралъ въ московскихъ архивахъ обширный матеріалъ.

Всѣ его матеріалы и рукописи съ любовью были собраны его другомъ Н. Ф. Савичевымъ, который какъ разъ завѣдывалъ войсковымъ архивомъ. Цѣлыхъ три громадныхъ тома въ переплетѣ были сданы въ архивъ и значились подъ особымъ архивнымъ номеромъ.

Говорю обо всемъ этомъ потому, что впослѣдствіи я задался мыслью объ изданіи собранія сочиненій Желѣзнова, что и привелъ въ исполненіе. А архивъ и его документы дали первый толчекъ къ ближайшему ознакомленію съ томами матеріаловъ и рукописей Желѣзнова и къ использованію ихъ въ литературныхъ цѣляхъ.

Работа моя по статистикѣ состояла въ сводкѣ цифровыхъ данныхъ, доставляемыхъ станичными атаманами (ихъ было 30) въ общія таблицы по войску. Считали мы съ помощникомъ писаремъ на счетахъ, въ каковой практикѣ я хорошо набилъ руку, что помогло мнѣ впослѣдствіи одолѣть громадную статистическую работу при очень ограниченной помощи со стороны и сравнительно въ короткое время, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

При ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстной статистикой я весьма скоро убѣдился въ несовершенствѣ употребляемыхъ пріемовъ собиранія свѣдѣній и въ непригодности валовыхъ цифръ о мѣстныхъ промыслахъ населенія для сужденія объ его экономическомъ положеніи.

Нѣкоторое знакомство съ земскими статистическими работами дало мнѣ указаніе на необходимость реформъ во всей постановкѣ дѣла, а вскорѣ я вступилъ съ нѣкоторыми изъ земскихъ статистиковъ, особенно выдѣлявшимися своими работами, въ переписку, продолжавшуюся въ теченіе ряда лѣтъ. То были: Н. А. Каблуковъ въ Москвѣ и Н. Ф. Щербина въ Воронежѣ. Черезъ переписку съ ними и получая отъ нихъ формы карточекъ и таблицъ, я многому научился по статистикѣ въ ея практической части. Теоретическія же познанія въ этой области я получилъ изъ прекраснаго курса лекцій по статистикѣ А. И. Чупрова и изъ нѣкоторыхъ другихъ руководствъ, и полюбилъ эту отрасль экономическихъ знаній, столь близкую по своимъ методамъ къ естествознанію, на которомъ я воспитался. Въ самомъ дѣлѣ, методъ регистраціи фактовъ, подсчетъ ихъ, выводъ среднихъ величинъ, постройка графикъ и т. п. — все это одинаково примѣняется и въ естествознаніи, и въ статистикѣ, и очень правильно, что одно время на нашихъ «Всероссійскихъ съѣздахъ естествоиспытателей» былъ отдѣлъ статистики. Правда, это пришлось сдѣлать вынужденно, такъ какъ отдѣльно статистикамъ съѣзжаться не было разрѣшено.

Итакъ, я полюбилъ статистику, а любовь, какъ извѣстно, рѣдко обходится безъ жертвъ, и я принесъ статистикѣ крупную жертву, посвятивъ статистической работѣ два-три лучшихъ года свѣжихъ юношескихъ силъ и увлеченія. Это было, дѣйствительно, форменное увлеченіе, вродѣ увлеченія женщиной, когда буквально забываешь все окружающее, думаешь и днемъ, и ночью только объ одномъ предметѣ. И такимъ предметомъ сдѣлалась для меня задуманная и выполнявшаяся въ теченіе двухъ лѣтъ напряженнѣйшаго и страстнаго, я не нахожу иного слова для характеристики своего тогдашняго настроенія, — труда. И если результаты этой работы были признаны компетентнымъ и незаинтересованнымъ учрежденіемъ (Императорское Географическое общество по отдѣленію этнографіи и статистики) удовлетворительными (потомъ я скажу объ этомъ точнѣе), — то съ другой стороны, не менѣе компетентное лицо для оцѣнки моего физическаго состоянія послѣ перваго года статистическаго увлеченія — мой врачъ — насильственно прекратилъ это увлеченіе, запретивъ всякую умственную работу и отправивъ меня на кавказскія минеральныя воды . . .

Однако, увлекаясь этими воспоминаніями, я забѣжалъ нѣсколько впередъ и долженъ вернуться назадъ и продолжать свой разсказъ по порядку.

Поистинѣ вѣрна пословица: «На ловца и звѣрь бѣжитъ». Только это я обдумывалъ, какъ бы подступиться къ настоящему экономическому и всякому другому обслѣдованію края, какъ изъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ (это центральное учрежденіе въ Петербургѣ завѣдывало крупными дѣлами всѣхъ казачьихъ войскъ) получается предложеніе озаботиться составленіемъ и напечатанеімъ къ трехсотлѣтнему юбилею Уральскаго казачьяго войска его «Статистическаго описанія».

Принимая во вниманіе мое прямое отношеніе къ войсковой статистикѣ, мое знакомство съ литературой края («Обзоръ литературы» сослужилъ мнѣ службу) и мои уже опубликованныя тогда нѣкоторыя статьи въ газетахъ и журналахъ, начальство, естественно, остановилось на мнѣ и предложило написать подробную программу работы для представленія на утвержденіе Главнымъ Управленіемъ казачьихъ войскъ. Программа была составлена, выработанъ планъ экономической переписи по лучшимъ земскимъ образцамъ, производство каковой мною ставилось conditio sine qua non исполненія самаго «описанія», — все это отправлено въ Питеръ на утвержденіе, на каковое, по тогдашней медлительности дѣйствій центра, ушло что-то не меньше года.

А тѣмъ временемъ и въ моей личной жизни, и въ мѣстной общественной жизни произошелъ цѣлый рядъ событій, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе.

Я уже упоминалъ о библіотекѣ, которая была образована главнымъ образомъ изъ книгъ, изъятыхъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ изъ публичныхъ библіотекъ. Исторія приведенія въ исполненіе этого распоряженія въ Уральскѣ, тѣсно связанная съ исторіей нашей нелегальной библіотеки, является исключительно колоритной и характерной для того времени.

Надо замѣтить, что уральская публичная библіотека, основанная въ 60-хъ годахъ, была исключительно богата хорошимъ подборомъ книгъ, что въ значительной степени зависѣло отъ личности библіотекаря, И. М. Назарова, истиннаго любителя и знатока хорошихъ книгъ. Кромѣ всѣхъ классиковъ — русскихъ и иностранныхъ — библіотека имѣла полные комплекты всѣхъ прогрессивныхъ русскихъ журналовъ за все время ихъ изданія.

И вотъ эдакому то человѣку было предписано — «изъять изъ обращенія» всѣ лучшія книги и журналы, что составило болѣе трети всей библіотеки. Конечно, онъ очень неохотно привелъ въ исполненіе варварскій циркуляръ и радъ былъ спасти отъ изъятія такъ или иначе хоть часть книгъ. Мы были съ нимъ пріятелями на почвѣ книги и литературы, и съ его вѣдома и согласія намѣтили планъ довольно своеобразной операціи систематическаго затериванія наилучшихъ книгъ изъ подлежащихъ изъятію. Въ заговоръ приглашено было съ десятокъ подписчиковъ, сочувствующихъ идеѣ и по списку забирали нужныя книги и «затеривали» ихъ, уплачивая согласно библіотечнымъ правиламъ ихъ стоимость. Средства для выкупа книгъ были спеціально собраны. Такимъ путемъ удалось спасти отъ изъятія и оставить въ обращеніи, для мѣстной учащейся молодежи по преимуществу, — около сотни лучшихъ книгъ, къ которымъ добавлено было большое количество сборниковъ, составленныхъ изъ журнальныхъ статей «Отечественныхъ Записокъ» и «Дѣла» по авторамъ. Для нашей библіотеки былъ купленъ шкафъ, который вмѣстѣ съ книгами хранился то у одного, то у другого изъ членовъ кружка, занимавшагося развитіемъ мѣстной учащейся молодежи.

Конечно, спасти удалось сравнительно незначительную часть книгъ публичной библіотеки. Вся остальная ихъ масса была отобрана, помѣщена въ отдѣльные шкафы и запечатана казенными печатями.

Казалось, начальство приняло мѣры, и все обстояло благополучно. Но время было безпокойное. По какимъ то доносамъ на-

чались обыски у гимназистовъ, и, — о ужасъ! — у нихъ нашлись книги, принадлежавшія къ числу изъятыхъ. Правда, ярлыковъ, указывающихъ на происхожденіе книгъ, на нихъ не было обнаружено (они были предусмотрительно удалены въ свое время), но все же начальству показалось это сомнительнымъ, и «ничтоже сумняшеся» оно рѣшило, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ хлопотъ съ этими книгами, взять ихъ, да и сжечь. И это, еще болѣе варварское, чѣмъ «изъятіе», постановленіе было приведено въ исполненіе.

Дѣлалось это секретно — очевидно, все же стыдно было, — но такъ какъ это «ауто-да-фе» совершалось въ печахъ Хозяйственнаго Правленія, помѣщавшагося въ томъ же зданіи, что и библіотека, — то секретъ былъ открытъ. И главной причиной его открытія былъ тотъ фактъ, что крамольные авторы не желали спокойно сгорать и напустили такого дыма въ правленіи, что всѣ служащіе вознегодовали и стали бранить сторожей, а тѣ въ свою защиту, и выложили, что уже нѣсколько дней подрядъ приходится жечь въ печахъ книги, ну печи засорились и стали дымить...

Помню, я былъ такъ возмущенъ этимъ варварствомъ, что тогда же отправилъ по извѣстному мнѣ адресу плехановской группы въ Женевѣ корреспонденцію, которая достигла своего назначенія и была напечатана.

И то, что мы вмѣстѣ съ библіотекаремъ Назаровымъ и группой подписчиковъ осуществили, не совсѣмъ законнымъ образомъ, свое изъятіе изъ изъятыхъ начальствомъ книгъ, — право, было не грѣшно, и въ сущности, въ виду послѣдовавшаго «ауто-дафе», досадно было, что мы не изъяли больше этихъ книгъ.

Изъ событій въ моей личной жизни необходимо отмѣтить женитьбу, не только потому, что это актъ, всегда отражающійся на общественной дѣятельности каждаго, но и потому что самый характеръ моей женитьбы являлся, какъ мнѣ кажется, характернымъ для тогдашнихъ взглядовъ на супружескую жизнь лицъ, обрекавшихъ себя общественному служенію.

Согласно этимъ взглядамъ, для вступленія въ бракъ нѣтъ необходимости во взаимной любви, гораздо важнѣе, чтобы будущіе мужъ и жена были однихъ взглядовъ на міръ и человѣческія взаимоотношенія и одинаково готовы работать, главнымъ образомъ, если не исключительно, на пользу народа. Жена должна быть больше товарищемъ по работѣ, чѣмъ любящей и любимой женщиной... Конечно, если и то, и другое сочетается, это еще лучше; но такое сочетаніе не обязательно... Если хотите, это бракъ вродѣ

крестьянскаго брака дѣлового характера... Кромѣ своего собственнаго опыта, я знаю не одинъ примѣръ такого рода браковъ, заключенныхъ моими товарищами того времени.

Моей женой сдѣлалась Л. С. Донскова, товарищъ по петербургскому студенчеству (она была на Бестужевскихъ курсахъ), ставшая близкимъ помощникомъ по работѣ.

Жили мы оба трудовой жизнью: она сначала учительствовала въ городской школѣ, я занимался статистикой; наше свободное время шло на работу по развитію молодежи и т. п. Кромѣ этого общаго дѣла, въ первый же годъ супружеской жизни мы вмѣстѣ съ женой задумали и выполнили недурную работу по обслѣдованію начальнаго народнаго образованія въ краѣ. Произвели, съ согласія инспектора народныхъ училищъ, анкету черезъ учителей и учительницъ, полученныя данныя обработали и отпечатали въ мѣстныхъ «Вѣдомостяхъ», а затѣмъ издали и отдѣльной брошюрой. И впослѣдствіи въ статистической работѣ жена очень много мнѣ помогала.

Дѣловая атмосфера и увлеченіе новымъ живымъ дѣломъ какъ то отодвигали постепенно недавнее бурное прошлое, оставленное нами въ Петербургѣ. Но уже черезъ 7—8 мѣсяцевъ я получилъ оттуда тревожныя вѣсти объ арестѣ почти всѣхъ членовъ нашей петербургской группы и сталъ ожидать своей очереди. Нелегальщину уже дома не держалъ, а рѣшилъ держать ее... въ своей конторкѣ въ Хозяйственномъ правленіи... Очередь вскорѣ дошла и до меня, причемъ самый арестъ имѣлъ мѣсто при слѣдующей торжественной обстановкѣ.

Я былъ по обыкновенію на службѣ и въ формѣ чиновника военнаго вѣдомства (мундиръ военнаго образца, только безъ эполетъ, и казачья шашка), занимался своей статистикой у конторки, которая въ числѣ прочихъ бумагъ, какъ упомянуто, содержала нелегальную литературу.

Неожиданно является къ намъ въ архивъ полицеймейстеръ Саратовцевъ и, подойдя ко мнѣ, торжественно произноситъ: «именемъ закона я арестую васъ». Самый арестъ не былъ для меня неожиданностью, но я никакъ не думалъ, что онъ будетъ имѣть мѣсто въ Хозяйственномъ правленіи... Для всѣхъ окружающихъ это было рѣдкое зрѣлище и произвело колоссальную сенсацію. А мой писарекъ былъ такъ потрясенъ событіемъ, что, какъ мнѣ передавали послѣ, ударился въ поэзію и написалъ стихотвореніе, посвященное моему аресту.

Мои мысли естественно были сосредоточены на конторкѣ. Какъ спасти отъ нежелательныхъ глазъ нелегальщину. Рѣшился на героическое средство: передать ключъ отъ нея нашему экзекутору —

онъ былъ очень порядочный человѣкъ и либералъ — и шепнуть ему, чтобы очистилъ конторку отъ «литературы». Говорю полицеймейстеру, что мнѣ необходимо передать ключъ отъ конторки съ «казенными документами» экзекутору. Онъ разрѣшилъ это. Я шепнулъ, что нужно было экзекутору, передавая ключъ, и затѣмъ спокойно заявилъ Саратовцеву, что я къ его услугамъ, но что мнѣ необходимо заглянуть домой, проститься съ семейными и пр. Это тоже было мнѣ дозволено.

Явившись домой, я сразу замѣтилъ, что тамъ уже освѣдомлены о событіи: оказывается доброжелатели дали семьѣ знать, на всякій случай, о моемъ арестѣ. Мать въ слезахъ, а жена, уже обстрѣленная по Петербургу насчетъ обысковъ и арестовъ, спокойно попросила разрѣшенія урядника (унтеръ-офицеръ), которому поручено было доставить меня въ мѣстную тюрьму, — накормить меня, и мы сѣли честь-честью за обѣдъ. И только послѣ подкрѣпленія пищей я простился съ семьей, успокаивая, что все это кончится очень скоро и благополучно, — поѣхалъ съ урядникомъ въ тюрьму.

Тамъ тоже сенсація: «политическихъ» арестантовъ въ нашей тюрьмѣ не бывало, и тюремное начальство не знало, какъ со мной быть и куда помѣстить. Отвели меня, наконецъ, въ огромную камеру, гдѣ я былъ, къ счастью, одинъ.

На другой же день ко мнѣ явились почетные гости: сначала прокуроръ — по стеченію обстоятельствъ это былъ бывшій редакторъ мѣстныхъ «Вѣдомостей», такъ тепло принимавшій во мнѣ участіе, когда я передалъ ему мою первую литературную работу (см. главу I) — Н. П. Бѣлобородовъ. Спрашиваетъ меня оффиціально, не имѣю ли я какихъ претензій или заявленій. Я говорю: единственная претензія, не понимаю, почему меня арестовали... Онъ объяснилъ, что арестъ произведенъ по распоряженію Департамента полиціи по дѣлу народовольцевъ...

Такъ вотъ что, думаю себѣ: значитъ, это не наши соціалъ-демократическіе грѣхи, а только прикосновенность. Перебирая въ памяти свою прикосновенность къ работникамъ этой партіи, я вспомнилъ В. Л. Бурцева, Александрина. Первый и тогда работалъ больше по литературной части и мои сношенія съ нимъ были только на почвѣ литературы и разговоровъ объ объединеніи работы среди рабочихъ. Второй былъ ближе ко мнѣ, такъ какъ мы жили одно время въ одной и той же квартирѣ и временно даже въ одной съ нимъ комнатѣ. И вдругъ въ связи съ этимъ воспоминаніемъ на поверхность всплылъ самъ по себѣ незначительный фактъ, но, по пріемамъ политическаго сыска, могшій навести на меня «народовольческую тѣнь».

Это была «явка» ко мнѣ, какъ простому посреднику, одного нелегальнаго народовольца, пріѣхавшаго изъ Парижа съ письмомъ моей землячки, эмигрантки С. А. Сладковой. С. А-вна просила меня направить подателя (я не зналъ, кто и что онъ) къ другой нашей общей знакомой, прикосновенной къ «Народной Волѣ» по дѣламъ политическаго Краснаго Креста. Я далъ нужный адресъ и больше этого субъекта не встрѣчалъ. Александринъ былъ какъ разъ свидѣтелемъ этого свиданія, давшаго, какъ впослѣдствіи выяснилось, главный поводъ къ моему аресту. Я зналъ, что Александринъ впослѣдствіи участвовалъ въ группѣ студентовъ-народовольцевъ съ Ульяновымъ, братомъ Ленина, подготовлявшихъ второе 1-ое Марта (покушеніе на жизнь Александра III), но гдѣ онъ и что съ нимъ, не зналъ.

Во всякомъ случаѣ, перебирая въ умѣ всѣ возможныя комбинаціи, я все больше укрѣплялся въ мысли, что именно этотъ визитъ нелегальнаго народовольца съ письмомъ Сладковой навелъ жандармовъ на мои слѣды и вызвалъ арестъ, который представлялся мнѣ теперь дѣломъ совсѣмъ несерьезнымъ, и я былъ увѣренъ, что можно будетъ отвертѣться отъ накидываемой на меня жандармеріей сѣти.

Въ тотъ же день я удостоился посѣщенія самого начальника края — наказнаго атамана и губернатора Уральской области Н. Н. Шипова. Это — братъ извѣстнаго московскаго земца и общественнаго дѣятеля, бывшій командиръ кавалергардскаго полка, флигель-адъютантъ и пр., и пр.

Н. Н. Шиповъ былъ яркимъ представителемъ русскаго барина-аристократа, съ широкой натурой и очень доброй душой. Ко мнѣ онъ относился сердечно, по отечески.

«Я, говоритъ, хочу помочь вамъ; только прежде всего долженъ знать, не прикосновенны ли вы къ злоумышленію противъ жизни царя. Я де, убѣжденный монархистъ, потомокъ Коммиссарова и не стану помогать злоумышленникамъ противъ жизни Романовыхъ».

Я съ твердостью увѣрилъ его по совѣсти, что къ партіи Народной Воли не принадлежу и никакого участія въ замыслахъ противъ жизни Романовыхъ не принималъ.

«Но васъ обвиняютъ въ сношеніяхъ съ этой партіей. Не было ли у васъ какихъ сношеній съ ними?»

Я откровенно сообщилъ въ видѣ предположенія, не была ли поводомъ къ такому обвиненію моя услуга, оказанная землячкѣ Сладковой, которая прислала ко мнѣ неизвѣстнаго мнѣ господина изъ Парижа со своимъ письмомъ.

«Если это такъ, сказалъ, покидая камеру Н. Н. Шиповъ, то я постараюсь оказать содѣйствіе къ скорѣйшему выясненію дѣла и освобожденію васъ: вы намъ нужны для болѣе полезнаго дѣла».

Послѣ этого разговора я уже былъ вполнѣ увѣренъ, что вся исторія съ моимъ арестомъ кончится пустяками, если не вынырнутъ наши дѣла по печатанію «Рабочаго», по сношенію съ Женевой и пр. Настроеніе у меня было прямо развеселое, такъ что, когда пришли ко мнѣ передъ моей отправкой въ Петербургъ мать, конечно со слезами, и жена, я ихъ обѣихъ быстро разсмѣшилъ разсказомъ о торжественныхъ свиданіяхъ въ тюрьмѣ и о ихъ возможныхъ и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ.

И, какъ это ни страннымъ покажется, я былъ какъ будто радъ представившемуся неожиданно приключенію, которое встряхнетъ меня отъ монотонной провинціальной жизни. И окружающая обстановка только прибавляла причины къ моему повышенному и радостному настроенію: былъ дивный майскій день, для меня была подана лихая тройка почтовыхъ вороныхъ съ колокольчиками, а сопровождать меня до г. Бузулука (первая ж. д. станція въ 180 в. отъ г. Уральска) посланы были два бравыхъ урядника, относившихся ко мнѣ съ полнымъ почтеніемъ, какъ къ чиновнику, а не арестанту. Конечно, въ нашъ тарантасъ положили всякихъ кульковъ съ провизіей, которой хватило бы до самого Петербурга.

Кто бывалъ въ нашихъ заволжскихъ степяхъ ранней весной, тотъ знаетъ, какую дивную картину представляетъ наша степь въ это время года: все видимое пространство, начинаясь какъ разъ у самой дороги, какъ бы покрыто дивной красоты ковромъ изъ тюльпановъ желтаго, краснаго, розоваго и бѣлаго цвѣтовъ, а пробивающаяся степная полынка и богородская трава уже наполняютъ степной воздухъ типичнымъ для степи бодрящимъ ароматомъ...

Давно я не ѣздилъ на такихъ лихихъ коняхъ, какъ въ эту поѣздку. Я чувствовалъ себя не арестантомъ, а скорѣе курьеромъ къ царю съ важнымъ прученіемъ...

Конечно, во всемъ этомъ настроеніи и пр. не малую роль играли мои, въ сущности юношескіе годы: мнѣ было тогда всего 25 лѣтъ.

По пріѣздѣ въ Бузулукъ, и по передачѣ меня желѣзно-дорожнымъ жандармамъ, я сразу почувствовалъ себя арестантомъ. Обращеніе ихъ было вѣжливое, но совсѣмъ иное. А въ Самарѣ мнѣ уже пришлось чуть не черезъ весь городъ тащиться по пыли и подъ конвоемъ въ полицейское управленіе для полученія бумагъ по дальнѣйшей отправкѣ. По желѣзной дорогѣ везли меня въ особомъ купэ третьяго класса, съ провожатымъ, который приносилъ кипятокъ со станціи, и я уже не могъ свободно двигаться.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, по несчастью ночью, я уже ощутительно почувствовалъ прелести арестантской жизни. Оставили меня ночевать въ какой то грязной каморкѣ въ охранкѣ, что на Гороховой, утромъ долго не давали ни пить, ни ѣсть, пока не явилось начальство и не распорядилось. Въ тотъ же день перевезли меня въ «Домъ предварительнаго заключенія».

Я рѣшилъ держать себя тамъ свысока (форма чиновника военнаго вѣдомства оставалась на мнѣ); потребовалъ дать мнѣ правила о содержаніи заключенныхъ, немедленно на основаніи ихъ потребовалъ выдачи мнѣ суточныхъ денегъ «по положенію». И, представьте, мнѣ, кромѣ дарового содержанія, платили въ тюрьмѣ суточныя деньги «по положенію», не помню уже сколько рублей и копѣекъ въ день.

Конечно, помѣстили меня въ одиночную камеру, и вскорѣ я почувствовалъ, что какъ будто забыли о моемъ существованіи. Я зналъ, что «предварилка» снабжена хорошей библіотекой и сразу засѣлъ за книги, за которыми и провелъ довольно сносно всѣ дни. Были и другія тюремныя развлеченія — это «прогулка» ежедневная въ «собачьемъ» дворикѣ и затѣмъ «перестукиваніе» съ сосѣдями.

Прогулки были интересны не сами по себѣ, такъ какъ они были тоже въ одиночныхъ дворикахъ, — конечно онѣ давали возможность подышать немного относительно свѣжимъ воздухомъ. Но ихъ интересъ заключался въ томъ, что изъ вашего оконца (оно подъ потолкомъ и чтобы глянуть надо вскарабкаться на столъ) вы можете видѣть на прогулкѣ товарищей по тюремному заключенію.

Уже черезъ нѣсколько дней я примѣтилъ среди выводимыхъ на прогулку высокую, сутулую фигуру... несомнѣнно моего пріятеля В. Г. Харитонова. Сталъ подавать знаки и онъ запримѣтилъ ихъ и... о, радость! — узналъ меня. Сначала это было простое созерцаніе и обмѣнъ знаками взаимнаго расположенія. Вскорѣ я замѣтилъ, что Василій (я такъ его всегда звалъ, какъ и онъ меня звалъ «Николай») дѣлаетъ мнѣ знаки ритмически, очевидно примѣнительно къ тюремной азбукѣ, въ которой, какъ я слышалъ, каждая буква обозначалась однимъ длиннымъ и нѣсколькими короткими знаками или стуками. Я только слышалъ, но никогда не практиковался. Василій злился, что я его не понимаю. Я сталъ учиться этой тюремной сигнальной азбукѣ и наконецъ постигъ ее, и мы стали разговаривать. Это удавалось лишь въ томъ случаѣ, когда онъ на прогулкѣ попадалъ во дворикъ, обращенный въ сторону моей камеры; кромѣ того мѣшала и стража, которая, замѣтивъ, что я взбирался на столъ къ окну, заставляла слазить и прекращать это занятіе. Но все же разговоръ съ перерывами продолжался. Я

узналъ, что онъ сидитъ уже много мѣсяцевъ и что скоро его дѣло кончается и его вышлютъ изъ Петербурга. Онъ же мнѣ сообщилъ объ арестѣ Александрина и цѣлаго ряда другихъ знакомыхъ.

Такимъ же путемъ я примѣтилъ во дворикѣ В. Л. Бурцева, обмѣнялся поклонами, но не разговаривалъ.

Кто не сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, тотъ не можетъ себѣ представить, какое удовольствіе составляетъ тамъ увидѣть хоть издали знакомое лицо и обмѣняться привѣтственными знаками.

Не смотря на книги и эти небольшія развлеченія, одиночное заключеніе и полная неизвѣстность того, что и какъ относительно васъ тамъ за стѣнами дѣлается, — постепенно приводитъ васъ въ тревожно-нервное настроеніе. Вы начинаете плохо спать, чувствуете себя уставшимъ, лишаетесь аппетита и пр. А у жандармовъ, видимо, вошло въ систему обязательно дать заключенному время дойти до такого тревожнаго состоянія нервовъ, чтобы легче было на допросѣ поймать на словѣ или выудить невольное признаніе какого либо съ виду несущественнаго факта.

Сижу я уже двѣ недѣли, и ни разу еще меня не вызывали къ допросу, не объявили причины ареста и предмета обвиненія. Начинаю писать жалобы товарищу прокурора. Не то эти жалобы, не то просто дошелъ срокъ, — наконецъ, меня везутъ на допросъ въ жандармское отдѣленіе, что помѣщалось на Шпалерной.

Какъ водится, слѣдователь старается «огорошить» васъ сразу какимъ либо неожиданнымъ, но важнымъ для него вопросомъ и, надо отдать справедливость, они дѣйствуютъ довольно ловко въ этихъ случаяхъ.

Показываютъ мнѣ фотографію господина, въ которомъ я сразу узналъ незнакомца, явившагося ко мнѣ съ письмомъ Сладковой изъ Парижа. Какъ потомъ я узналъ, это былъ членъ исполнительнаго комитета партіи народной воли Сергѣй Ивановъ (хромой).

Отвѣчаю, что не могу припомнить, что во всякомъ случаѣ не знаю, кто это. И я дѣйствительно не зналъ, кто это былъ тогда у меня.

«Но намъ достовѣрно извѣстно, что этотъ господинъ былъ у васъ на квартирѣ тамъ то и тогда то, и это удостовѣряетъ вашъ сожитель по комнатѣ Александринъ. . .»

Это уже было сюрпризомъ для меня. Не хотѣлось вѣрить. . . Тогда мнѣ предъявили написанное собственноручно Александринымъ и имъ подписанное — я легко узналъ его характерный почеркъ — показаніе, что этотъ господинъ былъ у меня въ его присутствіи. . .

Дѣлать было нечего, пришлось измѣнить фронтъ и, какъ будто припоминая и вновь вглядываясь въ фотографію, я сказалъ, что дѣйствительно онъ былъ у меня; пришлось объяснить о письмѣ землячки, благо она была заграницей внѣ досягаемости, и о томъ, что я далъ этому господину адресъ одной нашей общей знакомой, которая тоже сидѣла подъ арестомъ (Емельянова).

Не помню, о чемъ еще они меня спрашивали, но всѣ вопросы вертѣлись вокругъ народовольцевъ, а не нашей группы. Ничего существеннаго они отъ меня не добились, да и не могли добиться, такъ какъ дѣйствительно я не былъ прикосновенъ къ террористической дѣятельности народовольцевъ.

Послѣ этого перваго допроса прошло еще двѣ томительныхъ недѣли, и я уже начиналъ сомнѣваться насчетъ содѣйствія со стороны Шипова. И вдругъ меня приглашаютъ вторично, но уже везутъ не на Шпалерную, а на Мойку, въ департаментъ полиціи. Любезный офицеръ, меня сопровождавшій, объяснилъ, что самъ директоръ департамента полиціи Дурново будетъ вести со мной «разговоръ»... именно разговоръ, а не допросъ чинить...

Ну, думаю, значитъ, въ департаментѣ получено письмо Шипова, и оно начинаетъ дѣйствовать. Можно быть спокойнымъ...

Наша бесѣда съ Дурново была наединѣ. Передъ нимъ на столѣ лежало толстенное «дѣло», т. е. переписка по привлеченію къ отвѣтственности соприкосновенныхъ лицъ. Переписка была снабжена цѣлой серіей заложекъ изъ цвѣтной бумаги для легкости нахожденія относящихся, очевидно, до меня мѣстъ.

Первой фразой Дурново было: «о васъ тутъ хлопочутъ генералы, а между тѣмъ вы очень скомпрометированы сношеніями съ опасными революціонерами. Я хотѣлъ лично слышать ваши объясненія по поводу фактовъ, собранныхъ о васъ жандармами и полиціей».

Убѣдившись, что по главному вопросу о прикосновенности къ «Народной Волѣ» мои показанія вполнѣ совпадаютъ съ извѣщеніемъ Шипова, что я просто оказалъ любезную услугу землячкѣ, не зная цѣли, съ которой пріѣхалъ господинъ, меня посѣтившій, Дурново, какъ я понялъ, сталъ задавать вопросы больше для проформы, перелистывая дѣло по закладкамъ. Оказалось, въ немъ есть и о Харитоновѣ, и о нашей бывшей квартирной хозяйкѣ А. И. Ж—ой. Что допросъ былъ лишенъ всякой серьезности, можно было заключить по слѣдующему брошенному мнѣ вскользь вопросу о Ж—ой: «и что это ей не сидѣлось на одномъ мѣстѣ? То она въ Петербургѣ, то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ... Вы не знаете, зачѣмъ

это она разъѣзжала?»... и далѣе, смотря на ея фотографію въ дѣлѣ, «а очень красивая женщина!»

На всѣ эти вопросы я давалъ неопредѣленные отвѣты. Что же касается до моихъ дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто дѣйствій и участіи въ работѣ с. д. кружка, въ дѣлѣ не было очевидно, никакихъ указаній, и я пришелъ къ убѣжденію, что мое дѣло этимъ и кончится.

Такъ оно и оказалось. Не прошло и двухъ дней послѣ моей бесѣды съ Дурново, какъ мнѣ объявили, что я свободенъ. Время было лѣтнее, Петербургъ опустѣлъ, такъ что я и повидать никого не могъ изъ прежнихъ знакомыхъ. Отправился прямо на Николаевскій вокзалъ, чтобы поскорѣе возвратиться во свояси.

Мое мѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ нисколько не отразилось на моей службѣ: я былъ вродѣ какъ бы въ командировкѣ и, какъ сказано, получалъ суточныя. Но впослѣдствіи все же мнѣ было объявлено Высочайшее повелѣніе — это было обычной формой административно-политической юстиціи — объ отдачѣ меня подъ надзоръ моего собственнаго начальства срокомъ на два года, въ чемъ и отобрана была подписка.

«Генералы», хлопотавшие обо мнѣ, оказывается, были: Н. Н. Шиповъ и П. В. Мартыновъ, бывшій депутатомъ отъ Уральскаго войска при Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ. Ему, оказывается, обо мнѣ писали и атаманъ, и моя мать, прося, чтобы онъ лично похлопоталъ; онъ былъ такъ добръ, что посѣтилъ Дурново и предстательствовалъ передъ нимъ за меня. Съ П. В. Мартыновымъ у насъ велась переписка по поводу утвержденія программы «Статистическаго Описанія Уральскаго Войска», составленіе котораго намѣчено было поручить мнѣ.

Въ Уральскъ я явился, такъ сказать, реабилитированнымъ, такъ что начальство относилось ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, и я всецѣло занялся организаціей задуманной экономической переписи, долженствующій быть основаніемъ для статистическаго описанія. Главное затрудненіе встрѣчалось въ подборѣ персонала для производства переписи по программѣ довольно сложной, хотя выработанной вполнѣ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ промысловъ, съ которыми я предварительно познакомился довольно основательно. О приглашеніи лицъ за плату не могло быть и рѣчи. Значитъ, надо было выискивать лицъ, которыя приняли бы участіе въ этомъ предпріятіи изъ интереса къ дѣлу и въ то же время были бы достаточно популярны въ своемъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться перепись.

Произведенная нами анкета по народному образованію (см. выше) дала указанія на рядъ учителей народныхъ школъ, могущихъ принять участіе въ переписи; кромѣ того въ уѣздныхъ городахъ нашлись лица съ высшимъ образованіемъ и знакомыя съ производствомъ переписей по прежнему опыту. Всѣ илецкія станицы съ густымъ населеніемъ могли быть поручены И. И. Иванаеву, который какъ разъ былъ вродѣ какъ бы въ ссылкѣ въ г. Илекѣ и былъ для данной цѣли незамѣнимымъ человѣкомъ, будучи агрономомъ и статистикомъ. Путемъ письменныхъ сношеній я подобралъ необходимый персоналъ, которому производство переписи и было поручено, причемъ станичные и поселковые атаманы должны были оказывать имъ всяческое содѣйствіе. Перепись должна была производиться по карточной системѣ и подворно. Инструкція была дана краткая и ясная, но все же я разсчитывалъ лично объѣхать всѣ селенія, мѣстами дѣлать, вмѣстѣ съ лицами, которымъ дѣло поручалось, пробную перепись, мѣстами давать разъясненія, чтобы обезпечить однообразное и хорошее выполненіе задачи.

Перепись была пріурочена къ болѣе свободному для населенія времени — зимѣ, послѣ главныхъ рыболовствъ.

Поскакалъ же я въ эту зиму по Землѣ Уральскаго Казачьяго войска: посѣтилъ почти всѣ станицы и селенія и перезнакомился со многими десятками лицъ, игравшихъ въ станицахъ роль.

Интересъ къ дѣлу и доброжелательное отношеніе самого населенія къ переписи были, благодаря принятымъ мѣрамъ и популярности лицъ, производившихъ перепись, — вполнѣ обезпечены, а это уже половина дѣла. Другую половину дѣла помогъ выполнить несомнѣнный юношескій энтузіазмъ какъ организатора переписи, такъ и многихъ исполнителей.

И когда карточки подворной переписи — что то около 20.000 — стали, наконецъ, собираться у меня въ канцеляріи и я началъ изучать ихъ, то долженъ признаться, я и самъ не ожидалъ такихъ хорошихъ результатовъ при такихъ все же, въ громадномъ большинствѣ, случайныхъ переписчикахъ. Матеріалъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, и мы съ женой приступили къ любовной — я не могу примѣнить другое прилагательное — разработкѣ этого матеріала по всѣмъ правиламъ статистической техники съ составленіемъ групповыхъ и комбинаціонныхъ таблицъ для точнаго опредѣленія процентнаго состава дворовъ «состоятельныхъ», «среднесостоятельныхъ», «малосостоятельныхъ» и «безхозяйныхъ».

Вотъ это то любовное занятіе въ теченіе полутора года, причемъ кромѣ служебнаго времени съ 9 до 3, я занимался еще на дому не менѣе 4—5 часовъ каждый день, не исключая и праздниковъ, —

и довело меня до неврастеніи: голова рѣшительно отказалась работать, кружилась, такъ что сначала меня заставили лежать, поднявъ вверхъ ноги для прилива крови къ головѣ. Бранился, но принужденъ былъ лежать, — ничего не подѣлаешь...

Такъ провалялся я недѣли двѣ; и читать нельзя было; единственное развлеченіе было бренчанье на гитарѣ и бесѣда съ женой и добрыми знакомыми, навѣщавшими меня. Но это не помогло, и, какъ я упоминалъ ранѣе, докторъ отправилъ меня въ Желѣзноводскъ, гдѣ я за мѣсяцъ вполнѣ отдохнулъ и вернулъ способность къ умственному труду.

Надо сказать, что статистическое описаніе, которое мнѣ поручили написать, должно было освѣтить всѣ стороны края: дать его географическій и естественно-историческій очеркъ, его естественные рессурсы, описать промысла и дать имъ оцѣнку, привести полныя демографическія свѣдѣнія о населеніи, объ его экономическомъ положеніи, о распространеніи народнаго образованія, о постановкѣ суда, о мѣстныхъ финансахъ, о воинской повинности и т. д. Такъ что, кромѣ матеріала, полученнаго путемъ переписи, надо было собрать много другихъ данныхъ и не только изъ книгъ, но и изъ сырыхъ источниковъ. И притомъ работу надо было выполнить къ опредѣленному сроку. Мой интересъ все же больше всего сосредоточивался на переписи, которая дала очень хорошій матеріалъ для освѣщенія экономическаго состоянія края.

Эта работа представляла значительный теоретическій интересъ: въ самомъ дѣлѣ, уральская казачья община являлась въ высшей степени своеобразной и обособленной областью, съ своеобразнымъ укладомъ жизни и ея экономической организаціи. Достаточно сказать, что въ краѣ не было частной собственности на землю, а таковая считалась общимъ достояніемъ, которымъ временно могъ пользоваться каждый членъ общины; что наемный трудъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ (отдѣльные виды рыболовства) совершенно не допускался, а въ большинствѣ — его примѣненіе было очень ограничено и что порядокъ пользованія угодьями, т. е. производство всѣхъ промысловъ — земледѣліе, скотоводство, рыболовство и пр. — устанавливался особымъ представительнымъ органомъ, «Съѣздомъ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ».

И съ практической, и съ теоретической стороны являлось въ высшей степени интереснымъ изучить, какъ же отражалось на этой своеобразной общинѣ господствующая во всей странѣ капиталистическая система производства и могла ли община, даже такая изолированная, какъ уральская, уйти отъ общихъ законовъ труда и капитала, господствующихъ повсемѣстно.

Весьма понятно, что для бывшаго тогда прозелитомъ с. д. принциповъ это была наиболѣе интересная тема. И перепись дала отвѣтъ на этотъ вопросъ — и, конечно, отвѣтъ отрицательный, т. е. показала, что не смотря на изоляцію и всѣ усилія общины къ уравненію экономической мощности ея членовъ, ихъ разслоеніе на группы разной мощности имѣло мѣсто и въ этой общинѣ, хотя, конечно, сдерживающіе элементы въ формѣ ограниченій въ размѣрѣ пользованія угодьями въ значительной степени ослабили указанное разслоеніе.

Властвующіе теперь въ Россіи большевики, которые, кстати сказать, разрушили въ корнѣ и Уральскую общину съ ея порядками, — могли бы, при болѣе серьезномъ отношеніи къ коммунистическому эксперименту надъ страной, — убѣдиться и на примѣрѣ 300-лѣтняго опыта Уральской общины, что при господствѣ во всемъ мірѣ капиталистическаго строя, въ Россіи нельзя никакими силами водворить коммунизмъ...

Собранный путемъ переписи матеріалъ, кромѣ того, что послужилъ основаніемъ для главъ статистическаго описанія, посвященныхъ общинному хозяйству въ области рыболовства, хлѣбопашества, сѣнокошенія и пр., — былъ мною использованъ въ рядѣ статей въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1890 г., №№ 2, 3, 4 и 5 подъ заглавіемъ «Очеркъ общиннаго хозяйства уральскихъ казаковъ».

Возвращаясь къ исторіи составленія и изданія статистическаго описанія Уральскаго казачьяго войска, необходимо упомянуть, что ввиду срочности представленія работы, я принужденъ былъ привлечь для составленія нѣсколькихъ, менѣе интересовавшихъ меня, главъ двухъ сотрудниковъ (главы о климатѣ, очерки ботаническій и о народномъ здравіи). Всѣ остальныя главы книги, напечатанной подъ моимъ наблюденіемъ въ г. Уральскѣ въ 1891 г., написаны мною, равно какъ и второй томъ, состоящій изъ статистическихъ таблицъ, основанныхъ на переписи. Въ разработкѣ, т. е. подсчетѣ цифрового матеріала переписи много помогала мнѣ моя жена.

Какъ уже упомянуто, книга пріурочивалась къ юбилею 300-лѣтняго существованія Уральскаго войска, которое какъ разъ было въ 1891 г. и къ празднованію какового имѣлъ въ виду пріѣхать въ Уральскъ тогдашній наслѣдникъ престола, именовавшійся Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, Николай, впослѣдствіи императоръ Николай II. Празднованіе юбилея и пріѣздъ наслѣдника намѣчены были на весну, а мнѣ уже было дано новое, совершенно неожиданное порученіе — отправиться заграницу на два года для изученія рыбнаго промысла и рыбоводства на средства Уральскаго

казачьяго войска, съ условіемъ по возвращеніи стать завѣдующимъ рыболовствомъ въ Уральскомъ войскѣ. Объ обстоятельствахъ проведенія и осуществленія этой небывалой въ лѣтописяхъ Россіи командировки я скажу подробнѣе ниже.

Теперь же я упомянулъ о ней для объясненія, почему я не присутствовалъ на торжественномъ празднованіи 300-лѣтія, когда наслѣднику поднесли мою книгу — въ синемъ сафьяновомъ переплетѣ съ малиновой шелковой подкладкой и серебрянымъ обрѣзомъ. Это соотвѣтствовало цвѣтамъ формы уральскихъ казаковъ — синій мундиръ, малиновые лампасы и околышъ фуражки. Я впослѣдствіи получилъ такой же экземпляръ отъ начальства.

Два слова еще о книгѣ, въ которую мною было вложено столько юношескаго пыла и молодыхъ силъ. Естественно, что не смотря на ея оффиціальный характеръ въ томъ смыслѣ, что она была составлена по порученію начальства и по его, правда мною составленной, программѣ, — въ ней оказалось не мало «вольнаго духа», который, какъ ни старался мой цензоръ, старшій членъ хозяйственнаго правленія М. И. Желѣзновъ, — не смогъ уничтожить. И по совѣсти говоря, не зная о характерѣ изданія, всякій, кому довелось просматривать мою книгу, несомнѣнно принималъ ее за земское или частное изданіе: такъ много въ ней можно найти недопустимыхъ въ оффиціальномъ изданіи сужденій и критики казенной рутины, тяготѣвшей надъ казачьей жизнью.

Что касается до оцѣнки достоинствъ книги, таковая была сдѣлана значительно позднѣе Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, которое присудило автору золотую медаль по отдѣленію этнографіи и статистики [1]). И я гордился и горжусь этой наградой болѣе, чѣмъ какой либо другой, потому что ни въ одну свою печатную работу, — а ихъ, какъ увидитъ читатель, было и еще не мало, — я не вкладывалъ столько любви, преданности дѣлу и старанія. И потому же я остановился на этомъ періодѣ моей жизни и на самой книгѣ, быть можетъ, немного дольше, чѣмъ слѣдовало; но читатель, я знаю, проститъ мнѣ это и пойметъ меня...

Кромѣ написанія этой книги въ области литературной въ этотъ же періодъ мною было задумано и выполнено подъ моимъ редактированіемъ второе полное собраніе сочиненій І. И. Желѣзнова подъ общимъ заглавіемъ «Уральцы» 1889 г. Средства на это изданіе дало заимообразно Войсковое Хозяйственное Правленіе, и этотъ заемъ былъ съ лихвою покрытъ. Потребовалось 3-е изданіе, а на

---

[1]) См. извлеченіе изъ отчета медальной комиссіи въ Крит. Біогр. Словарѣ С. А. Венгерова, т. 6, стр. 148.

вырученныя деньги было учреждено 30 станичныхъ библіотекъ имени Желѣзнова.

Я уже упоминалъ объ этой крупной личности въ связи съ оставшимися послѣ его смерти историческими матеріалами. Его талантливые разсказы и повѣсти изъ быта уральскихъ казаковъ печатались въ 50—60-хъ годахъ въ московскихъ ежемѣсячныхъ журналахъ, а потомъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Уральцы». Къ концу 80-хъ годовъ это изданіе сдѣлалось библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ это былъ любимый мѣстный писатель и патріотъ. Можно было расчитывать на спросъ, на нихъ что и оправдалось на дѣлѣ.

Кромѣ редактированія этого изданія я написалъ для него обширный біографическій очеркъ автора. Въ это второе изданіе былъ включенъ вновь рядъ не напечатанныхъ ранѣе по цензурнымъ условіямъ статей; но и въ наше время цензура была на сторожѣ, и нѣсколько статей, предназначенныхъ ко включенію во второе изданіе, пришлось, въ интересахъ спасенія всего изданія, по совѣту цензора, исключить. То были статьи: «Туча Каменная» (событія 1837 г. на Уралѣ) и «Кочкинъ Пиръ» (событія 1803 г.). Эти вещи удалось напечатать уже въ концѣ девяностыхъ годовъ въ газетѣ «Уралецъ», о которой рѣчь будетъ позже.

Второе изданіе сочиненій Желѣзнова печаталось въ Петербургѣ у Стасюлевича, гдѣ былъ и складъ изданія. Моимъ дѣятельнымъ помощникомъ въ дѣлѣ изданія сочиненій — по сношенію съ цензурой, типографіей и въ корректурѣ былъ служившій тогда въ Уральской гвардейской сотнѣ офицеромъ Василій Патрикіевичъ Мартыновъ, впослѣдствіи совѣтникъ, старшій членъ хозяйственнаго правленія и, наконецъ, по избранію атаманъ Уральскаго Казачьяго войска. Удачно законченное предпріятіе по изданію сочиненій Желѣзнова дало мнѣ большое нравственное удовлетвореніе.

Моя работа по этому изданію, а также по экономическому изученію края въ этотъ ранній періодъ моей общественной дѣятельности — естественно побуждали меня знакомиться съ современниками Желѣзнова и общественными дѣятелями предшествовавшаго періода вообще. Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ Меркурій Кузьмичъ Курилинъ, генералъ въ отставкѣ. На почвѣ общихъ интересовъ по изученію края и по работѣ на пользу войска вообще у меня съ нимъ завязалась большая дружба: какъ это ни странно, но этотъ старикъ — онъ былъ лѣтъ на сорокъ старше меня — дѣятель 60—70-хъ годовъ и его современникъ К. Ф. Логиновъ — были во многомъ ближе ко мнѣ, чѣмъ нѣкоторые мои сверстники по университету; у меня всегда находилось больше общихъ интере-

совъ, — литературныхъ и общественныхъ — съ этими стариками, чѣмъ съ молодежью.

Меркурій Кузьмичъ Курилинъ представлялъ изъ себя очень оригинальную личность: это тоже былъ самородокъ вродѣ І. И. Желѣзнова. Хотя его образованіе ограничивалось уѣзднымъ училищемъ, онъ путемъ самообразованія сталъ наиболѣе начитаннымъ человѣкомъ изъ всѣхъ моихъ провинціальныхъ знакомыхъ. Въ молодости онъ былъ учителемъ въ мѣстномъ училищѣ, затѣмъ поступилъ на службу въ войсковую канцелярію, гдѣ провелъ большую часть своей жизни, достигнувъ высокой должности предсѣдателя хозяйственнаго правленія, которое замѣнило войсковую канцелярію.

Но не этой стороной дѣятельности былъ интересенъ Меркурій Кузьмичъ, а своими идеалами и оригинальностью своей жизни. Выйдя въ отставку, онъ жилъ очень замкнутой жизнью со своими любимыми книгами и журналами. Его самымъ любимымъ писателемъ былъ Салтыковъ-Щедринъ, а любимымъ журналомъ «Отечественныя Записки». Я думаю, трудно было бы найти болѣе освѣдомленнаго въ произведеніяхъ Салтыкова-Щедрина читателя во всей Россіи, чѣмъ М. К. Курилинъ. Мнѣ пришлось послѣ его смерти просматривать книги его библіотеки. Покойный имѣлъ обыкновеніе дѣлать свои замѣтки на поляхъ книгъ и журналовъ, которые онъ читалъ. Иногда эти замѣтки на поляхъ, написанныя его четкимъ бисеромъ, превосходили по количеству словъ самый текстъ. И вотъ по этимъ замѣткамъ я могъ судить, какъ глубоко он изучилъ Салтыкова-Щедрина и какъ блестяще комментировалъ то, что Салтыковъ говорилъ между строкъ.

Обладая громадной памятью и энциклопедичностью своихъ знаній, пріобрѣтенныхъ по преимуществу путемъ самообразованія, Меркурій Кузьмичъ былъ очень интереснымъ и полезнымъ собесѣдникомъ, но таковымъ былъ онъ лишь съ людьми, къ которымъ онъ былъ расположенъ. Вообще же говоря, онъ былъ мало общителенъ и, какъ сказано, велъ замкнутую жизнь. Какъ многіе русскіе талантливые люди, онъ иногда злоупотреблялъ спиртными напитками. Но въ эти періоды никто никогда его не видѣлъ. Онъ уже окончательно запирался въ своемъ изолированномъ скромномъ домикѣ. Покойный былъ совершенно хладнокровенъ къ почестямъ, не былъ честолюбивъ, и всѣ цѣнныя замѣтки на поляхъ онъ дѣлалъ исключительно для себя, удовлетворяя потребность умственной работы. Хотя онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, но въ періодъ, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ совершенно одинокъ: съ женой онъ разошелся очень давно, дѣти были взрослые и жили отчужден-

но. Очевидно его семейная жизнь была не изъ радостныхъ. И меня нисколько не удивило, что, прося меня быть его душеприказчикомъ, М. К. объявилъ, что онъ рѣшилъ свое состоянiе пожертвовать на нужды образованiя.

Когда М. К. Курилинъ померъ, мнѣ пришлось исполнить свой долгъ передъ нимъ — похоронить его и привести въ исполненiе его послѣднюю волю. Домъ и имущество были проданы на публичныхъ торгахъ, вырученная сумма образовала капиталъ имени покойнаго, за счетъ котораго оборудована и названа его именемъ одна изъ войсковыхъ школъ г. Уральска, а книги пошли на пополненiе «Безплатной читальни», о которой будетъ сказано впослѣдствiи.

Заканчивая очеркъ перваго перiода моей общественной работы на Уралѣ, я долженъ упомянуть объ одномъ порученiи, которое было мною выполнено въ концѣ этого перiода — именно, организацiя участiя Уральскаго войска на первой Всероссiйской Рыбопромышленной выставкѣ 1889 г. и рыбопромышленномъ съѣздѣ при ней.

Я былъ командированъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ двумя казаками рыболовами — Ф. С. Ковалевымъ и Пупыкинымъ и съ экспонатами, подготовленными мною же.

По прiѣздѣ въ Петербургъ я былъ огорошенъ сюрпризомъ: на другой же день является околодочный и предъявляетъ ордеръ столичной полицiи о немедленномъ, не позже 24 часовъ, выѣздѣ изъ Петербурга, —какъ лица, не имѣющаго права жительства въ столицѣ. Это, значитъ, была отрыжка отдачи меня подъ гласный надзоръ, срокъ котораго или еще не истекъ, или просто меня забыли вычеркнуть изъ списка поднадзорныхъ. Но въ качествѣ обстрѣляннаго воробья, я требуемую подписку дать отказался; сказалъ, что я на службѣ, имѣю порученiе отъ своего военнаго начальства прибыть въ Петербургъ по казенному дѣлу и съ важнымъ порученiемъ и не могу его не выполнить. Пойду, молъ, объясняться въ департаментъ полицiи. И, дѣйствительно, пошелъ; поднялъ тамъ публику на ноги и говорю имъ: «если вы, господа, берете на себя отвѣтственность за сохранность икры на 500 рублей и рыбы на такую-то сумму, которыя я привезъ на выставку и пр., такъ, пожалуйста, дайте мнѣ такую бумажку и снеситесь съ войсковымъ начальствомъ, тогда я покину Петербургъ. Иначе не могу. . .»

Дѣло кончилось тѣмъ, что департаментъ далъ предписанiе городской полицiи разрѣшить пробыть мнѣ въ Петербургѣ одинъ мѣсяцъ и меня оставили въ покоѣ.

На выставкѣ мы подвизались съ успѣхомъ, очень наглядно представили въ натурѣ и въ лицахъ подледный ловъ рыбы сижей,

причемъ Ковалевъ, типичный рѣчной рыболовъ и умнѣйшій старикъ (давно уже покойный) неустанно демонстрировалъ «ботаніе» и «подыманіе» сижи, а также разсказывалъ публикѣ объ оригинальномъ уральскомъ багренномъ рыболовствѣ.

Уральскому войску была присуждена на этой выставкѣ золотая медаль; получилъ медаль и Ковалевъ, которой онъ очень гордился. Мы со старикомъ Ковалевымъ съ тѣхъ поръ сдѣлались друзьями, и это имѣло не малое значеніе въ моей дальнѣйшей службѣ и работѣ въ Уральскомъ краѣ...

Кстати сказать, коллекціи, бывшія на этой выставкѣ, впослѣдствіи, въ извѣстной своей части, попали на Всемірную выставку въ Чикаго 1893 г., гдѣ я ее устраивалъ и объяснялъ публикѣ, но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Я упустилъ изъ виду упомянуть еще о двухъ книгахъ, написанныхъ мною въ этотъ же періодъ — «Статистическій Атласъ Уральскаго Казачьяго Войска», СПБ. 1885 г. и «Уральская Справочная Книжка», Уральскъ 1891 г.

ГЛАВА III.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА (1891—1893 Г.).

Первое знакомство съ заграницей: Румынія и Галиція. — Недоразумѣніе съ австрійской полиціей во Львовѣ и въ Краковѣ. — Балъ польскихъ «соколовъ» въ подземномъ залѣ соляныхъ копей Велички. — По Германіи. — Въ Женевѣ: встрѣча съ В. И. Засуличъ и В. Л. Бурцевымъ. — Приключеніе на французской границѣ. — Въ Парижѣ: знакомство съ семействомъ Русановыхъ. — На югѣ Франціи: проф. Маріонъ. — По сѣверу Франціи и въ Бельгіи. — Въ Христіаніи и Сѣв. Норвегіи. — Переѣздъ въ Шотландію. — Въ Лондонѣ.

Много всякихъ неожиданностей имѣло мѣсто въ моей жизни; но заграничная командировка, о которой я теперь поведу рѣчь, была самой исключительной по неожиданности. Въ самомъ дѣлѣ, получить казенную командировку за границу на цѣлыхъ два года для изученія опредѣленной отрасли промышленности мелкому чиновнику изъ провинціи — это такая рѣдкость и такъ необычайно, что я не вѣрилъ въ возможность ея осуществленія вплоть до полученія заграничнаго паспорта и командировочныхъ денегъ. Подобныя командировки были доступны лишь молодымъ ученымъ, оставляемымъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію, или важнымъ чинамъ центральныхъ учрежденій.

Идея командировки принадлежала всецѣло бывшему наказному атаману Уральскаго казачьяго войска Н. Н. Шипову, который вызволилъ меня изъ «предварилки» и рѣшилъ подготовить изъ меня техника по рыболовству и рыбоводству въ цѣляхъ примѣненія къ уральскому рыболовству всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій, достигнутыхъ заграницей въ этихъ отрасляхъ промышленности.

Надо сказать, что Н. Н. Шиповъ задумалъ не въ менѣе широкихъ размѣрахъ реформы и въ области другихъ мѣстныхъ промысловъ — земледѣлiи и скотоводствѣ. По его проектамъ и благодаря его хлопотамъ въ Уральскѣ была учреждена «Образцовая ферма», при которой впослѣдствiи была открыта сельско-хозяйственная школа. Ферма служила разсадникомъ улучшеннаго скота и усовершенствованныхъ прiемовъ веденiя сельскаго хозяйства. Ему же край обязанъ проведенiемъ уральской вѣтки Рязано-Уральской желѣзной дороги, одна изъ первыхъ станцiй которой на Землѣ Уральскаго казачьяго войска была названа въ его честь «станцiя Шипово» (прежняя Каменная станица).

Такимъ образомъ, идея объ улучшенiи рыбнаго промысла была лишь частью его проэктовъ объ улучшенiи сельскаго хозяйства и промысловъ вообще. И, какъ въ другихъ областяхъ, его широкая натура не останавливалась передъ вопросомъ о необходимыхъ на всѣ эти реформы и предпрiятiя средствахъ, которыя должны были идти изъ мѣстнаго войскового капитала. Предвидя возраженiя на этой почвѣ со стороны казаковъ и центральнаго военнаго вѣдомства, онъ провелъ въ законодательномъ порядкѣ увеличенiе вывозной, изъ предѣловъ Уральскаго казачьяго войска, пошлины съ рыбы, включивъ въ число подлежащихъ обложенiю предметовъ свѣжую рыбу, тогда какъ ранѣе облагалась только соленая рыба. Это дало дало войсковому капиталу доходъ въ 100—120 тысячъ рублей въ годъ и, согласно положенiю о новомъ акцизѣ, эти деньги должны были идти спецiально на улучшенiе мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Надо сказать, что эта своеобразная внутренняя, какъ будто таможенная, пошлина съ каждаго вывозимаго изъ предѣловъ Земли Уральскаго казачьяго войска рыбы была старинной привиллегiей войска — устанавливать налогъ на соль, и эта привиллегiя, какъ и другiя привиллегiи казачества, основывались на особомъ соглашенiи московскаго правительства съ казаками, которые съ своей стороны въ видѣ компенсацiи обязаны были поголовно нести воинскую повинность со снаряженiемъ, конемъ и оружiемъ за ихъ собственный счетъ. Въ сущности же указанная пошлина была особой формой самообложенiя, такъ какъ платили акцизъ сами казаки или мѣстные рыботорговцы, перекладывавшiе небольшой налогъ на рыбаковъ.

Вотъ изъ этого то источника были ассигнованы крупныя суммы на постройку образцовой фермы, а также нашли вполнѣ возможнымъ ассигновать небольшую сумму на мою заграничную командировку, за которую я обязывался прослужить въ Уральскомъ войскѣ въ качествѣ техника рыболовства пять лѣтъ.

Почему Н. Н. Шиповъ остановился на мнѣ? — Полагаю, для этого у него были достаточныя основанія: онъ зналъ, что по произведенному обслѣдованію я хорошо знакомъ съ мѣстнымъ рыболовствомъ, что я знаю его нужды, что уже дѣлалъ опыты съ разведеніемъ севрюги и имѣю научную подготовку какъ натуралистъ. Но все же, чтобы имѣть обоснованіе своего проекта и выбора лица, онъ списался съ тогдашнимъ министромъ земледѣлія А. С. Ермоловымъ, который передалъ вопросъ на заключеніе инспектора по рыбной части О. А. Гримма, извѣстнаго знатока русскаго рыболовства и моего учителя въ области рыбоводства (см. гл. I).

Гриммъ одобрилъ идею, далъ лестный отзывъ обо мнѣ и намѣтилъ программу командировки, которая обнимала посѣщеніе всѣхъ европейскихъ странъ, въ которыхъ рыбный промыселъ имѣетъ крупное значеніе, а также сѣверной Америки, причемъ ближайшее распредѣленіе времени и выборъ мѣстъ былъ предоставленъ всецѣло мнѣ.

Заручившись одобреніемъ своей идеи, Шиповъ вошелъ съ ходатайствомъ о моей командировкѣ, о чемъ мнѣ стало извѣстно и, какъ ни недовѣрчиво я относился къ возможности осуществленія такой небывалой командировки, пришлось готовиться къ ней.

Подготовка же заключалась, главнымъ образомъ, въ изученіи англійскаго языка. Я зналъ французскій и нѣмецкій по гимназіи, хотя, конечно, не имѣя практики въ разговорѣ, не вполнѣ свободно владѣлъ ими. Англійскаго же совсѣмъ не зналъ и принялся за него, такъ какъ считалъ особенно важнымъ быть въ Англіи и Америкѣ, гдѣ безъ знанія англійскаго языка совершенно невозможно изучать что либо. Кромѣ самоучителя Нурока, нашелся и учитель, который помогалъ въ произношеніи, такъ что ко времени отъѣзда я уже зналъ немножко англійскій, но, конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы разговаривать на немъ.

Кромѣ того, я практиковался въ разговорномъ французскомъ языкѣ. Моимъ учителемъ былъ бывшій учитель французскаго языка въ мѣстной гимназіи, впослѣдствіи поступившій на военную службу казачьимъ офицеромъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ оригинальнѣйшемъ человѣкѣ. Я лично, конечно, не видалъ наполеоновскихъ французскихъ гренадеровъ, но Ф. И. Гутурбъ всегда мнѣ напоминалъ ихъ: громаднаго роста, сутулый и со свирѣпой физіономіей... Интересно, что посѣтившій въ 1895 г. Уральскій край французскій путешественникъ Де-Кюверволь, встрѣтивши у меня на квартирѣ Гутурба, тоже нашелъ, что онъ представлялъ собою типичнаго французскаго воина прежнихъ временъ, и прямо любовался имъ,

какъ пережиткомъ старины. По его словамъ во Франціи такіе типы уже перевелись.

Но кромѣ этой черты Гутурбъ соединялъ въ себѣ цѣлый рядъ другихъ чертъ и качествъ въ рѣдкомъ сочетаніи. И прежде всего, чтобы перескочить изъ учителей въ военную, да еще казачью службу, — надо было для этого имѣть свои резоны. И Гутурбъ ихъ имѣлъ. Когда онъ познакомился въ Уральскѣ съ мѣстнымъ бытомъ, онъ увлекся казачествомъ, находя казаковъ настоящими воинами, а ихъ службу интересной по походамъ и пр., и онъ, бросивъ учительство, поступилъ въ юнкерское училище, кончилъ его, вышелъ офицеромъ и поступилъ сразу же въ полкъ, отправлявшійся въ Туркестанъ, гдѣ и провелъ нѣсколько трехлѣтій офицерской службы. Своей добротой и безсребренностью, готовностью раздѣлять съ нижними чинами всѣ трудности походной жизни и военной службы онъ снискалъ себѣ общія симпатіи, и казаки не иначе называли его, какъ «отецъ родной», а не «командиръ». Конечно, его добротой злоупотребляли безъ конца, и онъ всегда былъ безъ копѣйки въ карманѣ вскорѣ послѣ полученія мѣсячнаго жалованія.

Одной изъ скверныхъ его чертъ, но которая его сближала съ простыми казаками, была полная безпечность о внѣшности, о пищѣ, постели и т. п. Онъ рѣдко мылся, ходилъ вѣчно въ одной и той же одеждѣ, могъ питаться чѣмъ попало, — въ этомъ отношеніи онъ считалъ себя выше всѣхъ этихъ мелочей жизни и приближался къ извѣстному греческому философу Діогену, для котораго бочка служила домомъ.

При всей своей внѣшней свирѣпости это было деликатнѣйшее и кротчайшее существо и человѣкъ рѣдкой душевной красоты. И, вѣроятно, это было причиной того, что его, съ описанными внѣшними качествами, полюбила и вышла за него замужъ одна хорошо образованная женщина, отъ которой онъ имѣлъ двухъ дочерей.

Гутурбъ былъ очень начитанный человѣкъ, а по убѣжденіямъ очень приближался къ толстовцамъ. Бесѣдовать съ нимъ было всегда интересно, и забывалась его внѣшняя неопрятность, отталкивающая многихъ при первой встрѣчѣ съ нимъ. Въ качествѣ учителя разговорнаго языка онъ былъ не замѣнимъ, потому что говорить любилъ невѣроятно и былъ въ бесѣдѣ всегда очень интересенъ и остроуменъ.

Таковъ былъ нашъ учитель французскаго практическаго языка, говорю «нашъ», такъ какъ со мной вмѣстѣ практиковалась и жена. Было рѣшено, что и она воспользуется рѣдкимъ случаемъ побывать заграницей, хотя это осложнялось тѣмъ, что у насъ уже было двое дѣтей: одному къ этому времени было три года, а другому менѣе

года. Старшаго рѣшено было взять съ собой, а младшаго оставить на попеченіи бабушки.

Какъ водится, вопросъ о командировкѣ, представленный въ центръ, долженъ былъ проходить многія мытарства по канцеляріямъ двухъ-трехъ вѣдомствъ, на что ушло не мало времени. Я продолжалъ сомнѣваться въ ея осуществленіи, и эта длительность прохожденія вопроса по министерствамъ какъ бы подтвержало мои сомнѣнія...

Но какъ и всему въ жизни бываетъ конецъ, такъ было и съ этимъ вопросомъ. Въ концѣ зимы 1890—91 г. пришелъ отвѣтъ на ходатайство атамана въ утвердительномъ смыслѣ, и я получилъ предписаніе собираться въ путь.

Быстро ликвидировавъ наши несложныя дѣла и передавъ хозяйство бабушкѣ, мы отправились въ длительное путешествіе. Планъ этого путешествія въ общихъ чертахъ былъ такой: первоначально посѣтить Галицію для ознакомленія съ разведеніемъ карпа въ прудахъ, затѣмъ, посѣтить нѣкоторыя рыбоводныя хозяйства Германіи и Австро-Венгріи, побывать въ Швейцаріи, Италіи; подольше остановиться во Франціи, заглянуть въ Бельгію и Голландію, затѣмъ быть въ Норвегіи, Шотландіи и Англіи, откуда уже отправиться на болѣе продолжительное время въ Америку.

Конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы жена съ ребенкомъ вездѣ сопровождала меня. Мы расплановали наше путешествіе такъ, что, избравъ опредѣленный пунктъ для пребыванія, я отправлялся вокругъ въ мѣста, которыя мнѣ необходимо было посѣтить въ данной странѣ, затѣмъ съѣзжались и передвигались въ слѣдующую страну, придерживаясь и тамъ того же плана.

Въ Галицію я отправился одинъ, жена же съ мальчикомъ направилась въ г. Праснышъ, гдѣ съ уральскимъ полкомъ стоялъ ея братъ, казачій офицеръ. Изъ Галиціи я имѣлъ въ виду заѣхать за семьей и вмѣстѣ отправиться въ Берлинъ.

Русскую границу я переѣхалъ въ Унгеняхъ. Первымъ крупнымъ заграничнымъ городомъ, черезъ которымъ мнѣ пришлось проѣхать, были Яссы въ Румыніи. Здѣсь предстояла пересадка, и я воспользовался нѣсколькими часами, чтобы посмотрѣть городъ. На югѣ была уже весна, и городъ съ его аллеями изъ громадныхъ тополей мнѣ очень понравился. Извозчикъ повезъ меня прямо на кладбище, каковое къ моему полному изумленію было полно народу, и притомъ отнюдь не того народа, который приходитъ у насъ на могилы своихъ близкихъ — въ печально-молитвенномъ настроеніи, — а народа, явно веселившагося, такъ какъ группы пестро и красиво разодѣтыхъ женщинъ и мужчинъ пѣли и играли тамъ на

гитарахъ. Было воскресенье, и, оказывается, праздновать весну городскіе жители обычно приходятъ на кладбище, которое представляло изъ себя настоящій тѣниетый паркъ.

Въ превосходномъ настроеніи вернулся я на вокзалъ и двинулся въ Лембергъ (Львовъ), гдѣ долженъ былъ отыскать общество галиційскихъ рыбоводовъ и отъ него получить указанія о посѣщеніи наиболѣе раціонально поставленныхъ карповыхъ хозяйствъ Галиціи.

Попавъ первый разъ за границу, я, конечно, интересовался рѣшительно всѣми сторонами заграничной жизни и въ особенности экономической и политической жизнью. Бродя по улицамъ Лемберга, я наткнулся на русскую вывѣску галиційскаго соціалистическаго клуба, зашелъ туда, побесѣдовалъ и захватилъ нѣсколько брошюръ для ознакомленія. Городъ Лембергъ скорѣе польскій, чѣмъ галиційскій, хотя изъ простого народа (извощики, торговцы) — большинство говорило на галиційскомъ, близкомъ къ малороссійскому, нарѣчіи; но господство польскаго элемента выступало во всемъ. Не помню, какъ и гдѣ — я познакомился съ молодымъ русско-галиційскимъ священникомъ, отъ котораго много понаслышался объ очень тяжеломъ экономическомъ и политическомъ положеніи галичанъ подъ игомъ австро-венгерскаго правительства и польскихъ пановъ.

Заручившись письмомъ къ одному изъ виднѣйшихъ мѣстныхъ рыбоводовъ, барону Гостковскому, я былъ готовъ отправиться дальше въ Краковъ, откуда было ближе добраться до мѣстечка Томице, близъ станціи Вадовице, гдѣ находилось имѣніе Гостковскаго.

Но меня въ отелѣ ожидалъ довольно непріятный сюрпризъ: хозяинъ сообщилъ мнѣ, что начальникъ мѣстной полиціи присылалъ за мной полицейскаго и просилъ меня непремѣнно заглянуть къ нему, когда я вернусь. Я то думалъ, что перебравшись черезъ россійскую границу, я уже не буду имѣть дѣла съ полиціей...

Какъ быть? Консула русскаго въ Лембергѣ не было, да мнѣ и не хотѣлось съ нимъ имѣть дѣло, если бы онъ и былъ... Рѣшилъ пойти и узнать, въ чемъ тутъ дѣло. Меня встрѣтили очень любезно, спросили о цѣли пріѣзда и пребыванія въ этомъ городѣ. Я имъ объяснилъ; но вижу, они совершенно не вѣрятъ моимъ словамъ: недоумѣваютъ, какъ это я, командированный по военному вѣдомству, изучаю рыбоводство... Мои поясненія съ упоминаніемъ казачьяго войска вмѣсто успокоенія возбудили еще большія сомнѣнія...

Вижу, меня просто принимаютъ за шпіона русскаго правительства: шутки плохія... Пожалуй, еще и арестуютъ. А, главное, —

выяснилось, что сыщики сопровождали меня, начиная съ самаго моего переѣзда русской границы, и вездѣ дано знать о моемъ появленіи въ Австро-Венгріи. Имъ было извѣстно мое посѣщеніе галиційскаго клуба, мое знакомство съ священникомъ русскимъ, и всему этому придано особо-важное значеніе. Впослѣдствіи мои галиційскіе знакомые объяснили мнѣ, что австрійское правительство въ то время какъ огня боялось «панславизма», угрожавшаго Австро-Венгріи распадомъ, и что какъ упомянутый клубъ, такъ и галиційскій священникъ были подъ самымъ тщательнымъ надзоромъ полиціи и считались крамольными...

Арестовать меня — не арестовали, но заявили, что мнѣ самое лучшее по добру, по здорову немедленно ѣхать обратно въ Россію... Говорю имъ, что я имѣю въ виду вернуться, но только послѣ посѣщенія намѣченнаго рыбнаго хозяйства барона Гостковскаго, къ которому у меня есть письмо... Показалъ имъ письмо. Это какъ будто нѣсколько успокоило австрійскаго полисмена. Но все же онъ заявилъ, что онъ на себя не беретъ права дать разрѣшеніе остаться въ предѣлахъ Австро-Венгріи, а, говоритъ, поѣзжайте въ Краковъ и заявитесь въ полицію, пусть она, какъ высшая инстанція, рѣшитъ вопросъ. Это было мнѣ по пути, я и отправился въ Краковъ, гдѣ по пріѣздѣ пошелъ въ полицію для объясненій. Краковскій полицеймейстеръ оказался гораздо менѣе подозрительнымъ и, выслушавъ о моемъ планѣ, отпустилъ меня съ миромъ. Все же вся эта канитель съ полиціей оставила непріятный осадокъ на душѣ и заставила меня быть болѣе осторожнымъ въ предѣлахъ этого тревожно настроеннаго въ отношеніи русскихъ государства.

Краковъ, столица австрійской Польши, былъ въ мой пріѣздъ какъ разъ переполненъ «соколами»: тысячи членовъ этого спортивнаго общества, въ однообразныхъ шляпахъ съ соколинымъ перомъ у мужчинъ и женщинъ, наполняли улицы, вокзалъ, магазины и пр. Мнѣ объяснили, что это «слетъ соколовъ» и что всѣ они направляются въ Величку, гдѣ, глубоко подъ землей, въ соляныхъ шахтахъ, предстоитъ грандіозный польско-сокольскій праздникъ съ музыкой, танцами и пр. Посмотрѣть знаменитыя соляныя копи Велички и Бохніи и кстати увидѣть рѣдкій балъ въ подземномъ царствѣ — являлось очень заманчивымъ и, освѣдомившись о возможности быть въ копяхъ во время слета «соколовъ», я отправился туда и не пожалѣлъ... Такого необычайнаго зрѣлища я ни раньше, ни позже нигдѣ не видалъ.

Спустившись въ копи я былъ пораженъ блестящей обстановкой цѣлой амфилады залъ, высѣченныхъ въ глыбахъ каменной соли: полъ, стѣны, потолокъ — все это изъ блестящей соли, которая при

ослѣпительномъ электрическомъ освѣщенiи придавала самымъ заламъ фантастическiй характеръ. Представьте себѣ дополнительно что всѣ эти залы переполнены нарядной, веселой многотысячной толпой «соколовъ». Зрѣлище было поистинѣ грандiозное.

Въ качествѣ украшенiй залъ во многихъ мѣстахъ въ нихъ были высѣчены, изъ соли же, барельефы, различныя фигуры, а въ лавочкахъ, тоже высѣченныхъ въ толщѣ соляныхъ стѣнъ, продавались всевозможные предметы, сдѣланные изъ каменной соли — кресты, бездѣлушки и т. п. Въ общемъ это цѣлый подземный городокъ, въ который проведена хорошая вентиляцiя. Я съ удовольствiемъ провелъ въ этомъ подземномъ царствѣ цѣлыхъ полдня.

На слѣдующiй день я былъ въ имѣнiи барона Гостковскаго. Принялъ онъ меня съ истинно-польскимъ радушiемъ и гостепрiимствомъ. Въ первый разъ я видѣлъ превосходно поставленное польское хозяйство, часть котораго составляло разведенiе и выращиванiе въ прудахъ карповъ. Оригинальность этихъ польско-галицiйскихъ хозяйствъ заключается въ томъ, что здѣсь разведенiе рыбы входитъ въ сѣвооборотъ, установленный для даннаго типа хозяйствъ. Этотъ сѣвооборотъ шестилѣтнiй, причемъ три года на данной площади выращиваютъ рыбу, а затѣмъ на три слѣдующiе года вода изъ прудовъ спускается, и дно ихъ служитъ для посѣва овса съ клеверомъ, люпина и т. п. По снятiи урожая третьяго года, пруды вновь заливаются водой и въ нихъ пускается рыба.

Такая комбинацiя является особенно выгодной, такъ какъ послѣ стоянiя прудовъ съ водой дно ихъ удобряется иломъ и даетъ хорошiе урожаи овса, клевера, люпина, а, когда по укосу травы или овса дно пруда заливается водой, въ ней быстро размножаются мелкiя ракообразныя и другiя мелкiя животныя, служащiя пищей для рыбы. На этой взаимной услугѣ рыбоводства земледѣлiю и земледѣлiя рыбоводству зиждется шестилѣтнiй сѣвооборотъ польско-галицiйскихъ сельскихъ хозяйствъ данной мѣстности. Это обезпечиваетъ хорошiй доходъ отъ очень мало плодородной болотистой земли, которая при обычномъ полевомъ хозяйствѣ не могла бы давать и одной пятой того, что даетъ указанная комбинацiя.

Не считая умѣстнымъ здѣсь останавливаться на этомъ спецiальномъ вопросѣ и отсылая интересующихся ближе познакомиться съ хозяйствомъ Гостковскаго къ моему отчету по заграничной командировкѣ, изданному департаментомъ земледѣлiя [1]), я все же

---

[1]) Рыбоводство и рыбный промыселъ въ Зап. Европѣ и Сѣв. Америкѣ, ч. I: Рыбоводство. СПБ. 1898.

полагалъ небезъинтересным отмѣтить особенности этихъ хозяйствъ.

Но и самъ хозяинъ съ семьей являлся не менѣе интереснымъ типомъ — потомкомъ гордыхъ польскихъ шляхтичей-патріотовъ. Это былъ чистокровный польскій аристократъ, привыкшій командовать. Впервые здѣсь я увидѣлъ, какъ рабочіе — галичане и поляки — цѣлуютъ хозяину при встрѣчѣ руку и чуть не падаютъ передъ нимъ ницъ; это наслѣдіе крѣпостного права меня прямо таки поразило. Я не бывалъ въ Польшѣ и только по наслышкѣ зналъ, что и тамъ холопы ведутъ себя такъ же по отношенію къ панамъ. Но одно дѣло слышать и совсѣмъ другое видѣть этотъ холопскій обычай въ исполненіи...

Весь домъ Гостковскаго и особенно дѣтская (у него было два сына подростка) кричалъ о его польскомъ ультра-патріотизмѣ: всѣ картины — изъ исторіи «Рѣчи Посполитой», всѣ герои Польши на стѣнахъ, и воспитаніе мальчиковъ велось въ его семьѣ въ строго католическомъ и польско-патріотическомъ духѣ.

Жилъ Гостковскій, видимо, очень зажиточно, имѣлъ прекрасный выѣздъ, но хозяйство велъ самъ, вникая во всѣ его подробности.

Получивъ всѣ необходимыя мнѣ свѣдѣнія о постановкѣ и веденіи сельскаго хозяйства какъ въ его собственномъ имѣніи, такъ и въ округѣ, я возвратился въ Краковъ, а оттуда направился черезъ Александрово въ Варшаву и Прасньшъ.

Забравъ семью, я вскорѣ уже былъ на пути въ Берлинъ, гдѣ остановился на 1—2 недѣли для ознакомленія черезъ центральное нѣмецкое общество рыбоводства съ наиболѣе интересными рыбоводными хозяйствами, достойными посѣщенія, а также для полученія свѣдѣній о пунктахъ, гдѣ можно было бы познакомиться съ нѣмецкимъ рыбнымъ промысломъ и заводами по приготовленію рыбныхъ продуктовъ.

Берлинъ тогда для русскихъ былъ своего рода Меккой на перепутьѣ: всѣ, кто отправлялся за границу, по преимуществу ѣхалъ черезъ Берлинъ и непремѣнно въ немъ задерживался: Unter den Linden и Friedrich-Strasse всегда, а особенно лѣтомъ, кишѣли русскими, а въ магазинахъ вы могли видѣть надписи: «здѣсь говорятъ по русски». Книжные же магазины всегда были переполнены комплектами всей заграничной русской литературы, что къ нимъ особенно и притягивало русскихъ путешественниковъ. И это были не только революціонныя изданія — на нихъ спросъ былъ меньше, — а разныя историческія и литературныя произведенія, не прошедшія черезъ русскую цензуру и переданныя для изданія за гра-

ницу. Я помню, въ то время вездѣ выставлены были произведенія Л. Н. Толстого: «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра» и др. — и цѣлый рядъ толстыхъ томовъ историческихъ изслѣдованій.

Но и изъ революціонной печати здѣсь можно было найти все, что печаталось въ Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Конечно, я съ жадностью набросился на ихъ поглощеніе, какъ голодный. Много было среди этихъ изданій воды, такъ что скоро они перестали интересовать, и я пересталъ тратить на ихъ чтеніе дорогое время. Предстояло такъ много осмотрѣть и изучить, что я поторопился въ мой отъѣздъ по Германіи.

Съ истинно нѣмецкой пунктуальностью меня снабдили маршрутомъ и рекомендаціями, и все мое путешествіе по Германіи проходило гладко и съ успѣхомъ. Маршрутъ же мой въ общемъ былъ такой: посѣтить хозяйство перваго знатока рыбоводства въ Германіи и автора наиболѣе популярныхъ въ Германіи и Россіи книгъ по рыбоводству Макса Фон-дем-Борне въ Пруссіи, рядъ рыбоводныхъ заводовъ на Гарцѣ, побывать въ Алтонѣ, что рядомъ съ Гамбургомъ, для ознакомленія съ нѣмецкимъ морскимъ рыбнымъ промысломъ, рыбнымъ рынкомъ и коптильнями, а также съ единственной въ своемъ родѣ школой рыболовства въ устьяхъ р. Эльбы. Кромѣ того, было намѣчено осмотрѣть рыбоводные заводы въ Саксоніи (Тарандтъ), въ Рейнской провинціи, въ Баваріи и въ Эльзасѣ.

Вопросъ о томъ, гдѣ быть женѣ съ мальчикомъ (наступало лѣто) очень безпокоилъ меня, и на наше счастье намъ встрѣтились петербургскіе знакомые супруги Дрентельны, хорошо знавшіе Германію. У нихъ были двѣ дочери, и они пригласили жену ѣхать съ ними въ маленькое мѣстечко Гримма, въ Саксонской Швейцаріи. Н. С. Дрентельнъ усовершенствовался за границей въ физикѣ и химіи. Онъ работалъ въ Вѣнѣ и Страсбургѣ, впослѣдствіи сдѣлался въ Петербургѣ извѣстнымъ педагогомъ и авторомъ хорошихъ учебниковъ по физикѣ и химіи. Онъ былъ недюжиннымъ знатокомъ этихъ предметовъ, но по своей скромности всегда оставался въ тѣни. Оба супруга погибли въ Петроградѣ отъ холода, голода и болѣзней въ 1919—20 г.

Е. С. Дрентельнъ была дѣятельнѣйшей особой и вѣчно о комъ либо или о чемъ либо хлопотала. Она много работала въ пользу политическаго краснаго креста, а также по сношеніямъ съ заключенными по политическимъ дѣламъ. Такъ было, пока росли дѣти — двѣ дѣвочки и мальчикъ, — а потомъ одна изъ дочерей была привлечена по какому то политическому дѣлу, и Ек. Сер—внѣ хлопотать пришлось уже о своей дочери и помогать ей. Но въ то время за границей она больше хлопотала о томъ, чтобы ея мужъ, нако-

нецъ, кончилъ ученье — онъ былъ уже пожилымъ — и устраивался скорѣе на службу. Пока же что они проводили въ компаніи съ моей женой дачное время въ прекрасномъ мѣстечкѣ Саксонской Швейцаріи, ведя скромную жизнь и наслаждаясь природой.

Объѣздъ Сѣверной Германіи у меня взялъ недѣли двѣ-три: кромѣ ранѣе намѣченныхъ мѣстъ я проѣхалъ изъ Гамбурга въ Итцегое для осмотра крупнѣйшей фабрики сѣтей, познакомился съ ея директоромъ, что мнѣ впослѣдствіи, при практической работѣ на Уралѣ въ качествѣ техника рыболовства, очень пригодилось.

Значительный интересъ болѣе общаго характера представляло морское рыболовство нѣмцевъ. Дѣло въ томъ, что германское правительство уже въ то время было очень озабочено развитіемъ торговаго флота и подготовкой для военныхъ цѣлей хорошихъ моряковъ. Однимъ изъ средствъ для достиженія этого имъ было избрано содѣйствіе развитію морского рыбнаго промысла, и дѣло это оно повело въ колоссальномъ масштабѣ. Агентомъ про проведенію этихъ начинаній было избрано Общество для развитія нѣмецкаго морского рыболовства съ главной квартирой въ Ганноверѣ, гдѣ издавался и ежемѣсячный органъ этого богатаго средствами общества «Mittheilungen des Deutschen See-Fischerei-Vereins». Содѣйствіе правительства выражалось въ устройствѣ въ г. Альтонѣ превосходной гавани для рыбаковъ и рыбнаго рынка, въ выдачѣ ссудъ на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ рыболовныхъ судовъ, въ учрежденіи рыбацкой школы въ Финкенвердерѣ, — центрѣ рыбацкихъ поселеній въ устьяхъ р. Эльбы.

Изъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ названномъ ежемѣсячникѣ, было видно, что за короткое время число морскихъ рыбаковъ въ Германіи почти удвоилось, а тоннажъ выросъ въ десять разъ. Это развитіе и впослѣдствіи продолжалось въ теченіе 20—30 лѣтъ и достигло того, что нѣмецкій рыболовный флотъ въ Сѣверномъ морѣ сталъ конкурировать съ англійскимъ и давно переросъ голландскій и французскій.

Въ то время я наблюдалъ лишь начало этого процесса, но и тогда уже видно было, что дѣло это задумано широко, и на него германское правительство не жалѣло тратить денегъ. Упомянутая рыбацкая школа была лишь небольшимъ звеномъ этого плана, но она все же являлась одной изъ первыхъ школъ такого типа. Она носила чисто практическій характеръ и подготовляла дѣтей рыбаковъ къ сознательному практическому веденію отцовскаго промысла. Основныя свѣдѣнія по навигаціи, практическое плаваніе на рыболовныхъ судахъ, обученіе шитью парусовъ, чинкѣ сѣтей — были главными предметами. Школа носила очень скромный характеръ

и не обладала всѣмъ необходимымъ для правильной постановки дѣла, — была еще въ зачаткѣ.

Закончивъ объѣздъ сѣверной Германіи, я направился въ г. Тарандтъ близъ Дрездена въ Саксоніи. Здѣсь былъ Лѣсной институтъ, въ которомъ проф. Нитче велъ преподаваніе рыбоводства, а главное, вблизи отъ него находилось довольно извѣстное въ Германіи по своей практичности и успѣшности веденія дѣла рыбоводство г-на Линке. Оно между прочимъ служило главнымъ учебнымъ пособіемъ для практическаго ознакомленія студентовъ Лѣсного института съ рыбоводствомъ. По своей простотѣ и цѣлесообразности это хозяйство, дѣйствительно могло служить образцомъ, и я ввелъ его описаніе въ свой учебникъ по рыбоводству («Прудовое хозяйство», 4-ое изданіе Деп. Землед. 1916), — какъ образецъ раціональнаго форелеваго хозяйства.

Удѣливъ нѣсколько дней осмотру Дрезденской картинной галлереи и невдалекѣ отъ Дрездена жившей семьѣ, я направился уже съ семьей въ Баварію и Эльзасъ, осмотрѣлъ тамъ нѣсколько заводовъ и переѣхалъ ъвъ Швейцарію, гдѣ временно и поселился, имѣя въ виду сдѣлать нѣсколько объѣздовъ интересовавшихъ меня мѣстъ.

Все мое путешествіе и обслѣдованіе рыболовства и рыбоводства въ Германіи проходило замѣчательно гладко и безъ приключеній. Нѣмцы встрѣчали меня очень любезно и охотно сообщали необходимыя свѣдѣнія. Были, впрочемъ, два исключенія: въ Берлинѣ меня не пустили на фабрику сѣтей и въ Гюнингенѣ директоръ казеннаго рыбоводнаго завода былъ не совсѣмъ любезенъ и не хотѣлъ давать мнѣ цифровыхъ свѣдѣній о дѣятельности завода.

Въ первомъ случаѣ была боязнь конкуренціи изъ-за возможной постройки такого же завода въ Россіи. Во второмъ — очень незавидные результаты работы этого стариннаго и плохо, по казенному, работавшаго завода. Его главная цѣль была возстановить или поддержать лососевый промыселъ въ р. Рейнѣ, чего заводъ совершенно не достигъ, что, конечно, въ цифрахъ неизбѣжно вырисовывалось. Но цифры то эти я все же добылъ, только не отъ директора, а отъ баварскихъ частныхъ рыбоводовъ.

Въ общемъ же пожаловаться на нѣмцевъ я не могъ и не имѣлъ основанія. Но душа моя къ нимъ никогда не лежала: скучный они народъ и не веселая ихъ страна... И когда мы перебрались въ Швейцарію и очутились въ очаровательной Женевѣ, то почувствовали, что какъ будто прибыли въ одну изъ русскихъ колоній за границей.

Въ самомъ дѣлѣ, Женева была тогда переполнена русскими — эмигрантами и людьми со средствами, предпочитавшими жить въ

красивой странѣ съ комфортомъ вмѣсто прозябанія въ какомъ либо захолустномъ помѣстьѣ. Съ другой стороны французская рѣчь кругомъ — намъ была много понятнѣе и больше по душѣ. Да и жизнь здѣсь, на улицахъ, на набережной озера и на самомъ озерѣ — била ключемъ и рѣзко отличалась отъ жизни въ нѣмецкихъ городахъ. Чуть не въ первый же вечеръ мы слышали уличную серенаду итальянцевъ, черезъ нѣсколько дней было колоссальное празднество на озерѣ, съ иллюминаціей, музыкой и т. д.

Для моихъ описательныхъ работъ необходимъ былъ хорошій фотографическій аппаратъ, который я давно уже намѣтилъ пріобрѣсти въ Швейцаріи (наборъ Зутера), и я обзавелся имъ и сталъ практиковаться. Большую службу онъ мнѣ сослужилъ какъ въ эту заграничную командировку, такъ и впослѣдствіи при всѣхъ моихъ многочисленныхъ путешествіяхъ по русскимъ рыбнымъ промысламъ. И многія иллюстраціи заграничныхъ рыбныхъ промысловъ, заводовъ и русскихъ рыболовствъ (въ моихъ книгахъ) исполнены по моимъ собственнымъ фотографіямъ.

Швейцарія меня интересовала не столько технической стороной рыбоводства, сколько его организаціей. Въ техническомъ отношеніи оно ничего особеннаго не представляло, но въ общественномъ — оно являлось очень оригинальнымъ. Дѣло въ томъ, что заботу о поддержаніи размноженія рыбы въ озерахъ здѣсь взяло на себя всецѣло правительство — кантональное и союзное; но само правительство не занималось разведеніемъ рыбы, а поручало это частной инціативѣ, пріобрѣтая отъ частныхъ заводовъ ежегодно опредѣленное количество рыбьей молоди, которая и выпускалась въ озера. Мѣстами это исполняли рыбаки. Инспекторъ рыболовства только слѣдилъ за тѣмъ, чтобы это было дѣйствительно выполнено и контролировалъ количсство.

Недалеко отъ Женевы, но уже во Франціи, есть мѣстечко Грема, которое въ области рыбоводства прославилось благодаря широкой рекламѣ хозяина рыбоводнаго завода этого мѣстечка, мосье Люгрена о томъ, что онъ изобрѣлъ и патентовалъ особый способъ быстраго искусственнаго разведенія мелкихъ ракообразныхъ, служащихъ пищей разводимой форели. Необходимо было посѣтить это хозяйство. Какъ оказалось по осмотру, дѣйствительно пруды этого француза, приготовленные для посадки молодой форели, кишѣли ракообразными, которыхъ онъ разводилъ искусственно въ бассейнахъ съ цементнымъ дномъ и краями. Конечно, особый патентъ на такой методъ трудно установить, и попытка Люгрена продать свой патентъ французскому правительству кончилась ничѣмъ. А весь секретъ его способа заключался въ употребленіи птичьяго

помета, настоеннаго водой; въ этомъ настоѣ разводятся въ изобиліи инфузоріи; помѣщая въ настой небольшое количество ракообразкыхъ, онъ обезпечивалъ ихъ баснословно быстрое размноженіе за счетъ инфузорій.

Передъ тѣмъ, какъ разстаться съ Женевой, я все же хотѣлъ отдать дань своимъ общественнымъ и политическимъ интересамъ, которымъ такъ недавно въ Петербургѣ отдавался съ увлеченіемъ... Да, въ самомъ дѣлѣ, прошло всего 5 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я переписывался съ «Группой Освобожденія Труда», и адресъ, по которому мы писали, у меня сохранился въ памяти, — и теперь, спустя сорокъ лѣтъ его помню — Carouge-Genève, Dr. Plehanoff. Но сколько пережито за это время! Сколько перемѣнъ въ личной жизни и, надо сознаться, въ политико-экономическомъ credo! Я не могъ считать себя тогда не только партійнымъ соціалъ-демократомъ (таковымъ я небылъ и ранѣе), — но даже просто челвоѣкомъ, раздѣлявшимъ ихъ взгляды. Да и вся моя дѣятельность, протекавшая внѣ столицы и рабочей среды, — среди казаковъ, интересы которыхъ лежали совершенно въ другой плоскости, ставила меня ближе къ интересамъ либеральной интеллигенціи, добивающейся прежде всего политическаго освобожденія и перемѣны централистическо-монархическаго правительства на конституціонное, съ предоставленіемъ широкаго самоуправленія отдѣльнымъ областямъ. Правда, первый этапъ былъ общій — политическая свобода. Но въ средствахъ ея достиженія выявлялась уже значительная разница.

Какъ бы то ни было, мнѣ интересно было познакомиться лично съ членами группы, съ которой пришлось работать и которая состояла изъ такихъ и тогда уже крупныхъ теоретиковъ соціализма, какъ Плехановъ — и такой знаменитости, какъ Вѣра Ивановна Засуличъ, которая принадлежала къ той же группѣ.

Каружъ — это вродѣ предмѣстья Женевы. Съ трудомъ отыскалъ я квартиру Плехановыхъ. Здѣсь знали больше жену Плеханова, женщину-врача съ широкой практикой. И засталъ я дома только ее и В. И. Засуличъ; Плехановъ же и Аксельродъ были въ отъѣздѣ. Мадамъ Плеханова занята была практикой и, видимо, мало принимала участія въ политикѣ. Мы побесѣдовали съ Вѣрой Ивановной.

Это — типичная нигилистка 60-хъ годовъ изъ романовъ Тургенева и Чернышевскаго: вѣчно съ папиросой и полное пренебреженіе къ внѣшности. Но она удивительно симпатичный и душевный человѣкъ. Конечно, она то была› предана дѣлу и душою, и тѣломъ. Но она не была въ курсѣ всего, что меня интересовало узнать о позиціи этой группы по отношенію уже измѣнившихся за этотъ пе-

ріодъ времени условій въ Россіи, такъ что визитъ этотъ меня не удовлетворилъ совершенно. Но дѣлать было нечего, повторить его я не могъ.

Изъ другихъ эмигрантовъ я совершенно неожиданно встрѣтилъ въ женевской русской библіотекѣ В. Л. Бурцева. Онъ уже рылся въ документахъ, подготовляясь къ своей будущей роли революціоннаго сыщика партійныхъ предателей. И самый видъ у него всегда, какъ я его помню еще со студенческихъ временъ, былъ видъ «ищейки». Его длинный острый носъ, по близорукости, всегда какъ будто шелъ впереди его самого и выискивалъ, и вынюхивалъ, что ему надо. Потомъ въ качествѣ редактора «Былого», уже сдѣлавшись пожилымъ, онъ пополнѣлъ и его характерная внѣшность потускнѣла. Мы не видѣлись съ нимъ съ Петербурга — я упоминалъ, что видѣлъ его изъ окна «предварилки», — и у насъ нашлось многое о чемъ поговорить, такъ какъ было много общихъ знакомыхъ. Большая часть ихъ оказалась либо въ ссылкѣ, либо подъ арестомъ... А Владиміръ Львовичъ, конечно, какъ настоящій угорь, — онъ и его напоминалъ своей тонкой тогда фигурой, — выскользнулъ изъ рукъ жандармовъ на ихъ горе и бѣду... Потому что врядъ ли кого такъ боялись и ненавидѣли русскіе жандармы и ихъ «сотрудники», какъ Владиміра Львовича Бурцева...

Покончивъ свои дѣла въ Швейцаріи, я направился во Францію, и нелегкая дернула меня переѣхать границу по близости отъ Женевы черезъ Вогезы. Наученный горькимъ опытомъ этого переѣзда черезъ границу и уже упомянутаго ранѣе — черезъ Унгени въ Австро-Венгрію, — я долженъ установить, что тамъ, гдѣ двигается масса путешественниковъ, таможенные чины и жандармы уже привыкли къ спокойному отправленію своихъ обязанностей и не видятъ въ путешественникахъ преступниковъ и контрабандистовъ. Въ глухихъ же таможняхъ, которыя, очевидно, чаще избираются лицами, ѣдущими съ преступными цѣлями, эти чины видятъ въ каждомъ путешественникѣ непремѣнно преступника и чинятъ ему допросъ и всяческія придирки и непріятности.

Такъ было въ Унгеняхъ, гдѣ мнѣ дѣлали форменный допросъ, которому я по наивности не придалъ въ свое время должнаго значенія, а потомъ, оказалось, за мною все время слѣдили. Такъ повторилось и на французско-вогезской пограничной таможнѣ. Не спасло и то, что я ѣхалъ съ женой и ребенкомъ... Казалось бы на преступное дѣло съ такимъ багажомъ не отправляются...

По моимъ наблюденіямъ, — и не только въ эту поѣздку, но и въ позднѣйшія, французскіе мелкіе чиновники — полицейскіе, таможенные, почтовые, желѣзнодорожные — одни изъ самыхъ не-

сносныхъ для иностранцевъ. Они придирчивы, грубы и стараются непремѣнно показать свою власть надъ вами. Насколько внѣ службы, — на улицахъ, въ кафе, въ обществѣ, — французы вообще очаровательно-любезны, настолько же они несносны въ качествѣ мелкихъ чиновъ, хозяевъ и хозяекъ меблированныхъ комнатъ, мелкихъ торговцевъ даже.

Особенно тяжело это чувствуется новичками, не знакомыми съ мѣстными законами и порядками. За нашъ первый переѣздъ по Франціи отъ границы до Парижа и за пребываніе въ Парижѣ съ женой и ребенкомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ — мы не мало натерпѣлись отъ французовъ указанной категоріи.

Во время пребыванія въ Парижѣ по днямъ я работалъ въ парижскихъ библіотекахъ и музеяхъ, вечерами же знакомился съ русской колоніей. Нѣсколько разъ заглядывалъ въ Сорбонну на лекціи — ради практики въ языкѣ и ознакомленія съ пріемами преподаванія. Изъ общаго интереса и чтобы имѣть представленіе о хорошихъ французскихъ ораторахъ былъ на лекціи извѣстнаго соціалиста оратора Жореса.

Мнѣ кажется, что въ смыслѣ музыкальности и красочности только итальянскій языкъ можетъ конкурировать съ французскимъ. Жоресъ былъ яркимъ образчикомъ пламеннаго политическаго оратора, и послушать его было истинное удовольствіе, независимо отъ того, раздѣляете вы его взгляды, или не раздѣляете.

Въ русской парижской колоніи тогда центромъ былъ П. Л. Лавровъ, а его ближайшимъ другомъ и соратникомъ Николай Сергѣевичъ Русановъ. Лаврова я встрѣтилъ, помнится, одинъ разъ мелькомъ, и онъ не оставилъ во мнѣ воспоминанія чего либо особеннаго. Въ частной компаніи онъ былъ вообще очень скромнымъ и незамѣтнымъ человѣкомъ. Но Н. С. Русановъ, съ его блестками остроумія и веселымъ раскатистымъ смѣхомъ, а въ то же время съ широкой энциклопедической начитанностью, — являлся всегда интереснымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы познакомились семьями, подружились, и эта дружба продолжалась и послѣ того, какъ онъ вернулся въ Россію, хотя мы принадлежали къ разнымъ политическимъ лагерямъ, что особенно рѣзко обозначилось послѣ вступленія Россіи въ войну съ Германіей. Русановъ, какъ извѣстно, былъ въ группѣ «соціалистовъ-пораженцевъ».

У Русановыхъ въ Парижѣ были опредѣленные дни, когда къ нимъ собирались друзья изъ русской колоніи. Ихъ семья была очень гостепріимная и радушная, и за русскимъ чаемъ мы провели не мало пріятныхъ вечеровъ въ ихъ компаніи. Для заработка Русановъ работалъ въ издательствѣ Hachette и велъ русскій отдѣлъ

въ географическомъ словарѣ. Тамъ же въ топографическомъ отдѣлѣ словаря работалъ другой старинный русскій эмигрантъ Аитовъ.

Я вспоминаю курьезный разговоръ мой съ этимъ Аитовымъ при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Представляя меня, Русановъ ему сказалъ, что я уральскій казакъ. А онъ меня и спрашиваетъ: «ваша фамилія, навѣрное, Бородинъ». — Говорю, — да; почему же, спрашиваю, вы думаете, что моя фамилія непремѣнно Бородинъ. — «А я, говоритъ, еще по Оренбургскому Неплюевскому корпусу привыкъ къ тому, что всѣ уральскіе казаки — Бородины». Аитовъ былъ родомъ изъ татаръ, учился въ названномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ дѣйствительно всегда было много уральскихъ казаковъ и въ частности Бородиныхъ, которые были извѣстны подъ номерами; помню, мой братъ, воспитывавшійся тамъ, былъ извѣстенъ какъ «Бородинъ восемнадцатый»... Но Аитовъ все же поразилъ меня своимъ вопросомъ, угадавъ сразу мою фамилію только потому, что я уральскій казакъ.

Уже тогда Аитовъ сильно офранцузился, впослѣдствіи онъ натурализовался, и его сынъ, по профессіи врачъ, пріѣхалъ въ Россію въ качествѣ французскаго врача и завѣдывалъ однимъ изъ отдѣленій французской лѣчебницы, что на Васильевскомъ островѣ С.-Петербурга.

Русановъ очень напряженно работалъ въ издательствѣ Хашетта, а кромѣ того постоянно писалъ для русской заграничной прессы и для «Русскаго Богатства», гдѣ регулярно печатались его живо написанныя «Письма изъ Франціи»; подписывалъ онъ ихъ псевдонимомъ «Н. Е. Кудринъ». Какъ эмигрантъ, онъ не могъ подписываться своимъ именемъ, а указанный псевдонимъ, какъ онъ мнѣ объяснилъ, онъ выбралъ, чтобы заявить, что онъ совсѣмъ не Кудринъ, а... Но къ его псевдониму читатели «Р. Б.» привыкли, и какъ журналистъ онъ такъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Кудрина.

Въ то отдаленное время, о которомъ я пишу, Русановъ все же жилъ надеждою вернуться въ Россію и работать на родинѣ; и эта его надежда осуществилась. Съ объявленіемъ свободъ онъ перебрался въ Петербургъ и работалъ въ «Р. Б.», завѣдуя иностраннымъ отдѣломъ. И въ Питерѣ я изрѣдка навѣщалъ Русановыхъ по воскресеньямъ, когда у нихъ на Петербургской сторонѣ собирались регулярно ихъ знакомые, преимущественно изъ литературной братіи и бывшихъ парижскихъ эмигрантовъ. Иногда насъ, кромѣ замѣчательнаго винигрета, сдѣлавшагося specialité de la maison, и изготовлявшагося лично Наталіей Федоровной Русановой, ихъ талантливая дочь Наталія Николаевна угощала прекраснымъ пѣніемъ.

Она соединяла въ себѣ двѣ профессіи: врача и пѣвицы, но, кажется, первая профессія сдѣлалась въ концѣ концовъ ея главной профессіей.

Кстати уже отмѣчу здѣсь странную дальнѣйшую судьбу Н. С. Русанова: когда въ Россіи воцарились большевики, онъ, какъ и многіе другіе, принужденъ былъ покинуть Россію и сдѣлаться во второй разъ эмигрантомъ. Франція опять пріютила его. Въ 1923—28 г. г. супруги Русановы проживали на югѣ Франціи, видимо въ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, а ихъ взрослые теперь уже дѣти остались въ совѣтской Россіи. Я поддерживалъ съ ними переписку, но за послѣднее время потерялъ ихъ изъ виду. Въ газетахъ сообщалось, что они возвратились въ Россію. Но это оказалось вѣрнымъ лишь въ отношеніи жены, Николай же Сергѣевичъ остался за границей.

Кромѣ необходимыхъ для исполненія моего порученія знакомствъ съ французскими спеціалистами по рыбному дѣлу и собиранія свѣдѣній о положеніи рыбнаго промысла во Франціи — проведенные въ Парижѣ два-три мѣсяца я усиленно занимался англійскимъ языкомъ, пытаясь овладѣть хоть въ нѣкоторой степени разговорнымъ языкомъ, для чего бралъ уроки — исключительно разговорнаго характера. Собравъ необходимыя свѣдѣнія и заручившись рекомендаціями, я отправился въ объѣздъ по Франціи и началъ съ ея сѣвера, гдѣ какъ разъ начался зимній сезонный ловъ. Семья же отправилась на югъ Франціи, такъ какъ жизнь въ Парижѣ зимою для насъ русскихъ съ непривычки очень не нравилась. Зима этого года была очень холодная, а отопленія путнаго у нихъ нѣтъ; къ утру, бывало, мы всегда мерзли, и приходилось зажигать дымливую желѣзную печь и грѣться около нея. . .

Наибольшій интересъ для меня во Франціи представляла Булонь съ ея обширнымъ морскимъ рыбнымъ промысломъ въ Ламаншѣ и Сѣверномъ морѣ, Бретань съ ея сардиночнымъ промысломъ и съ заводами, изготовляющими всему міру извѣстныя сардины въ маслѣ, и Марсель съ своеобразнымъ средиземноморскимъ рыбнымъ промысломъ.

Не лишено общаго интереса отмѣтить, что въ Булони я познакомился съ однимъ изъ первыхъ случаевъ примѣненія научно-промысловыхъ изслѣдованій къ рыболовству, каковое примѣненіе впослѣдствіи сдѣлалось необходимымъ элементомъ раціональной постановки рыбнаго промысла и послужило предметомъ вѣдѣнія особой международной организаціи по изслѣдованію морей съ центромъ въ Копенгагенѣ. Иниціатива и выработка методовъ, примѣненныхъ

въ Булони, принадлежала мѣстному обществу водной культуры, вѣрнѣе, его секретарю, а главнымъ способомъ обслѣдованія была анкета, исполненіе которой поручалась самимъ рыбакамъ. Каждое рыбацкое судно было зарегистрировано и снабжено анкетнымъ листомъ, въ которомъ, по мѣрѣ лова, дѣлались записи мѣста лова, количества и качества уловленной рыбы параллельно съ нѣкоторыми доступными рыбакамъ свѣдѣніями о грунтѣ, теченіяхъ и погодѣ. Это были несовершенныя, но несомнѣнно научно-промысловыя изслѣдованія рыболовства, и ихъ сводка давала любопытныя указанія о распредѣленіи различныхъ породъ рыбы въ различные періоды лова и въ различныхъ мѣстахъ.

Въ Бретани нѣкоторые фабриканты сардинъ въ Бордо встрѣтили меня не совсѣмъ радушно и, хотя въ виду оффиціальныхъ писемъ и рекомендацій обществъ, отказать въ осмотрѣ имъ было невозможно, они старались сдѣлать это возможно быстро, не давая возможности подробнѣе познакомиться съ машинами и приборами. И здѣсь опять боязнь конкуренціи, но въ сущности неосновательная, такъ какъ у насъ рыбы-сардины нѣтъ, да и масла подходящаго дешеваго тоже не имѣется. Единственнымъ основаніемъ нежелательности осмотра могло быть иное — боязнь дать возможность познакомиться, какъ готовятся сардины для экспорта въ Россію. Въ этомъ отношеніи могли быть нѣкоторые секреты, но они въ сущности являлись секретомъ полишинеля. Мелкіе фабриканты ведутъ дѣло открыто, и я черезъ нихъ познакомился подробно со всѣми пріемами и подробно ихъ описалъ въ своемъ заграничномъ отчетѣ, ранѣе упомянутомъ.

На пути въ южную Францію я посѣтилъ нѣсколько казенныхъ и частныхъ рыбоводныхъ заводовъ, познакомился съ курьезными пріемами французовъ обращаться съ осетрами, которые изрѣдка попадаются въ р. Гароннѣ, побывалъ въ Аркашонѣ для осмотра устричныхъ заводовъ и прудовъ для выращиванія морскихъ рыбъ.

Если иностранцамъ нѣкоторые русскіе техническіе пріемы кажутся дикими, то и намъ русскимъ можно найти у иностранцевъ не мало техническихъ нелѣпостей въ тѣхъ областяхъ промысловъ, которые имъ незнакомы. Хорошимъ примѣромъ этого можетъ служить обращеніе французовъ съ икрой изъ гаронскихъ осетровъ: они ее выбрасываютъ, не зная, какъ приготовить, а между тѣмъ очень любятъ ее и ввозятъ не только изъ Россіи, но и изъ Германіи, гдѣ также ловятся осетры.

Раіонъ Аркашона — въ высшей степени своеобразный и красочный уголокъ Франціи, гдѣ большая часть населенія по цѣлымъ

днямъ бродитъ по устричнымъ паркамъ по колѣно въ водѣ, и ведетъ устричную культуру, очень хлопотливую, но и очень выгодную. Небольшая площадь мелкаго Аркашонскаго бассейна, служащаго питомникомъ для устрицъ, кормитъ нѣсколько тысячъ французскихъ семей.

Въ Марсели я познакомился съ милѣйшимъ и интереснѣйшимъ французскимъ профессоромъ Маріономъ. Типичный провансалецъ, подвижной, какъ ртуть, не смотря на свои сѣдины, и на рѣдкость, даже изъ французовъ, остроумный, — онъ къ тому же питалъ особо теплыя чувства къ русскимъ, имѣющимъ касательство къ наукѣ. Онъ былъ давнишнимъ другомъ нашего извѣстнаго біолога, впослѣдствіи академика А. О. Ковалевскаго, который неоднократно пріѣзжалъ на югъ Франціи для своихъ зоологическихъ работъ.

Показавъ мнѣ свой кабинетъ и мѣстный музей, онъ повелъ меня въ мѣстный ресторанъ, славящійся рыбными блюдами, и заказалъ знаменитую провансальскую уху изъ морскихъ рыбъ непремѣнно различныхъ сортовъ, такъ называемую «буйя-бессъ» (bouille-à-baisse). Какъ было отказаться, когда профессоръ резонно доказывалъ, что знакомство съ мѣстными рыбами должно входить въ мою программу изслѣдованія. Уха была дѣйствительно на славу вкусна и своеобразна по пряностямъ, которыхъ провансальцы кладутъ въ изобиліи во всѣ свои кушанья. Но интереснѣе была бесѣда съ Маріономъ. Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго о мѣстномъ рыбномъ промыслѣ, о своеобразныхъ старинныхъ синдикатахъ морскихъ рыбаковъ prud'hommes de mer (нѣчто вродѣ русскихъ рыбацкихъ артелей), о своихъ изслѣдованіяхъ рыбнаго промысла. Это была серьезная половина бесѣды, но онъ не мало вспоминалъ о Ковалевскомъ и другихъ русскихъ зоологахъ, побывавшихъ на югѣ Франціи. Отъ русскихъ онъ перенялъ не только много фразъ, курьезно произносимыхъ, но и нѣсколько гастрономическихъ привычекъ: онъ, напримѣръ, былъ совершенно не равнодушенъ къ соленымъ русскимъ огурцамъ. Между прочимъ можно замѣтить, что нигдѣ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ не солятъ огурцовъ, или, если солятъ, то не умѣютъ это дѣлать какъ слѣдуетъ. Маріонъ такъ любилъ огурцы русскаго засола, что по его заказу Ковалевскій не разъ присылалъ ему боченочекъ «нѣжинскихъ огурчиковъ»... Проф. Маріонъ скончался въ 1900 г.

Мой путь въ дальнѣйшемъ лежалъ въ Италію, гдѣ я имѣлъ въ виду побывать въ Римѣ и Неаполѣ на югѣ и въ Коммаккіо, близъ Венеціи и Брешіи — на сѣверѣ. Естественно, что проѣздомъ я побывалъ въ Ниццѣ, Монако, Монтекарло — вездѣ на короткое время.

Въ Римѣ я познакомился съ проф. Винчигерра, главнымъ научнымъ работникомъ по рыболовству итальянскаго правительства по министерству земледѣлія. Это — обаятельная личность, и наша дружба съ нимъ продолжалась не одинъ десятокъ лѣтъ: мы встрѣчались обычно на международныхъ конгрессахъ по рыболовству, на которыхъ онъ былъ неизмѣннымъ представителемъ Италіи. Въ смутное для Европы время 1914—1919 г. я потерялъ его изъ виду и лишь недавно узналъ, что онъ здравствуетъ и живетъ въ Генуѣ.

Отъ Винчигерры я получилъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи рыбнаго промысла и рыбоводства въ Италіи и рекомендовательныя письма.

Долженъ принести повинную: хоть въ Римѣ я былъ, но папы не видѣлъ: не интересовался какъ то этимъ...

Неаполь меня интересовалъ своей знаменитой зоологической станціей. Тамъ я засталъ нашего зоолога В. В. Заленскаго, познакомился съ нимъ и ему обязанъ подробнымъ ознакомленіемъ съ неаполитанской станціей и съ ея нѣкоторыми работами по изслѣдованію образа жизни мѣстныхъ промысловыхъ рыбъ.

Быть въ Неаполѣ и не посѣтить Помпеи — это уже гораздо большій грѣхъ, чѣмъ не видѣть папы въ Римѣ. Забрался я въ развалины Помпеи на цѣлый день, и не хотѣлось уходить. Такъ это дѣйствуетъ захватывающе — видѣть воочію и во всей неприкосновенности древній римскій городокъ, съ его своеобразными домами, храмами, банями, пекарнями и притонами разврата... И тогда уже раскопки открыли цѣлую амфиладу улицъ, среди которыхъ безъ плана легко заблудиться. Прекрасно составленный музей дополняетъ впечатлѣніе фигурами застигнутыхъ врасплохъ горячимъ пепломъ и засыпанныхъ имъ людей и собакъ и массой фресокъ, статуй, домашнихъ предметовъ изъ золота и другого матеріала.

Изъ всего видѣннаго мною въ поѣздку по Европѣ Помпея — самое интересное и поучительное мѣсто. Быть можетъ то обстоятельство, что я получилъ, хотя изъ рукъ министра Толстого, классическое образованіе и невольно имѣлъ нѣкоторое влеченіе къ ближайшему знакомству съ древнимъ бытомъ Римлянъ, — дѣлаетъ меня немного пристрастнымъ, но, дѣлясь своими впечатлѣніями съ другими путешественниками по Европѣ, — я находилъ все же единомышленниковъ въ этомъ отношеніи.

Изъ Помпеи я рѣшилъ взобраться на вершину Везувія и непремѣнно добраться до кратера. Я терпѣть не могу назойливыхъ гидовъ и вездѣ, и всегда обходился безъ нихъ, имѣя въ карманѣ вѣрнаго друга-путеводителя Бедекера. Но на этотъ разъ, какъ

мнѣ потомъ говорилъ Заленскій, я поступилъ крайне неосторожно. По его словамъ, я подвергался опасности, и онъ не разъ впослѣдствіи, при свиданіяхъ въ бытность въ Петербургѣ, вспоминалъ о моемъ «казацкомъ» набѣгѣ на Везувій. Но ничего особеннаго со мной не случилось: правда, я добрался до такого мѣста, гдѣ ужъ подъ ногами стало горячо, — ощупью и послѣ долгихъ крюковъ и безумно усталъ; но все же добился своего... Да, въ молодости и не на такую гору взберешься, если зарядишься мыслью, что надо взобраться...

Гораздо большій интересъ съ точки зрѣнія задачи моего посѣщенія Италіи представлялъ его сѣверъ. Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Венеціи находится оригинальнѣйшій городокъ Комаккіо. Онъ тоже вродѣ Венеціи — кругомъ его вода такъ называемыхъ лагунъ, или морскихъ ильменей, образованныхъ разливами р. По съ одной стороны и морскою водой — съ другой. Городокъ населенъ исключительно рыбаками, существуетъ нѣсколько столѣтій и столько же времени ведетъ своеобразное рыбное хозяйство и рыбную ловлю въ лагунахъ. Интересна въ демографическомъ отношеніи одна особенность населенія этого городка: число рожденій здѣсь выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; количество дѣтей въ Комаккіо сразу бросается въ глаза. Физіологи и гигіенисты утверждаютъ, что причина лежитъ въ исключительно рыбной діэтѣ. Исчерпывающихъ данныхъ по этому предмету мнѣ не пришлось встрѣтить, но по личнымъ наблюденіямъ я встрѣчалъ не мало подтвержденій этой теоріи при посѣщеніи раіоновъ, населенныхъ преимущественно рыбаками.

Своеобразность «лагуннаго хозяйства» Комаккіо заключается съ одной стороны въ его общинной организаціи, съ другой — въ самой техникѣ лова рыбы. Община въ лицѣ всѣхъ работоспособныхъ членовъ принимаетъ участіе въ постройкѣ и ремонтѣ плотинъ, загражденій изъ камыша и «лабиринтовъ» — вершей изъ камыша для лова рыбы, и за это имѣетъ свою долю въ уловѣ рыбы.

Съ технической стороны оригинальность заключается въ томъ, что все устройство лабиринтовъ дѣйствуетъ до извѣстной степени автоматически: когда рыба приходитъ изъ моря на опрѣсненное теченіе въ каналахъ, ведущихъ изъ лагунъ въ море, — загражденія открываются и въ лагуны заходитъ масса молодыхъ угрей, кефали и бычковъ. Затѣмъ ставятся загражденія, которыя уже не пропускаютъ рыбу обратно въ море, и она пасется и растетъ въ лагунахъ. Выросши она пытается выйти въ море, но ее перехватываютъ въ лабиринтахъ, разставленныхъ по главнымъ выходнымъ каналамъ. Лабиринты ловятъ рыбу автоматически, и только изъ

нихъ уже рыбаки вычерпываютъ ее въ лодки. Сообщеніе по лагунамъ и въ самомъ городкѣ исключительно на лодкахъ — это малая, но очень своеобразная Венеція.

На обратномъ пути, конечно, я не преминулъ остановиться и полюбоваться большой и настоящей Венеціей. О красотахъ ея столько писано, что нѣтъ надобности на нихъ останавливаться. Могу лишь отмѣтить, что и на венеціанскихъ рыбакахъ и рыбацкихъ лодкахъ съ разноцвѣтными сѣтями лежитъ какой то поэтическій отпечатокъ. Группы такихъ лодокъ въ венеціанской гавани, съ высоко поднятыми на мачты сѣтями, напоминающими кружева, словно и стоятъ тутъ для украшенія, а вовсе не для промысла, который, надо замѣтить, и вообще въ Адріатическомъ морѣ очень незначителенъ.

Изъ Венеціи я проѣхалъ въ Брешію, Ломбардія, чтобы осмотрѣть казенный рыбоводный заводъ, назначеніе котораго выводить озерную форель и выпускать ее въ озера сѣверной Италіи. Какъ исключительную особенность этого итальянскаго завода можно отмѣтить примѣненіе искусственнаго (посредствомъ льда) охлажденія для замедленія развитія малька. Дѣло въ томъ, что вода завода довольно высокой температуры, зародышъ въ икрѣ развивается въ ней слишкомъ быстро и выклевывается ранѣе, чѣмъ это желательно по условіямъ погоды: весна еще не вполнѣ наступаетъ, жизнь низшихъ организмовъ, составляющихъ пищу рыбы, еще не въ полномъ расцвѣтѣ, и выпускать мальковъ въ такое время года опасно: они могутъ погибнуть отъ отсутствія или недостатка натуральной пищи. Вотъ и пришлось прибѣгнуть къ искусственному задерживанію развитія зародыша, помѣщая икру въ шкафъ со льдомъ.

Изъ Италіи я возвратился опять во Францію, и дальнѣйшій мой путь лежалъ въ Бельгію и Голландію. Но сезонъ въ отношеніи рыболовства былъ не вполнѣ подходящій — былъ разгаръ лѣта, когда рыбная ловля въ указанномъ раіонѣ пріостанавливается. Въ то же время изъ-за жары Парижъ пустѣетъ, всѣ безъ исключенія уѣзжаютъ на отдыхъ куда нибудь, гдѣ болѣе прохладно. Мы сговорились съ Русановыми поѣхать недѣли на двѣ покупаться на островъ Джернсей, въ Санъ-Бреладу. Это уединенный островъ, уже въ предѣлахъ Великобританіи, въ преддверіяхъ къ Ламаншу. Изъ-за относительной дешевизны, полнаго покоя и хорошаго купанья это мѣстечко посѣщается довольно многими парижанами изъ трудовой интеллигенціи, въ томъ числѣ и русскими. Санъ-Брелада соединяетъ въ себѣ прелести океанскаго купанья съ отсутствіемъ обычной толпы морскихъ курортовъ. Купаться ходили мы семьями, раздѣвались среди скалъ — тамъ масса уютныхъ мѣстъ для этого,

а затѣмъ всѣ вмѣстѣ наслаждались купаньемъ, ловлей крабовъ и другихъ морскихъ животныхъ во время отлива. Душей нашей компаніи былъ Н. С. Русановъ, такъ и сыпавшій каламбурами и нерѣдко импровизированными стихами. Послѣдними онъ особенно донималъ свояченицу, молодую дѣвушку Тоню. До сихъ поръ у меня осталось въ памяти сочиненное имъ четверостишіе въ насмѣшку надъ ней по поводу отъѣзда съ острова одного изъ ея ухажи-вателей —

Опустѣла Санъ-Брелада:
Офицера уже нѣтъ!
Грудь мою тѣснитъ досада,
А его ужъ нѣтъ какъ нѣтъ!

Что то въ этомъ родѣ. Выпаливъ что нибудь смѣхотворное, Н. С. обычно заливался своимъ заразительнымъ смѣхомъ. Своею живостью и острымъ языкомъ онъ гораздо больше походилъ на француза, чѣмъ на русскаго, и только его сѣрые глаза и носъ пуговицей выдавали его «купеческо-рассейское» происхожденіе.

Весело и съ пользой для здоровья провели мы въ Санъ Брéладѣ двѣ недѣли и, набравшись бодрости, вернулись въ Парижъ для совершенія дальнѣйшаго путешествія.

Въ Бельгіи меня интересовала рыбацкая школа и устрицеводство въ Остенде, въ Голландіи — зоологическая станція въ Гелдерѣ, сельдяной и лососевый промыселъ.

Остендская рыбацкая школа всецѣло обязана своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ ея основателю, главному преподавателю и директору, патеру Пипу. Это — рѣдкій типъ и заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ. Патеръ Пипъ — католическій священникъ, всю жизнь работавшій среди рыбаковъ и для рыбаковъ. Когда они массами отправляются въ Сѣверное море на рыбную ловлю, онъ нерѣдко ѣдетъ съ ними; если же остается на сушѣ, то все время проводитъ въ заботахъ о рыбацкихъ семьяхъ и дѣтяхъ. Забота о послѣднихъ, главнымъ образом, о мальчикахъ, у него вылилась постепенно въ организацію спеціальной школы рыбнаго промысла.

Когда я посѣтилъ ее, она уже имѣла свое собственное каменное зданіе, была снабжена всѣмъ необходимымъ для преподаванія навигаціи, основъ морской біологіи и вполнѣ оборудованными мастерскими для изготовленія парусовъ, починки сѣтей и ихъ дубленія, нефтянымъ двигателемъ, который употребляется на моторныхъ лодкахъ, — для обученія мальчиковъ обращенію съ нимъ, солильней, коптильней и пр.

Особенно интереснымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ учебнымъ пособіемъ этой школы была модель рельефа дна Сѣвернаго моря, гдѣ производится главный ловъ рыбы какъ бельгійскими, такъ и рыбаками другихъ націй. На модели нанесены банки, ихъ грунтъ, растенія и животныя, которыя встрѣчаются на нихъ и пр. Эти свѣдѣнія получены отъ опытныхъ рыбаковъ и моряковъ и тщательно нанесены на рельефной картѣ-модели.

Эта школа сдѣлалась быстро популярнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое и сами рыбаки заглядывали съ удовольствіемъ, а Пипъ, ея директоръ, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своей паствы изъ рыбаковъ. Всю жизнь и все время свое и всю недюжинную энергію свою этотъ человѣкъ посвятилъ дѣлу служенія рыбацкой паствѣ и сросся и сроднился съ ней.

Вернувшись въ Россію я поддерживалъ переписку съ этимъ интереснымъ человѣкомъ, а когда въ Петербургѣ въ 1902 г. была устроена международная выставка рыболовства и былъ созванъ международный конгрессъ по рыболовству, то Пипъ прислалъ интересный докладъ о положеніи своей школы. Она продолжала процвѣтать и развиваться. Пипу удалось получить на это новыя средства. Подробное описаніе этой замѣчательной школы и фотографія самого зданія помѣщена въ журналѣ «Revue Internationale de Pêche et de Pisciculture» за 1903 г. № 1. Этотъ журналъ выходилъ въ Петербургѣ съ 1889 по 1903 г. подъ моимъ редактированіемъ.

Объ остендскихъ устрицахъ приходилось такъ много слышать, даже въ Петербургѣ, куда они доставлялись, что нельзя было упустить случая при посѣщеніи Остенде познакомиться съ ихъ разведеніемъ въ этомъ мѣстѣ. Но ближайшее знакомство съ этимъ дѣломъ показало, что ихъ здѣсь не разводятъ, а просто выдерживаютъ, получаютъ же ихъ больше отъ англійскихъ рыбаковъ, производящихъ ловъ близь ю. з. береговъ Англіи. Слава же остендскихъ устрицъ зависитъ отъ успѣшнаго ихъ вскармливанія въ устроенныхъ въ Остенде бассейнахъ, гдѣ кромѣ благопріятной по процентному содержанію солей воды оказалось много натуральной для устрицъ пищи, почему онѣ здѣсь и жирѣютъ и дѣлаются нѣжными.

Гелдерская зоологическая станція на Зюдер-зе, Голландія, широко извѣстна своими біологическими работами, а ея директоръ Др. Гукъ являлся однимъ изъ старѣйшихъ работниковъ въ области научнаго изслѣдованія рыбъ и рыболовства. Поэтому представлялось очень интереснымъ и поучительнымъ посѣтить эту ста-

ринную зоологическую станцію, а главное, побесѣдовать съ Др. Гукомъ.

Послѣдній принялъ меня очень радушно и сообщилъ мнѣ много интереснаго по мѣстному рыболовству и рыбоводству. Общій и международный интересъ представляло то, что онъ сообщилъ о многолѣтнихъ усиліяхъ поддержать богатство р. Рейна и его рукавовъ самой драгоцѣнной рыбой — лососемъ.

Рейнъ протекаетъ по цѣлому ряду государствъ, начиная съ Швейцаріи, черезъ всю Германію, Люксембургъ и Голландію, которой принадлежатъ его устья. По взаимному соглашенію, относящемуся еще къ 70-мъ годамъ девятнадцатаго столѣтія, правительства всѣхъ этихъ смежныхъ странъ обязались выпускать ежегодно въ рѣку опредѣленное количество мальковъ лосося, который долженъ былъ быть выводимъ на рыбоводных заводахъ, для того построенныхъ. Если у какой нибудь страны не было завода, она должна была покупать мальковъ лосося на существующихъ частныхъ заводахъ.

Согласно этому договору, ежегодно производился выпускъ нѣсколькихъ милліоновъ мальковъ лосося въ теченіе десятковъ лѣтъ. Но ввиду различнаго географическаго положенія этихъ странъ и естественныхъ условій входа лосося изъ моря, страны, расположенныя по теченію р. Рейна, находились въ весьма различныхъ условіяхъ: Голландія, владѣющая устьями, конечно, была въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для лова лосося, и большая его часть вылавливалась въ устьяхъ, особенно въ Маасѣ, гдѣ къ тому же примѣнялся способъ лова посредствомъ громаднаго невода, завозимаго пароходомъ и вытягиваемаго посредствомъ проволочнаго каната на воротъ, работающій тоже паромъ. Такой способъ лова является единственнымъ въ своемъ родѣ по его эффективности во всей Европѣ.

Такимъ образомъ, въ страны, лежащія выше по теченію рѣки, проходило очень мало лососей, а размножается онъ исключительно въ верхнихъ частяхъ рѣки. Съ каждымъ годомъ дѣло добыванія экземпляровъ лосося со зрѣлой икрой становилось все труднѣе и труднѣе и количество выпускаемыхъ лососиковъ все меньше и меньше.

Въ связи съ этимъ и промыселъ лососевый палъ до крайности. Такова вкратцѣ исторія попытки искусственно поддержать лососевый промыселъ въ р. Рейнѣ. Причина неудачи лежитъ, конечно, не въ самомъ способѣ, а въ томъ, что въ данномъ дѣлѣ принимали участіе различно и противоположно заинтересованныя правитель-

ства смежныхъ странъ и что не было установлено ограниченій въ ловѣ.

Сельдяной ловъ голландцами ведется одинаковымъ образомъ съ незапамятныхъ временъ. Меня интересовало выяснить, чему обязаны голландскія сельди ихъ превосходнымъ вкусомъ, бѣлымъ цвѣтомъ ихъ мяса и нѣжностью. Причина, оказывается, очень простая: голландцы солятъ сельдь въ морѣ, немедленно послѣ ея улова, они выпускаютъ изъ сельди кровь, пока она еще жива, и солятъ не круто, а малымъ количествомъ соли. На берегу они даютъ сельди только дозрѣть, дополняютъ бочки до полности рыбой и разсоломъ, часто катаютъ бочки съ сельдью, чтобы разсолъ распредѣлялся равномѣрно. Вотъ и весь ихъ секретъ. Шотландская сельдь солится въ ваннахъ на берегу и привозится нечищенной и, конечно, мертвой. Норвежская сельдь, ловимая неводами въ фіордахъ, и по качеству грубѣе, и солятъ ее тоже не живьемъ. Поэтому оба эти сорта сельди значительно хуже голландской.

Изъ Голландіи (Антверпенъ), я отправился въ Христіанію. И памятенъ же мнѣ этотъ проклятый переѣздъ. Пароходишко попался мнѣ небольшого тоннажа и со слабой машиной, а вѣтеръ былъ свѣжій; и вотъ въ узкомъ проливѣ между Даніей и Норвегіей насъ такъ трепало, что рѣдкій изъ пассажировъ не заплатилъ дани Нептуну. Весь переѣздъ я страдалъ отъ морской болѣзни до полнаго изнеможенія, что случилось со мной впервые въ жизни. И, Боже, какое было счастье, когда нашъ пароходъ добрался, наконецъ, до спокойныхъ водъ Христіанскаго фіорда! . . . Можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго настроенія, — берега и острова этого фіорда показались мнѣ замѣчательно красивыми; они очень напоминаютъ финляндскія шхеры, только въ болѣе крупномъ масштабѣ.

Наконецъ, мы въ Христіаніи — въ столицѣ «страны полуночнаго солнца и грамотныхъ поселянъ». Мнѣ ярко припомнилась прекрасная статья подъ такимъ удивительно картиннымъ и точнымъ заглавіемъ, если память мнѣ не измѣняетъ, Николая О . . . на, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 80-хъ годовъ. Она произвела на меня въ то время сильное впечатлѣніе, и я съ особымъ интересомъ сталъ знакомиться съ норвежскими общественными учрежденіями. Очень кстати «Стортингъ» засѣдалъ, и я не преминулъ пойти на его засѣданіе. Норвежскаго языка я не зналъ, но мнѣ хотѣлось видѣть этихъ мужиковъ-парламентаріевъ и порядокъ веденія засѣданій въ парламентѣ. И я не раскаялся, что пошелъ.

Прежде всего уже само зданіе стортинга своими строгими линіями, нѣсколько напоминающее храмъ, внушало относиться къ дѣлу, которое творится въ этомъ зданіи, серьезно и добросовѣстно. Спокойныя и простодушныя лица членовъ стортинга и царящая во время засѣданія тишина и порядокъ, тоже какъ то дѣйствовали подкупающе въ пользу стортинга, особенно послѣ видѣннаго мною въ Парижѣ засѣданія Chambre des députés. Врядъ ли въ клубѣ или ресторанѣ можно вести себя такъ развязно, какъ ведутъ себя французскіе депутаты въ палатѣ: они сидятъ на столахъ, громко болтаютъ и хохочутъ во время докладовъ, дѣлаютъ вслухъ смѣшныя замѣчанія и пр. Я люблю живость французовъ, но проявляемая въ палатѣ она меня прямо коробила...

Изъ другихъ общественныхъ учрежденій я, руководясь опять таки тою же упомянутой выше статьею, отправился въ «народную столовую» — учрежденіе тогда еще новое. Его цѣль — дать здоровый и дешевый обѣдъ для массы городского населенія. Кухня — на виду у всѣхъ, и каждый посѣтитель вродѣ какъ бы членъ общества по устройству столовой. Технически и финансово это учрежденіе было превосходно поставлено и имѣло громадный успѣхъ.

И вообще норвежскій народъ производилъ впечатлѣніе народа, живущаго здоровой демократической жизнью. Несмотря на скудость природы и трудности веденія сельскаго хозяйства онъ живетъ, въ своей массѣ, сравнительно зажиточно. Въ это первое посѣщеніе Норвегіи я обратилъ вниманіе на замѣчательно счастливыя и спокойныя лица встрѣчающихся на улицахъ норвежскихъ дѣвушекъ — высокихъ, стройныхъ блондинокъ, съ громадными голубыми глазами. По нимъ можно было также судить, что норвежскому народу живется счастливо.

Въ Норвегіи мнѣ предстояло много кое чего изучить, такъ какъ рыбопромышленность этой страны очень развита, и норвежскіе дѣятели въ области рыболовства уже тогда проявляли нѣкоторыя оригинальныя черты, которыя впослѣдствіи развились и создали единственное въ своемъ родѣ «Норвежское управленіе рыболовствомъ»; оно главной своей задачей поставило «научно-промысловыя изслѣдованія» въ области рыболовства, блестяще выполненныя подъ общимъ руководствомъ такихъ изслѣдователей, какъ Іортъ (Hjort) и его многочисленные помощники.

Очень кстати въ Христіансундѣ, на сѣверѣ Норвегіи, этимъ лѣтомъ была какъ разъ устроена рыболовная выставка, на которой представилась возможность познакомиться въ короткое время съ норвежскимъ рыбнымъ промысломъ. Я отнюдь не намѣренъ утом-

лять читателя описаніемъ норвежскихъ рыбныхъ промысловъ — здѣсь ему не мѣсто, а въ качествѣ воспоминаній отмѣчу лишь, что тогда только что появились въ Норвегіи своеобразные рыбные консервы изготовленія фабрики въ Ставангерѣ и рыбная мука изъ трески и что въ области рыбоводства Норвегія одна изъ первыхъ европейскихъ странъ положила начало устройству во Флодвигенѣ станціи для разведенія морскихъ породъ рыбъ — трески и камбалы.

Изъ наиболѣе сѣверныхъ городковъ Норвегіи я посѣтилъ Тронгеймъ, — центръ приготовленія вяленой и сушеной трески. Это всемірно извѣстные норвежскіе рыбные продукты — клипфишъ и стокфишъ. Клипфишъ — распластанная соленая и подвяленая треска. Стокфишъ — сушеная безъ соли въ половинкахъ, въ видѣ палокъ (stock). Оба сорта приготовляются безъ головы и позвоночника; у клипфишъ оставляется лишь часть его. Оба эти продукта пріобрѣли міровую извѣстность и широкое распространеніе особо въ южныхъ и тропическихъ странахъ благодаря своей дешевизнѣ и способности сохраняться при всевозможныхъ климатическихъ условіяхъ очень продолжительное время. Особенно стойкимъ является стокфишъ, пакуемая ввидѣ прессованной соломы въ тюкахъ, обтянутыхъ проволокой.

Названіе «клипфишъ» происходитъ отъ слова Klippe, скала, потому что треска вялится на солнцѣ и для этого раскладывается по голымъ гранитнымъ скаламъ фіордовъ. Прелюбопытное зрѣлище представляютъ эти скалы, покрытыя бѣлѣющими пятнами рыбы: все пространство, которое можетъ обнять вашъ глазъ, занято подвяливаемой треской. Разъ въ день, среди ея рядовъ проходятъ женскія фигуры и переворачиваютъ рыбу. На ночь и въ предвидѣніи дождя рыба складывается въ кучки и покрывается переносной крышкой и брезентомъ. Тогда скалы пріобрѣтаютъ видъ болотистаго луга, на которомъ какъ будто собраны копны сѣна.

Лучшаго и болѣе надежнаго способа сушенія какъ солнечное сушеніе на скалахъ фіордовъ — техника не придумала, да врядъ ли и сможетъ придумать, такъ какъ здѣсь соединены: чистота воздуха и скалъ, отсутствіе пыли, дезинфицирующее дѣйствіе солнечныхъ лучей и бѣленіе посредствомъ нихъ. По бѣлизнѣ, вкусовымъ и питательнымъ качествамъ норвежскій клипфишъ превосходитъ всѣ другіе сорта вяленой, соленой и сушеной трески.

Изъ другихъ сторонъ рыбнаго дѣла въ Норвегіи общественный интересъ представляли учебно-вспомогательныя учрежденія, сосредоточенныя въ г. Бергенѣ: школа рыбнаго дѣла и рыболовный музей.

Оба эти учрежденія широко задуманы и цѣлесообразно выполнены. Школа носитъ характеръ болѣе техническій, чѣмъ другія школы этой категоріи въ Европѣ; она больше вниманія обращаетъ на обученіи техникѣ приготовленія рыбныхъ продуктовъ — изготовленію жестяночныхъ консервовъ, соленію, копченію, замораживанію рыбы и т. д. Для преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ школа хорошо оборудована, будучи снабжена всѣми необходимыми машинами, двигателями, мастерскими, коптильней, солильней и морозилкой. Для Норвегіи, начинавшей въ то время, какъ сказано, приготовленіе жестяночныхъ консервовъ, такая практическая школа для подготовки мастеровъ по приготовленію рыбныхъ продуктовъ была очень своевременна и она несомнѣнно сыграла большую роль въ дальнѣйшемъ успѣшномъ развитии консервнаго дѣла въ Норвегіи, обезпечившей ей значительный экспортъ этихъ консервовъ заграницу, преимущественно въ Америку. Оригинальность ихъ вкуса и содержимаго въ значительной степени устраняетъ конкуренцію: ни въ одной странѣ не приготовляютъ жестяночныхъ рыбныхъ консервовъ въ видѣ галушекъ (шарики изъ рубленой рыбы), заливного желе, филе изъ килекъ въ маслѣ съ особыми специями и т. п. Эта оригинальность норвежскихъ консервовъ обезпечиваетъ имъ и по сіе время доступъ на заграничный рынокъ, даже американскій, заполненный своими собственными консервами. . .

Слѣдующимъ этапомъ моего заграничнаго путешествія была Шотландія, и я очень удачно попалъ на отходящій экскурсіонный пароходъ, не регулярно рейсирующій между Бергеномъ и Эбердиномъ, Шотландія. Переѣздъ былъ спокойный и пріятный.

Мой пріѣздъ въ Эбердинъ совпалъ съ воскресеньемъ. Я не успѣлъ еще толкомъ просмотрѣть книжку незамѣнимаго Бедекера, и сразу же попалъ въ просакъ. Намѣтилъ себѣ въ теченіе воскресенья познакомиться съ городомъ и окрестностями.

Выхожу на улицу: ни души, ни трамваевъ, ни автомобилей; такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ повымерли въ городѣ. Пробую зайти въ ресторанъ позавтракать: всѣ закрыты. Кого ни спрошу, всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на меня и отвѣчаютъ одно, что «сегодня воскресенье». Тутъ только я сообразилъ и вспомнилъ, что говоритъ объ Англіи и Шотландіи Водовозова въ своей популярной книгѣ «Жизнь европейскихъ народовъ»: нигдѣ въ мірѣ воскресенье не соблюдается такъ строго, какъ у пуританъ.

Не солоно хлѣбавши, я вернулся въ отель и въ видѣ особаго одолженія получилъ не во время завтракъ. И только послѣ обѣдни улицы Эбердина начали оживать, и городъ походитъ на городъ.

Близъ Эбердина находятся какъ разъ самые крупные пункты массовой заготовки шотландской сельди — Викъ, Фрезебургъ, да и въ самомъ Эбердинѣ есть крупныя солильни, подробное ознакомленіе съ которыми было главной задачей моего посѣщенія Шотландіи. На слѣдующій же день я могъ наблюдать выгрузку массы сельдей изъ возвратившихся съ лова рыбацкихъ судов на набережную и дальнѣйшее передвиженіе ея въ вагонеткахъ въ солильни. Нельзя сказать, чтобы здѣсь соблюдалась особая чистота и опрятность. Да по пословицѣ: на большую семью чисто не настряпаешься. А семья эта, въ данномъ случаѣ, — весь европейскій, а отчасти и американскій рынокъ, и заготовка дѣлается дѣйствительно массовая. Нигдѣ я не видѣлъ такихъ грандіозныхъ солиленъ, какъ здѣсь: они больше напоминали громадные желѣзнодорожные вокзалы или депо для паровозовъ: съ одного конца такой солильни еле видишь что нибудь на другомъ ея концѣ. Я много сдѣлалъ снимковъ здѣсь. Движеніе съ фотографическимъ аппаратомъ по скользкимъ отъ рыбной слизи поламъ не такъ-то легко, и однажды я со всѣми своими фотографическими принадлежностями растянулся на этомъ скользкомъ полу, къ счастью не повредивъ аппарата.

Долженъ все же сказать, что внутри солиленъ сельдь тщательно обмывается, и въ дальнѣйшемъ ея приготовленіе ведется съ соблюденіемъ чистоты. Доброкачественность же продукта въ отношеніи крѣпости засола и соотвѣтствія содержимаго съ обозначеніемъ на боченкахъ (обозначается размѣръ, качество и число рыбъ), обезпечивается правительственнымъ клейменіемъ боченковъ съ сельдью «branding», т. е. выжиганіе, такъ какъ клеймо на боченкѣ дѣлается раскаленнымъ желѣзомъ. Къ этому дѣлу приставлены особые правительственные браковщики. Хотя браковка не обязательна, но требованія рынка сдѣлали ее фактически примѣняемой къ громадному большинству шотландской сельди.

Изъ Эбердина я двинулся на югъ въ Эдинбургъ, какъ на этомъ пути, такъ и близъ самого Эдинбурга весьма много старинныхъ шотландскихъ замковъ, и невольно всплывали въ памяти образы и картины романовъ Вальтеръ Скота, которыми я зачитывался въ юности. Въ большинствѣ это уже развалины, но и они внушаютъ къ себѣ уваженіе своими мрачными громадами.

Въ Эдинбургѣ сосредоточены шотландскія учрежденія по управленію мѣстными дѣлами, въ числѣ которыхъ не маловажное мѣсто занимаетъ рыбный промыселъ. Fishery Board for Scotland существуетъ болѣе 50 лѣтъ, и публикуемые имъ годовые отчеты по своей содержательности и систематичности веденія изъ года въ годъ, являются необходимой принадлежностью каждой библіотеки,

имѣющей отношеніе къ рыболовству, рыбоводству и научно-промысловымъ изслѣдованіямъ въ области рыбнаго промысла. Статистика шотландскаго рыболовства — одна изъ немногихъ по полнотѣ и однообразію за десятки лѣтъ. Въ лицѣ научнаго секретаря по дѣламъ рыболовства Д-ра Фоллертона я встрѣтилъ очень любезнаго коллегу, который помогъ мнѣ разобраться въ громадномъ печатномъ матеріалѣ о шотландскомъ рыболовствѣ.

Близъ Эдинбурга, въ мѣстечкѣ St. Andrews, находится университет. Я намѣтилъ посѣтить въ немъ довольно извѣстнаго изслѣдователя вопросовъ о жизни рыбъ проф. Мак-Интоша. Найти его было не такъ-то легко, и я долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію студентовъ. И никогда я не забуду того простого и милаго отношенія, которое проявили по отношенію ко мнѣ англійскіе юноши-студенты: узнавъ, что я иностранецъ, что имѣю отношеніе къ наукѣ, — двое изъ нихъ бросили свои дѣла и отдались на весь день буквально въ мое распоряженіе, проведя меня сначала къ профессору, потомъ показавъ мнѣ университетъ, — очень оригинальный по средневѣковой постройкѣ; потомъ предложили осмотръ окрестностей Эдинбурга. И все это предлагалось такъ скромно и мило, чисто по джентльменски, что трудно было отклонить предложеніе.

Осмотрѣвъ близъ Эдинбурга правительственный заводъ для разведенія камбалы и трески въ Дёнбарѣ, я направился на западный берегъ Шотландіи, гдѣ у меня было намѣчено познакомиться съ крупнымъ форелевымъ хозяйствомъ въ Говіетоунѣ. Посѣщеніе этого хозяйства оказалось однимъ изъ наиболѣе продуктивныхъ, такъ какъ это хозяйство единственное во всемъ мірѣ по своему масштабу и образцовому веденію дѣла.

Думаю, что и для рядового читателя не безъинтересны будутъ слѣдующія цифровыя о немъ данныя: въ прудахъ этого хозяйства содержалось 15.000 взрослыхъ форелей, 40.000 двухлѣтокъ и 200.000 годовиковъ. Для прокормленія этого прожорливаго рыбнаго стада ежедневно рѣзали 5 лошадей, мясомъ которыхъ ихъ кормятъ, а въ видѣ десерта доставляютъ 120 пудовъ морскихъ моллюсковъ-гребешковъ. Своими произведеніями хозяйство это снабжаетъ не только всю Шотландію и Англію, но и Австралію, куда регулярно доставлялась оплодотворенная икра.

Дальнѣйшій мой путь лежалъ въ Лондонъ, гдѣ я долженъ былъ встрѣтиться съ семьей, проститься съ ней и ѣхать уже одному въ Сѣв. Америку на болѣе продолжительное время. Но и въ Лондонѣ нужно было кое что осмотрѣть и кое съ чѣмъ познакомиться. Знаменитый лондонскій рыбный рынокъ Billingsgate и коллекціи Бри-

танскаго музея были для меня наиболѣе важными достопримѣчательностями, кромѣ другихъ, обычныхъ для каждаго туриста. Мое пребываніе въ Лондонѣ было опечалено болѣзнью сына какъ разъ передъ моимъ отплытіемъ въ Америку, такъ что уѣхалъ я въ большомъ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе, что докторъ не могъ опредѣлить, чѣмъ мальчикъ былъ боленъ. Мать увезла его, больного, въ Парижъ, гдѣ наши милые друзья Русановы, — спасибо имъ, — помогли выходить мальца. У него было воспаленіе почекъ, и болѣзнь продолжалась около мѣсяца.

Въ описываемое время большой успѣхъ и распространеніе имѣли въ Россіи статьи и книги И. И. Янжула о лондонскомъ народномъ домѣ, безплатныхъ библіотекахъ и вообще о новомъ теченіи среди англійской аристократической молодежи — идти работать въ рабочіе кварталы для просвѣщенія рабочихъ. И я непремѣнно хотѣлъ видѣть «Тойнби Холлъ» и др. подобныя учрежденія.

Найти ихъ было не такъ-то легко. О нихъ въ Лондонѣ, видимо, знали менѣе, чѣмъ въ Россіи. И впечатлѣніе отъ ихъ осмотра на мѣстѣ у меня осталось гораздо болѣе тусклое и не такое яркое, какимъ оно было по прочтеніи янжуловскаго описанія.

Но что произвело на меня дѣйствительно сильное впечатлѣніе — это Британскій Музей. Правду сказалъ мнѣ какъ то Янжулъ: «нигдѣ въ мірѣ нѣтъ лучшаго мѣста для научной библіотечной работы, какъ въ этомъ храмѣ книги». Такого книжнаго богатства и такой превосходной организаціи библіотечнаго дѣла не найти нигдѣ. И было досадно разставаться такъ скоро съ его стѣнами, манящими къ себѣ каждаго любящаго кабинетную работу среди кучи книгъ.

ГЛАВА IV.
ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА (1892—1893Г., ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Нью-Іоркъ и его русская колонія. — Русская музыка и русская пѣснь въ Америкѣ: симфоническіе концерты Никиша; русскій хоръ Е. Э. Паприцъ-Линевой. — Поѣздки по Америкѣ и знакомство съ американской жизнью: проф. Морзъ и Чарльзъ Крэнъ. — Положительныя и отрицательныя черты американскаго быта.

Итакъ, у меня въ карманѣ билетъ въ Нью-Іоркъ, я отправляюсь въ Ливерпуль, откуда отплываетъ пароходъ компаніи Cunard.

Мнѣ подкинули спутницу: Н. Ф. Русанова прислала свою сестру, — молодую дѣвушку, прося доставить ее къ старшей сестрѣ, бывшей замужемъ за извѣстнымъ русскимъ изобрѣтателемъ по электрическому освѣщенію Ладыгинымъ, работавшимъ въ это время на Эдиссоновскую компанію въ Питсбургѣ.

Нашъ переѣздъ черезъ океанъ совпалъ съ довольно бурной погодой и насъ порядочно потрепало; но богатырское судно держалось стойко и не подвергалось особенно непріятной боковой качкѣ. Моя спутница проболѣла всю дорогу, я же отдѣлался непріятнымъ состояніемъ въ теченіе первыхъ двухъ дней. Никакихъ интересныхъ знакомствъ на пароходѣ завести не пришлось, и я все время жилъ ожиданіемъ пріѣзда въ Америку, которая представлялась мнѣ наиболѣе интересной изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною странъ. У меня былъ уже подробный путеводитель по Америкѣ, который я изучалъ всю дорогу.

На седьмой день пути мы, наконецъ, приблизились къ Нью-Іорку. Первое впечатлѣніе, видимо, для всѣхъ непріятное: это всегда грубая банда эмигрантскихъ и таможенныхъ чиновъ, смотрящихъ на каждаго пассажира какъ на преступника, или какъ зара-

женнаго какою-либо болѣзнью, или контрабандиста. Хотя въ этотъ разъ я и не былъ свидѣтелемъ особо грубаго обращенія съ пассажирами, такъ какъ у насъ сѣрыхъ палубныхъ эмигрантовъ было немного и больше изъ англичанъ и ирландцевъ, но все же чины эти оставили по себѣ непріятное впечатлѣніе.

Дѣвицу мою встрѣтили ея родственники, я же рѣшилъ попытаться устроиться въ квартирѣ, гдѣ жили русскіе интеллигенты, рекомендованные мнѣ добрѣйшимъ И. И. Янжуломъ. То была семья Евгеніи Эдуардовны и Александра Логгиновича Линевыхъ. Разыскалъ я ихъ гдѣ то на 50—60-хъ улицахъ верхней части города (Up-town) и страшно обрадовался, что въ квартирѣ, гдѣ они снимали комнаты, оказалась свободная комната, которую я немедленно и занялъ. Кромѣ Линевыхъ здѣсь же жили: сестра Линева Александра Логгиновна Погосская съ дочкой и скрипачъ Конюсъ. Всѣ эти лица настолько интересны и недюжинны среди русскихъ, что считаю необходимымъ дать ихъ краткія характеристики.

Евгенія Эдуардовна Паприцъ-Линева — одна изъ наиболѣе образованныхъ женщинъ вообще и одна изъ большихъ знатоковъ музыки и въ особенности народной пѣсни, фольклора. Она была близко знакома съ П. И. Чайковскимъ, быть можетъ черезъ него полюбила русскіе народные мотивы и русскую пѣсню, и въ тотъ періодъ ея дѣятельности увлекалась и занималась организаціей въ Америкѣ русскаго хора. Обладая недюжинной инициативой и энергіей и чисто мужскимъ складомъ ума, она блестяще осуществила эту мысль, и организованный ею русскій хоръ очаровывалъ американскую и русскую публику прекраснымъ исполненіемъ красивыхъ русскихъ оперныхъ и простыхъ пѣсенъ. Громадный трудъ ею положенъ былъ не только на подборъ голосовъ, на обученіе и устройство спѣвокъ (она была очень хорошимъ регентомъ), но и на составленіе нотъ для отдѣльныхъ голосовъ и т. п. Ея хоръ пѣлъ въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Чикаго, а потомъ сдѣлалъ большое турне по Америкѣ.

Сердечно преданный своей женѣ и высоко чтившій ея таланты ея мужъ Александръ Логгиновичъ (онъ умеръ въ Москвѣ въ 1918 г.) помогалъ ей въ организаціонной и хозяйственной части, забросивъ на время свою специальность. Онъ самъ былъ недюжиннымъ инженеромъ по электрическимъ желѣзнымъ дорогамъ и трамваямъ. Въ 70-хъ годахъ онъ былъ эмигрантомъ въ Швейцаріи, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ работалъ вмѣстѣ съ П. Л. Лавровымъ по печатанію журнала «Впередъ», причемъ вся техническая часть лежала на немъ.

Въ Англіи, а затѣмъ въ Америкѣ, онъ подробно изучилъ дѣло сооруженія и эксплуатаціи городскихъ желѣзныхъ дорогъ и имѣлъ нѣсколько патентовъ въ этой области. Когда въ 90-хъ годахъ онъ вернулся въ Россію, то вскорѣ его доклады на съѣздахъ электротехниковъ обратили на него общее вниманіе, и онъ былъ приглашенъ московскимъ городскимъ управленіемъ въ число инженеровъ по постройкѣ городского трамвая. Линеву принадлежитъ умѣлая разработка плана распредѣленія линій и движенія трамваевъ въ Москвѣ. Вплоть до войны онъ былъ на этомъ мѣстѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ сокращеніями штатовъ онъ лишился этого мѣста, пришлось самому быть за дворника; простудившись у себя на дачѣ во время рубки дровъ для своей потребности, онъ получилъ воспаленіе легкихъ и скончался.

Эта пара бездѣтныхъ супруговъ Линевыхъ являлась для своего времени рѣдкимъ явленіемъ: они были убѣжденные вегетаріанцы и толстовцы, не признавали прислуги и все по домашности дѣлали сами. Купили себѣ дачный участокъ съ домомъ въ Шереметевкѣ подъ Москвой, устроили его на свой ладъ и жили трудовой жизнью — она, давая уроки въ народной консерваторіи и пиша научныя работы по музыкѣ, онъ — служа въ управленіи городскихъ дорогъ. Одной изъ крупныхъ работъ Е. Э. Линевой была запись посредствомъ граммофона русскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя она потомъ переложила на ноты, снабдила текстомъ, и этнографическій отдѣлъ Академіи наукъ издалъ ихъ.

Кромѣ того, она писала и чисто литературныя произведенія. Одинъ изъ ея романовъ напечатанъ былъ, если не ошибаюсь, въ «Русскомъ Богатствѣ». Во время своего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ въ 1918 г. я видѣлся съ Евг. Эдуард. послѣдній разъ, послѣ недавней смерти ея мужа. Она продолжала работать по преподаванію хорового пѣнія рабочимъ. Что сталось съ нею потомъ, я долго не имѣлъ свѣдѣній, и только недавно узналъ, что она тоже скончалась вскорѣ послѣ смерти мужа.

Сестра Линева, Александра Логгинова Погосская — тоже была недюжиннымъ человѣкомъ. По своему росту и дородству это — настоящій гренадеръ. Когда я съ ней познакомился, ей было, вѣроятно, далеко за сорокъ, но она была полна энергіи и жизни. При ней была дочка подростокъ Аня, другая дочь и сынъ жили отдѣльно; всѣ они ранѣе жили во Флоридѣ и разводили апельсины и «сладкій картофель». Съ мужемъ она была въ разводѣ. Семья Погосскихъ была одной изъ самыхъ раннихъ семей русскихъ колонистовъ во Флоридѣ. Послѣ нея туда прибыла группа русскихъ

поселенцевъ съ Петромъ Ивановичемъ Поповымъ, о нихъ скажу ниже.

Въ Нью-Іоркѣ же А. Л. Погосская въ мое время занималась съ громаднымъ увлеченіемъ и любовью къ дѣлу пропагандой русскихъ кустарныхъ издѣлій среди американокъ. У нея были близкія сношенія съ земскими дѣятелями и непосредственно съ мастерицами Костромской и Вологодской и другихъ губерній, гдѣ процвѣтало производство кружевъ, вышитыхъ тканей, русскихъ куколъ и др. кустарныхъ издѣлій. Обладая рѣдкимъ организаторскимъ и административнымъ талантомъ А—а Л—вна очень умѣло вела свое дѣло, прекрасно и художественно рекламировала его въ американской прессѣ и среди американокъ. Когда же началась организація Всемірной выставки въ Чикаго и было намѣчено устройство кустарнаго павильона, то, конечно, она и была приглашена устраивать эту часть русской выставки, что и выполнила блестяще. Впослѣдствіи она перенесла свою дѣятельность по сбыту кустарныхъ издѣлій въ Англію, гдѣ и вела эти дѣла до двадцатыхъ годовъ. Въ 1924 г. я получилъ извѣстіе, черезъ ея сына въ Англіи, что она тамъ же и скончалась.

Я забѣжалъ довольно далеко впередъ, но это было необходимо для полной характеристики тѣхъ личностей, въ среду которыхъ я попалъ въ Нью-Іоркѣ, а потомъ подружился и отъ знакомства съ ними у меня остались самыя лучшія воспоминанія.

Четвертымъ нашимъ сожителемъ по квартирѣ и по общему столу (мы всѣ столовались у хозяйки, и платилъ я тогда всего 4 доллара въ недѣлю на всемъ готовомъ), — былъ скрипачъ Конюсъ. Тогда это былъ юноша, но уже крупный музыкантъ. Онъ сидѣлъ въ оркестрѣ Никиша рядомъ съ концертмейстеромъ Бродскимъ — первой скрипкой и солистомъ этого оркестра. Конюсъ впослѣдствіи сдѣлался преподавателемъ московской консерваторіи и композиторомъ.

Такимъ образомъ, я попалъ въ Нью-Іоркѣ въ среду, въ которой интересы сосредоточивались преимущественно на музыкѣ, и именно русской музыкѣ, которая въ связи съ недавнимъ посѣщеніемъ Америки Чайковскимъ (онъ былъ приглашенъ въ предшествовавшемъ сезонѣ 1891 г. на открытіе Carnegie Music Hall, и самъ дирижировалъ нѣсколько своихъ произведеній) — начала пріобрѣтать симпатіи у американцевъ. Черезъ Линевыхъ я вскорѣ познакомился съ Бродскими, мужемъ и женой, — этой необычайно милой парой.

Анна Львовна Бродская была типичная, небольшого роста, но прекрасно сложенная хохлушка; Бродскій же громадный толстякъ

составлялъ рѣзкій контрастъ со своей женой. Онъ былъ изъ тѣхъ русскихъ евреевъ съ Украины, которыхъ трудно отличить отъ малороссовъ. Оба они добрѣйшіе люди и представляли на рѣдкость дружную семейную пару.

Бродскій былъ не только въ буквальномъ, но и въ переносномъ смыслѣ первой скрипкой въ оркестрѣ Никиша. Съ нимъ, прежде всего, Никишъ консультировалъ при выборѣ русскихъ произведеній для программы концертовъ. Онъ нерѣдко выступалъ солистомъ, и мы наслаждались его особенно нѣжной игрой, всегда преисполненной глубокаго чувства. Казалось, онъ самъ переживалъ всѣ муки страсти, отчаянія, восторга и пр., которыя передавалъ его инструментъ.

Подружившись съ Анной Львовной, я слышалъ отъ нея впослѣдствіи, какъ дорого обходились ея бѣдному толстяку-мужу подобныя сольныя выступленія: онъ, оказывается, бывалъ форменно боленъ въ день концерта и еще день послѣ концерта. Такъ глубоко онъ перечувствовалъ то, что заключало музыкальное произведеніе, и что онъ старался передать скрипкой. При всей своей полнотѣ и наружной флегмѣ онъ, оказывается, былъ очень нервнымъ человѣкомъ.

Недавно читая письма П. И. Чайковскаго, я къ своему удовольствію встрѣтилъ фамилію Бродскаго, который, по словамъ Ч—аго, одинъ изъ первыхъ взялся и блестяще выполнилъ его, технически очень трудный концертъ для скрипки съ оркестромъ (это произведеніе, по словамъ Чайковскаго, сначала никто не брался играть). Чайковскій считалъ себя за эту услугу очень признательнымъ Бродскому и былъ очень высокаго мнѣнія о талантѣ этого, тогда еще только начинавшаго свою карьеру, скрипача.

Въ залѣ Карнеги еженедѣльно давались концерты симфоническаго оркестра Никиша, и первое мѣсто среди избиравшихся для программъ композиторовъ занималъ Чайковскій. Каждое воскресенье мы всей компаніей были неизмѣнными посѣтителями этихъ дивныхъ и незабвенныхъ концертовъ. Надо сказать, музыка — одна изъ моихъ слабостей. Въ молодости я учился играть на скрипкѣ; съ товарищемъ по гимназіи И. В. Михайловымъ мы не разъ изображали оркестръ сначала на гимназическихъ, а потомъ и на студенческихъ вечерахъ. Кромѣ того, я бренчалъ на гитарѣ и довольно хорошо игралъ на гармоніи. Впослѣдствіи все это забросилъ; но любовь къ музыкѣ, и къ хорошей музыкѣ, у меня была всегда и постепенно вкусъ къ ней развивался. И какъ это ни странно, только въ Нью-Іоркѣ я имѣлъ возможность, можно сказать, запоемъ упиваться Чайковскимъ. Въ такой дозѣ и въ та-

комъ исполненіи я никогда его не слышалъ. Для меня этотъ сезонъ въ Нью-Іоркѣ былъ однимъ изъ достопамятныхъ въ отношеніи многосторонняго знакомства съ русской концертной музыкой и русскими композиторами. Весьма много способствовала развитію моего музыкальнаго вкуса талантливая интерпретація всего, что мы слышали, знатокомъ музыки Е. Э. Линевой.

Послѣ симфоническихъ концертовъ наступилъ другой періодъ — знакомство съ русскими хоровыми пѣснями, которыя сталъ успѣшно выполнять созданный усиліями той же Линевой хоръ русскій въ Нью-Іоркѣ.

Чтобы закончить рѣчь о моихъ нью-іоркскихъ знакомыхъ изъ русской колоніи я долженъ сказать нѣсколько словъ о Петрѣ Ивановичѣ Поповѣ — тоже незаурядной личности. Какъ я уже упоминалъ, онъ былъ русскимъ колонистомъ Флориды, а заманилъ его съ партіей, состоявшей изъ М. А. Мокріевича, Пѣтухова съ женой и еще нѣскльких человѣкъ, — нѣкто Васильевъ, давшій о Флоридѣ неправильныя свѣдѣнія. Во Флоридѣ же подвизался извѣстный по письмамъ изъ Америки въ «Вѣстникѣ Европы» Тверской-Дементьевъ. Онъ строилъ тамъ желѣзную дорогу и онъ то и далъ станціямъ русскія имена: Москва, Одесса, С.-Петербургъ и др. Изъ нихъ St. Petersburg сдѣлался городкомъ, сначала небольшимъ, а теперь бойкимъ и фешенебельнымъ городомъ.

Отъ лихорадки и другихъ напастей П. И. Поповъ съ семьей бѣжалъ изъ Флориды и поступилъ на службу въ русское генеральное консульство въ Нью-Іоркѣ и одновременно работалъ въ Обществѣ страхованія жизни «Эквитэбль», въ каковыхъ учрежденіяхъ онъ проработалъ 15 лѣтъ. Когда я познакомился съ нимъ черезъ Линевыхъ, онъ былъ секретаремъ консульства, имѣлъ въ Бруклинѣ свой небольшой домикъ, который мы нерѣдко посѣщали и пользовались гостепріимствомъ его супруги, добрѣйшей хлѣбосолки Матильды Андреевны (померла въ 1919 г.), — большой мастерицы по кулинарной части. Высшій балъ по этому предмету поставилъ ей на экзаменѣ проф. И. И. Янжулъ — большой гастрономъ и самъ хлѣбосолъ, — назвавъ ея булки «Matilda-Kuchen». Янжулъ присоединился къ нашей компаніи въ Нью-Іоркѣ нѣсколько позже. О немъ я буду говорить особо.

Возвращаюсь къ П. И. Попову, добавлю, что онъ родомъ донской казакъ; въ 1869 г. поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ прошелъ два курса, а затѣмъ былъ привлеченъ по Нечаевскому дѣлу, сидѣлъ въ Петропавловкѣ; на судѣ оправданъ, но полиція преслѣдовала его и принудила эмигрировать въ Америку (въ 1872 г.). Здѣсь онъ закончилъ медицинское образованіе въ

Колумбійскомъ университетѣ г. Нью-Іорка, служилъ врачемъ въ городскомъ госпиталѣ, а затѣмъ отправился во Флориду, гдѣ тоже занимался медицинской практикой въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ чего, какъ сказано, вернулся въ Нью-Іоркъ. Послѣ пятнадцатилѣтней службы въ консулствѣ и въ «Эквитэблѣ» онъ былъ въ 1895 г. командированъ отъ названнаго общества въ Петербургъ въ качествѣ повѣреннаго, затѣмъ былъ назначенъ директоромъ и главноуполномоченнымъ того же О-ва, каковымъ прослужилъ въ Россіи въ теченіе 9 лѣтъ; впослѣдствіи переѣхалъ въ Парижъ и, наконецъ, въ 1914 г., передъ войной, вернулся въ Америку, гдѣ онъ живетъ и по сіе время съ замужней дочерью Ольгой Петровной Миллеръ и внучатами, — въ городкѣ Флёшингъ, близъ Нью-Іорка.

П. И. Поповъ много писалъ въ русскихъ и американскихъ газетахъ: его корреспонденціи въ «Новомъ Времени» за подписью «Казакъ» помѣщались въ теченіе 20 лѣтъ, кромѣ того его статьи помѣщались въ «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ» и «Наблюдателѣ». Впослѣдствіи они были собраны и изданы въ формѣ книги подъ заглавіемъ «Въ Америкѣ». Изъ американскихъ газетъ и журналовъ его статьи печатались въ «Sun», «Herald», «Independent». Письма въ редакцію и замѣтки по текущимъ злободневнымъ вопросамъ за подписью «Peter Popoff» можно встрѣтить въ «New York Times» и за послѣднее время. Но главный интересъ его за послѣдніе годы сосредоточился на вопросахъ о религіи и нравственности, которымъ посвящена изданная имъ въ 1924 г. книга «Боги и мораль».

Въ высшей степени скромный и очень доброй души человѣкъ — Петръ Ивановичъ пользуется среди своихъ знакомыхъ всеобщей заслуженной симпатіей. Несмотря на преклонный возрастъ — ему уже 80 лѣтъ — П. И. Поповъ сохранилъ полное зрѣніе, слухъ, ясность мысли и бодрость духа.

Возвращаясь къ разсказу о своихъ дѣлахъ въ Америкѣ, прошу читателя не думать, что вмѣсто исполненія своего порученія я занимался все время музыкой и новыми знакомствами. Этому я отдавалъ свои досужные вечера, а все остальное рабочее время я посвящалъ своему прямому дѣлу, ради котораго вскорѣ покинулъ Нью-Іоркъ и поселился въ Вашингтонѣ — центрѣ федеральнаго правительства и въ частности федеральной комиссіи по дѣламъ рыболовства. Впослѣдствіи это учрежденіе переименовано въ «Бюро рыболовства» и причислено къ министерству торговли, въ вѣдѣніи какового находится и по настоящее время. Эта комиссія по дѣламъ рыболовства — учрежденіе весьма оригинальное по своему происхожденію, задачамъ и исполненной работѣ и заслуживаетъ общаго вниманія.

Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ начали раздаваться жалобы рыбопромышленниковъ и спортсменовъ на рыбное оскудѣніе. Народные представители въ лицѣ конгресса постановили (законъ 7 февраля 1871 года): образовать комиссію по дѣламъ рыболовства (во главѣ ея сталъ профессоръ Спенсеръ Бэрдъ) и поручить ей: произвести подробное изученіе положенія рыбнаго промысла — статистическое и техническое — и представить Конгрессу, на основаніи изученія, соображенія, какія мѣры необходимо принять, чтобы пріостановить дальнѣйшее обѣдненіе водъ рыбою и увеличить ея запасы.

Въ результатѣ этого закона въ теченіи ряда лѣтъ шла усиленная работа по изученію американскаго рыбнаго промысла и подъ общей редакціей пом. директора Національнаго музея Браунъ Гуда напечатано 5 томовъ объ американскомъ рыбномъ промыслѣ съ громаднымъ количествомъ иллюстрацій — въ 2 томахъ. Это — капитальная работа объ американскомъ рыболовствѣ [1]). Въ ней оскудѣніе констатировано. Въ качествѣ главнаго средства борьбы съ оскудѣніемъ комиссія предложила широкую постановку искусственнаго разведенія рыбы за счетъ правительства и заселеніе ею обѣднѣвшихъ водъ. Съ тѣхъ поръ Конгрессъ ежегодно сталъ отпускать необходимыя средства на правительственное рыбоводство и благодаря этимъ средствамъ и широкому взгляду на дѣло работниковъ рыболовной комиссіи, послѣдняя стяжала себѣ всемірную славу выработкой новыхъ методовъ веденія дѣла en gros и достиженіемъ неслыханныхъ дотолѣ результатовъ.

Въ этой области, дѣйствительно, было чему поучиться у американцевъ, и я съ юношескимъ пыломъ принялся за изученіе всѣхъ сторонъ этого дѣла. Сначала это изученіе шло по печатнымъ работамъ и документамъ рыболовной комиссіи, потомъ на основаніи осмотра на мѣстахъ. Совмѣстно съ работниками комиссіи былъ составленъ планъ моего объѣзда достопримѣчательныхъ въ отношеніи рыбоводства, рыбнаго промысла и приготовленія рыбныхъ продуктовъ мѣстъ. Онъ обнималъ весь востокъ и центръ Соединенныхъ Штатовъ и Канады. На западъ (Тихій океанъ) у меня не хватило времени, такъ какъ открывалась Всемірная выставка въ Чикаго, русскій рыболовный отдѣлъ которой приходилось устраивать мнѣ и быть представителемъ русскаго правительства въ экспертной коммиссіи по отдѣлу рыболовства.

---

[1]) The Fisheries and Fishery Industries of the United States. Text Vol. I—V; Plates vol. I—II by G. Brown Goode. Washington. 1884.

Не считая возможнымъ останавливаться здѣсь на подробностяхъ моего изученія рыбнаго дѣла и отсылая интересующихся къ моему отчету по заграничной командировкѣ, изданному Деп. Земл. въ 1898—1900 г. г., въ 3 выпускахъ съ большимъ количествомъ иллюстрацій, — упомяну здѣсь лишь, гдѣ мнѣ пришлось побывать въ это мое первое посѣщеніе Америки, — а въ ней я былъ 4 раза и послѣдній четвертый разъ здѣсь застрялъ и пишу эти воспоминанія въ Америкѣ. Буду называть лишь крупные пункты: Вашингтонъ — центральная рыбоводная станція и пруды; Балтимора — устричный промыселъ и устричные консервные заводы, Нью-Іоркъ — рыбный рынокъ и холодильники для храненія рыбы, Бостонъ — рыбный рынокъ и холодильники, Глочестеръ — морское рыболовство, сушеніе трески, приготовленіе жидкаго рыбьяго клея; Вудсъ Холъ — морская біологическая станція и разведеніе морскихъ рыбъ; Истъ-Портъ — производство американскихъ сардинъ; Галифаксъ (Канада) — консервы изъ омаровъ и разведеніе омаровъ; устья р. Св. Лаврентія — садки для лососей производителей; Оттава — ознакомленіе съ постановкой управленія дѣлами рыболовства въ Канадѣ и съ дѣятельностью канадскаго министерства морскихъ дѣлъ и рыболовства по разведенію рыбъ; Сандёски, на оз. Эри, Соед. Шт. — искусственное замораживаніе рыбы и ознакомленіе съ рыбными ловлями въ Великихъ озерахъ; Детройтъ — рыбоводный заводъ для разведенія сиговъ и судака; Нортвиль, шт. Мичиганъ, и Фитчбургъ, шт. Мэдисонъ — заводъ и пруды для разведенія форелей. Рядъ форелевыхъ заводовъ мною, кромѣ того, осмотрѣнъ въ штатѣ Нью-Іоркъ.

Для подведенія общихъ итоговъ по рыбному промыслу и рыбоводству въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ открывшаяся лѣтомъ 1893 г. выставка въ Чикаго съ ея богатымъ отдѣломъ американскаго рыболовства представила незамѣнимый матеріалъ и очень облегчила мою задачу. Въ качествѣ эксперта я долженъ былъ подробно изучить этотъ отдѣлъ, и это изученіе отчасти вошло въ мой общій отчетъ по заграничной командировкѣ, но въ большей степени составило предметъ спеціальнаго отчета, опубликованнаго въ «Вѣстникѣ Рыбопромышленности» за 1894 г. и впослѣдствіи вышедшаго отдѣльной брошюрой.

Во время Чикагской выставки въ Америку прибыло, въ связи съ выставкой и рядомъ конгрессовъ во время нея, довольно много русскихъ: проф. И. И. Янжулъ по мин. фин. съ женой Екатериной Николаевной, Е. П. Ковалевскій по мин. нар. просв., М. Я. Ростовцевъ по мин. земл. Кромѣ того по устройству русскаго отдѣла въ отношеніи художественно-строительномъ работалъ жившій въ Аме-

рикѣ русскій скульпторъ Федоръ Федоровичъ Каменскій. Прибыли въ Чикаго съ русскимъ хоромъ и Линевы, все время была А. Л. Погосская, такъ что въ Чикаго въ это время собралась довольно большая временная русская колонія. Всѣмъ намъ приходилось усиленно работать — сначала по устройству русскихъ отдѣловъ, а затѣмъ по изученію другихъ отдѣловъ выставки; мы встрѣчались на выставкѣ чуть не каждый день.

Изъ перечисленныхъ лицъ считаю необходимымъ сказать теперь же нѣсколько словъ о скульпторѣ Ф. Ф. Каменскомъ. Это былъ художникъ съ крупнымъ и яркимъ талантомъ, но очень скоро погасшимъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ житейскихъ обстоятельствъ. Ему принадлежитъ группа «Первый шагъ» и «Молодой художникъ», находящіяся въ Петроградѣ въ музеѣ Александра III.

Каменскій прибылъ въ Америку въ началѣ 70-хъ годовъ, а названныя скульптурныя группы были уже выполнены. Сначала онъ жилъ въ Канзасѣ, занимаясь фермерскимъ хозяйствомъ, потомъ во Флоридѣ, гдѣ содержалъ пансіонъ и пробовалъ разводить апельсины. П. И. Поповъ, знавшій его близко въ этотъ періодъ, сообщаетъ, что онъ и тамъ пытался заняться скульптурой, причемъ тогдашнее его увлеченіе земледѣліемъ выразилось на задуманной группѣ «Пахарь съ плугомъ». Своего пахаря онъ поставилъ на пьедесталъ, а внизу — короны, кресты, оружіе всякаго рода — все это принадлежности прошлаго. Эта группа была исполнена лишь въ модели. Какъ эта, такъ и другія его попытки скульптуры этого періода были, видимо, неудачны.

Каменскій померъ во Флоридѣ же въ 1914 г. Въ мое короткое знакомство съ нимъ на выставкѣ я вынесъ впечатлѣніе, что житейскія невзгоды и забота о хлѣбѣ насущномъ одолѣли художника, и отъ него уже не осталось ничего выдающагося. Его творчество все цѣликомъ было въ короткомъ прошломъ.

Но довольно о русскихъ въ Америкѣ, перейдемъ къ характеристикѣ американцевъ, какъ они представляются мнѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о первомъ моемъ посѣщеніи Америки.

Что мнѣ сразу и опредѣленно понравилось въ американской жизни — это единообразіе быта и демократическая его простота. Это особенно чувствовалось послѣ Европы, гдѣ въ теченіи одного дня путешествія можно испытать прелести трехъ таможенныхъ досмотровъ, и трижды мѣнять языкъ и гдѣ царитъ громадное разнообразіе быта и порядковъ обыденной жизни.

Это однообразіе установившихся американскихъ порядковъ, на-

блюдаемое по всей громадной странѣ, замѣчательно облегчаетъ для иностранцевъ текущую жизнь. Познакомившись съ нимъ въ одномъ изъ городовъ, вы можете быть увѣрены, что порядки въ другихъ городахъ — въ существенномъ одинаковы, и васъ не ждутъ сюрпризы и непріятности. Несмотря на громадное разнообразіе племенного и религіознаго состава американскаго населенія, англо-саксонская культура господствуетъ въ странѣ, и она обусловливаетъ указанное однообразіе.

Нравилась мнѣ и грубоватая простота американцевъ и ихъ открытый характеръ. Я ни разу не испытывалъ за это первое посѣщеніе Америки того непріятнаго чувства, что, при всей внѣшней любезности, отъ васъ хотятъ отдѣлаться; не испытывалъ и затрудненій въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе осмотра фабрики или завода, или въ полученіи необходимыхъ свѣдѣній: если есть свободное время, американецъ идетъ съ вами на осмотръ и охотно даетъ объясненія; если онъ занятъ, — посылаетъ довѣренное лицо; некогда ему и нѣтъ довѣреннаго лица, онъ прямо говоритъ объ этомъ и назначаетъ другой день и часъ, и вы можете быть увѣрены, что получите обѣщанное.

Посѣщая въ Америкѣ разные заводы и фабрики по рыбной части, я не разъ встрѣчалъ въ качествѣ отвѣтственныхъ лицъ замѣчательно молодыхъ людей — 20—25 лѣтъ и былъ свидѣтелемъ, какъ такой парень буквально горѣлъ въ кипучей дѣятельности заведенія, которымъ онъ управляетъ: онъ одновременно отдавалъ приказанія, слушалъ сообщеніе по телефону, записывалъ на блокнотѣ, что нужно и т. д.

Кромѣ промышленныхъ сферъ мнѣ приходилось по своимъ дѣламъ сталкиваться съ лицами, имѣющими отношеніе къ наукѣ, преимущественно прикладного характера, и отъ всѣхъ этихъ сношеній у меня остались самыя хорошія воспоминанія. Съ отдѣльными лицами этой послѣдней категоріи я поддерживалъ знакомство и переписку въ теченіи болѣе 30 лѣтъ. Но и помимо моихъ, такъ сказать, спеціальныхъ знакомствъ въ мое первое посѣщеніе Америки у меня было нѣсколько интересныхъ встрѣчъ на почвѣ простого знакомства.

Не помню, при какихъ обстоятельствахъ въ Бостонѣ я познакомился съ проф. Э. С. Морзомъ, — зоологомъ и спеціалистомъ по японскому искусству. Онъ одно время преподавалъ зоологію въ Токійскомъ университетѣ, тамъ пріобрѣлъ любовь и знаніе японской жизни и искусства, вывезъ оттуда большія коллекціи японскихъ художественныхъ вазъ, переданныхъ въ Бостонскій музей

изящныхъ искусствъ, гдѣ онъ былъ хранителемъ отдѣла японской керамики до самой смерти (1925) [1]).

Это былъ на рѣдкость многосторонній человѣкъ, съ широкимъ европейскимъ образованіемъ и принадлежалъ онъ къ высшимъ слоямъ культурнаго бостонскаго общества. Будучи хорошимъ зоологомъ, онъ одновременно былъ общепризнаннымъ экспертомъ по японскому керамическому искусству. Онъ отличался крайне живымъ характеромъ, былъ жаденъ до всякаго новаго знанія и являлся очень интереснымъ собесѣдникомъ.

Однажды онъ пригласилъ меня посѣтить его. А жилъ онъ въ собственномъ уютномъ домикѣ, въ г. Салемѣ, недалеко отъ Бостона. Его домъ представлялъ собою настоящій музей съ библіотекой при немъ. Хозяинъ познакомилъ меня со своими коллекціями и работами, это заняло полдня; онъ настоялъ на томъ, чтобы я переночевалъ у него, и на другой день у него собралась цѣлая компанія американцевъ, которыя, узнавъ отъ хозяина, что я русскій, засыпали меня вопросами о Толстомъ, желая слышать мнѣніе русскаго о знаменитомъ соотечественникѣ. Л. Н. Толстой владѣлъ въ то время безраздѣльно умами американцевъ: его переводили, цитировали въ журналахъ, онъ былъ моднымъ предметомъ разговоровъ въ салонахъ и литературныхъ обществахъ.

Изъ самой постановки вопросовъ, обращенныхъ ко мнѣ, было видно, что всѣ онѣ больше заинтригованы и заинтересованы толстовской философіей и его трактовкой христіанства, чѣмъ его беллетристическими произведеніями. Не встрѣтивъ съ моей стороны особо восторженнаго отзыва о Л. Н. Толстомъ, какъ философѣ, американки были сильно разочарованы.

Увлекались американки и русской музыкой, которая благодаря симфоническимъ концертамъ Никиша, съ неизмѣннымъ Чайковскимъ въ ихъ программахъ — стала дѣлаться популярной въ Америкѣ. Кромѣ этихъ концертовъ русская музыка была тогда представлена въ Америкѣ русско-польскимъ піанистомъ Падеревскимъ, отъ игры котораго и наружности экспансивныя американки были безъ ума.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что, говоря о русскомъ искусствѣ и литературѣ, я больше упоминаю объ отношеніи къ нимъ американокъ, а не американцевъ. Это тоже характерная для Америки черта, которая обратила на себя мое вниманіе въ это пер-

[1]) Коллекціи Морза занимаютъ въ этомъ музеѣ особую комнату, гдѣ находится и составленный имъ каталогъ коллекціи съ иллюстраціями Морза и фототипіями.

вое посѣщеніе данной страны: американки въ общемъ болѣе интересуются литературой, искусствомъ и музыкой, чѣмъ ихъ мужья и сыновья, слишкомъ занятые своимъ «бизинесомъ» и смотрящіе на эти стороны человѣческой дѣятельности нѣсколько свысока. Я говорю въ данномъ случаѣ о большинствѣ американцевъ, а не объ ихъ избранномъ слоѣ изъ лицъ, прикосновенныхъ къ наукѣ и литературѣ.

Другимъ моимъ интереснымъ знакомствомъ въ Америкѣ была встрѣча съ Чарльзомъ Крэномъ. Онъ принадлежалъ къ семьѣ чикагскихъ богачей-заводчиковъ, изготовляющихъ на всю страну принадлежности машинъ и водопроводовъ. Ч. Крэнъ совершенно отошелъ отъ промышленныхъ дѣлъ и занимался больше путешествіями: онъ много разъ и подолгу бывалъ въ Россіи, въ частности въ Туркестанѣ и вывезъ оттуда богатѣйшія коллекціи русскихъ и туркестанскихъ издѣлій, среди которыхъ преобладали иконы, кустарныя издѣлія изъ дерева, самовары и ковры. Но что для насъ русскихъ особенно цѣнно, онъ вывезъ изъ Россіи особенную любовь ко всему русскому и русскимъ. Эту любовь онъ засвидѣтельствовалъ не только матеріальной поддержкой многихъ русскихъ, обращавшихся къ нему за помощью въ тяжелыхъ условіяхъ, но и болѣе солидной и памятной поддержкой русскихъ начинаній и организацій. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ проявленій его любви къ русскому — надо признать его участіе въ украшеніи русскаго кафедральнаго собора Св. Николая въ Нью-Іоркѣ, и въ организаціи и содержаніи на свой счетъ замѣчательнаго по силамъ и голосамъ кафедральнаго хора пѣвчихъ при немъ. Несмотря на свое громадное богатство и высокое положеніе (онъ былъ одно время американскимъ посломъ въ Китаѣ), Ч. Крэнъ въ личныхъ сношеніяхъ очень простой, милый и скромный человѣкъ: онъ никогда не кичится своими крупными вкладами на помощь русскому дѣлу.

Перебирая въ памяти, что было непріятнаго для меня въ мое первое, продолжавшееся девять мѣсяцевъ, пребываніе въ Америкѣ, я могу отмѣтить слѣдующія отрицательныя стороны американцевъ: отвратительная привычка у многихъ постоянно жевать табакъ и плевать жвачку, жевать резину со сластями (shewing-gum)). Табакъ жуютъ только мужчины и по перимуществу рабочіе и ремесленники, но вамъ приходится быть часто вмѣстѣ съ ними, особенно по желѣзной дорогѣ, въ трамваяхъ и пр. и отъ непріятнаго зрѣлища избавиться довольно трудно. Гёмъ же жуютъ и мужчины и женщины, и дѣти. Эта категорія жвачныхъ по крайней мѣрѣ не плюется, но закончивъ жвачку все же выплевываютъ липкую резину на полъ, на тротуаръ и т. п., и не разъ вы найдете ее на подошвахъ

вашихъ ботинокъ. Противно и досадно бываетъ смотрѣть на красивую американскую дѣвушку, которая, жуя свою жвачку, разѣваетъ во всю ширину ротъ и непрестанно двигаетъ челюстями... Жеваніе табака и резины, какъ и куреніе сигары или трубки не прекращается и при разговорѣ съ вами, что уже бываетъ трудно переварить собесѣднику, а они между собою привыкли и ихъ это нисколько не шокируетъ.

Другая отрицательная черта американскаго быта — это ихъ газетные репортеры. Не говоря уже о ихъ неслыханномъ нахальствѣ и пройдошествѣ, вошедшихъ въ поговорку, сни зачастую являются агентами полицейскаго сыска (детективъ), а въ своихъ хроникерскихъ сообщеніяхъ они такъ врутъ и лгутъ, что уму не постижимо. Къ сожалѣнію у меня не осталось вырѣзокъ изъ американскихъ провинціальныхъ газетъ того времени о встрѣчѣ со мной; это были въ своемъ родѣ перлы: репортеръ писалъ, напримѣръ, «былъ счастливъ встрѣтить царскаго делегата, изучающаго наше рыбоводство... Свиду этотъ человѣкъ изъ варварской страны выглядитъ цивилизованнымъ, хотя выдающіяся скулы говорятъ о его азіатскомъ происхожденіи» и т. д. въ этомъ же родѣ.

Единственное средство избавиться отъ американскаго репортера и обезпечить правильность сообщенія — это приготовить написанное вами самими statement, которое репортеръ и помѣщаетъ въ газетѣ.

Въ заключеніе своихъ воспоминаній о первомъ посѣщеніи Америки не могу не упомянуть объ одномъ комическомъ случаѣ со мной, имѣвшемъ мѣсто въ Чикаго во время всемірной выставки.

Ѣхалъ я какъ то на трамваѣ на выставку въ обычной давкѣ; на площадкѣ мы стояли другъ къ другу вплотную. Вдругъ чувствую, что въ мой карманъ лезетъ чужая рука; я за руку хвать, но не удержалъ, и парень вмѣстѣ съ моимъ портмонэ быстро на ходу соскочилъ съ трамвая; я за нимъ. И тутъ въ ажитаціи, забывъ, гдѣ я, по русски кричу: «держи вора!..» Американцы, конечно, тараіцатъ глаза... А воръ очень ловкій оказался: Не успѣлъ я добѣжать до него, какъ онъ вновь вскочилъ на быстромъ ходу въ другой трамвай, и я болѣе ничего не могъ подѣлать. Въ портмонэ было всего десять долларовъ, но обидно было, что мальчишка сумѣлъ такъ нагло вытащить у меня изъ кармана кошелекъ и ускользнулъ отъ меня...

Срокъ моей командировки давно уже кончился, и я оставался въ Америкѣ лишь по дѣламъ выставки. Какъ только экспертная комиссія закончила присужденіе наградъ, такъ я сталъ собираться

въ обратный путь. И возвращался я въ Россію съ громаднымъ грузомъ, состоявшимъ исключительно изъ книгъ по моей спеціальности. Американскія учрежденія очень либерально даютъ спеціалистамъ цѣлые комплекты своихъ изданій за рядъ лѣтъ. Эти изданія очень цѣнны для спеціалиста, и трудно было отказаться отъ такого богатства для человѣка, живущаго умственнымъ трудомъ. Но тяжесть его и возможныя таможенныя придирки пугали. Все же рѣшился везти этотъ грузъ, и онъ составилъ основу моей большой спеціальной по рыболовству и рыбоводству библіотеки, сожженной на отопленіе въ знаменитую зиму 1919—1920 г. въ Петроградѣ подъ большевиками.

Странное чувство у меня было, когда я уѣзжалъ изъ Америки: мнѣ почему то казалось, что я опять вернусь въ эту страну... И это предчувствіе оправдалось: я послѣ того посѣтилъ Америку три раза, такъ что сдѣлалъ ей четыре визита, и послѣдній, благодаря событіямъ въ Россіи, задержалъ меня уже цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, а быть можетъ здѣсь и придется закончить свое земное странствіе...

ГЛАВА V.

РАБОТА НА УРАЛѢ, ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ СЪ 1893 ПО 1899 Г.

Примѣненіе пріобрѣтенныхъ заграницей знаній на практикѣ: техническое завѣдываніе уральскимъ рыбнымъ промысломъ и мѣры къ его развитію. — Несоотвѣтствіе между масштабомъ мѣръ и мѣстными средствами. — Неизбѣжное обращеніе къ центру: поѣздки въ Москву и Петербургъ. — Встрѣчи съ Янжулами: «Янжуловскія воскресенья» и ихъ посѣтители. — Общественная и литературная работа на Уралѣ: созданіе безплатной библіотеки-читальни; основаніе газеты «Уралецъ», ея характеристика и судьба. — Участіе въ работѣ «Съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ»; характеристика этого учрежденія и его роль въ мѣстной жизни. — Французскій путешественникъ Де-Кювервиль на Уралѣ. — Встрѣча съ В. Г. Короленко и поѣздка съ нимъ въ Круглоозерную станицу. — Дорогой по воспоминаніямъ подарокъ.

Послѣ заграницы, въ особенности послѣ Америки съ ея шумной и стремительной жизнью, попасть въ глушь провинціи — перемѣна слишкомъ рѣзкая, и она не могла не дѣйствовать на меня первое время угнетающимъ образомъ.

Но — долгъ прежде всего: надо попытаться примѣнить пріобрѣтенныя знанія къ мѣстному рыболовству. Предполагалось, что къ моему возвращенію будетъ открыта особая должность «войскового техника рыболовства», въ обязанности котораго должно было входить: изученіе мѣстнаго рыболовства въ біологическомъ и экономическомъ отношеніяхъ и проведеніе мѣръ къ улучшенію его постановки. На этой должности, согласно условій моей заграничной командировки, я долженъ былъ проработать два года за годъ ко-

мандировки, т. е. за два съ половиной года моего пребыванія заграницей — прослужить пять лѣтъ.

Какъ выяснилось по прибытіи на мѣсто, вопросъ о должности не былъ еще проведенъ въ инстанціяхъ, такъ что около полугода я занимался приведеніемъ въ годный для печати видъ громаднаго матеріала, собраннаго мною заграницей. Весьма естественно я очень интересовался вопросомъ о его изданіи, и тутъ прежде всего съ очевидностью выступило несоотвѣтствіе масштаба, въ которомъ велось мое изученіе рыбоводства и рыболовства во всемъ мірѣ, съ частными и частичными нуждами, средствами, и возможностями глухой провиціи. Конечно, издать мой отчетъ по заграничной командировкѣ въ Уральскѣ не было ни технической, ни финансовой возможности, и я вынужденъ былъ перенести надежды въ этомъ отношеніи на центральное вѣдомство по дѣламъ рыболовства — Департаментъ Земледѣлія, который впослѣдствіи и издалъ мой отчетъ по заграничной командировкѣ [1]).

Въ 1895 году мнѣ довелось по дѣламъ уральскаго рыболовства побывать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ я заглянулъ къ Янжуламъ, съ которыми я со времени чикагской выставки очень сошелся. Но узналъ я, что изъ себя представляютъ «янжуловскія воскресенья», только въ Москвѣ. Впослѣдствіи, когда Янжулъ былъ избранъ въ академики и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, эти гостепріимныя московскія воскресенья онъ перенесъ въ чопорный Петербургъ. Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о супругахъ Янжулахъ.

По пословицѣ: контрасты сходятся... Врядъ ли можно было бы найти пару съ такими крайними различіями характера и темперамента, какъ шумливый, властный и ворчливый Иванъ Ивановичъ, и спокойная, тихая и тактичная Екатерина Николаевна. Но оба они несомнѣнно добрѣйшей души люди и что еще, видимо, у нихъ было общее, — это любовь и привычка къ умственнымъ занятіямъ. Оба они незаурядные литературные работники: онъ — въ области финансовыхъ, экономическихъ и общественныхъ вопросовъ, она — въ области вопросовъ образованія, преимущественно его первыхъ ступеней — дѣтскіе сады и первоначальная школа.

Не имѣя дѣтей, они оба всѣ свои интересы сосредоточивали на умственной работѣ и представляли собой типъ передовой московской профессорской семьи. Они оба придерживались педантично хорошаго заграничнаго правила — шесть дней недѣли проводить

---

[1]) Рыбоводство и Рыбный промыселъ въ Зап. Европѣ и Сѣв. Америкѣ. Ч. I, II. СПБ. 1898, 1900.

за работой, и въ эти дни, кромѣ часа, отводимаго на завтракъ и обѣдъ, они были совершенно не доступны, и ихъ друзья отлично знали эту ихъ черту и уважали ее. Но на постороннихъ, нарушавшихъ это правило рабочаго интеллигента, Иванъ Ивановичъ, бывало, не разъ жаловался: «И какъ они не могутъ понять, что мѣшаютъ работать, врываясь въ неположенное время!»

Но за то въ воскресенье Иванъ Ивановичъ превращался въ рѣдкаго хлѣбосола-хозяина московскаго типа. Двѣ черты этихъ своеобразныхъ янжуловскихъ воскресенiй и ихъ гостепрiимства особенно поразили меня и являлись характерными: это, во первыхъ, обычай Ивана Ивановича знакомить вновь появляющихся у него лицъ посредствомъ его громогласнаго для всѣхъ присутствующихъ объявленiя, кто онъ такой, причемъ хозяинъ тутъ же въ нѣсколькихъ словахъ пояснялъ всегда замѣчательно корректно и точно, что изъ себя представляетъ данное лицо... И это дѣлалось безразлично, будь то какой либо молодой человѣкъ, или извѣстный профессоръ или писатель. Затѣмъ гость предоставлялся самому себѣ, и какъ то сразу начиналъ себя чувствовать, какъ будто онъ пришелъ въ свой клубъ, — и это была другая характерная черта янжуловскаго дома. На столахъ и полкахъ въ обоихъ кабинетахъ (у нихъ обоихъ были свои отдѣльныя библiотеки и комнаты для занятiй) — масса новыхъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ, только что вышедшихъ изъ печати книгъ... И кто интересовался больше ими, садился въ уютный уголокъ и читалъ. Никому до него не было дѣла. Если же онъ былъ расположенъ послушать новости изъ профессорскаго и литературнаго мiра, онъ присоединялся къ группамъ собесѣдниковъ. Удивительно какъ то чувствовалось у нихъ просто, уютно и удобно для посѣтителя любого характера.

Но за то за столомъ, — когда идетъ чаепитiе или ужинъ (обычно вечеръ начинался чаепитiемъ и часто заканчивался ужиномъ), — отъ Ивана Ивановича уже трудно бывало отдѣлаться отказомъ питiя и ѣды. Тутъ онъ бывалъ властенъ и неумолимъ. Зорко слѣдитъ, бывало, чтобы каждому былъ поданъ чай, варенье и пирогъ... Непремѣнно пирогъ. Янжуловское гостепрiимство вошло въ московскую поговорку и перешло вмѣстѣ съ ними въ Петербургъ.

Въ Москвѣ на ихъ воскресеньяхъ я встрѣчалъ И. И. Иванюкова, И. Х. Озерова, Д-ра Погожева, проф. Л. З. Мороховца, Н. А. Каблукова (статистика), проф. Стороженко. Въ Петербургѣ въ первый перiодъ, когда Янжулы жили на Мойкѣ, — ихъ посѣщали П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскiй (эти были у нихъ рѣдкими случайными гостями), А. А. и М. В. Небольсины, С. А. и Е. С. Щепотьевы, Е. П. Ковалевскiй съ женой, Врасскiй, Марголинъ.

Въ этотъ періодъ у нихъ жила ихъ племянница — дочь генерала Янжула, бывшаго военнаго агента въ Японіи. Эта барышня обладала хорошимъ голосомъ и нерѣдко пѣла по воскресеньямъ. На тѣхъ же воскресеньяхъ мы не разъ слышали пѣніе М. В. Небольсиной.

Изъ лицъ, съ которыми я познакомился у Янжуловъ еще въ Москвѣ, мнѣ всего болѣе понравились Иванюковъ и Мороховецъ. Мороховецъ меня поразилъ живостью своего характера и разнообразіемъ своихъ талантовъ, о которыхъ Янжулъ не преминулъ вслухъ сообщить по принятому у него обычаю: Мороховецъ былъ хорошимъ физіологомъ, столяромъ и механикомъ. Онъ самъ вырабатывалъ чертежи не только для физіологическихъ приборовъ, но и мебели, необходимой для лабораторіи и канцеляріи.

Въ связи съ этимъ, я вспоминаю, съ какимъ увлеченіемъ онъ, показывая свою лабораторію, между прочимъ демонстрировалъ свой письменный столъ, исполненный по его чертежу. Онъ такъ заинтриговалъ меня описаніемъ и демонстрированіемъ всѣхъ его удобствъ, что я тутъ же попросилъ дать мнѣ его чертежъ и рѣшилъ заказать и себѣ въ провинціи такой же столъ. И я дѣйствительно такой столъ заказалъ, сдѣлалъ мнѣ его столяръ въ г. Уральскѣ, на немъ я проработалъ всю мою послѣдующую жизнь въ Уральскѣ и Петербургѣ, куда я его перевезъ при переходѣ на службу въ столицу. Погибъ же этотъ столъ при большевикахъ въ печи, согрѣвая окоченѣлыя тѣла жившихъ безъ меня въ покинутой квартирѣ лицъ, которыя сожгли для той же надобности и другую мебель и часть спеціальной библіотеки...

А столъ былъ замѣчательный своей помѣстительностью и внѣшней красотой при всей его простотѣ и дешевизнѣ: въ немъ было два обширныхъ помѣщенія въ нижней части, три большихъ ящика въ средней части и три отдѣленія надъ столомъ, вродѣ шкафа съ двумя-тремя дюжинами малыхъ ящичковъ и каморокъ. Были въ немъ и спеціальныя потайныя доски, съ выемкой подъ ними для помѣщенія нелегальныхъ листковъ — это послѣднее дополненіе я прибавилъ самъ, по тогдашнимъ своимъ надобностямъ...

Но, однако, довольно объ этомъ столѣ и вернемся къ его изобрѣтателю Мороховцу. Кромѣ науки онъ былъ большимъ знатокомъ театра и имѣлъ близкія знакомства въ артистическомъ мірѣ, особенно среди дамъ. Янжулъ обычно трунилъ надъ Мороховцомъ по поводу его успѣха у дамъ...

Надо сказать, что И. И. Янжулъ былъ малороссъ по происхожденію и былъ всегда полонъ юмора. Когда онъ бывалъ въ ударѣ, онъ, что называется, раздавалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, и тогда

никто не ускользалъ отъ его остраго языка. Но дѣлалъ онъ это всегда замѣчательно добродушно, не задѣвая самолюбія. Весьма нерѣдко предметомъ юмора онъ дѣлалъ самого себя вмѣстѣ съ Екатериной Николаевной, надъ которой онъ любилъ подтрунивать подъ веселую руку... Многимъ изъ постоянныхъ своихъ гостей онъ присваивалъ какую либо кличку: такъ, Максима Максимовича Ковалевскаго онъ не иначе величалъ какъ «Максимъ», меня «казакъ», большинство же своихъ коллегъ называлъ просто по фамиліи.

Послѣдніе годы Иванъ Ивановичъ все недомогалъ: врачи держали его, большого любителя покушать, на строгой діэтѣ, и онъ, бывало, какъ дитя, просилъ разрѣшеніе Екатерины Николаевны съѣсть кусочекъ сладкаго пирога и т. п. Неудовлетворительное состояніе здоровья стало замѣтно отражаться на его настроеніи: онъ уже рѣдко бывалъ въ веселомъ настроеніи и въ ударѣ; чаще ворчалъ и раздражался по пустякамъ. Трудно бывало съ нимъ Екатеринѣ Николаевнѣ въ это время, и только ея спокойствіе духа и ровность характера помогали ей справляться съ этимъ большимъ капризнымъ ребенкомъ въ послѣдній періодъ его жизни... Онъ умеръ въ 1914 г. въ Висбаденѣ уже послѣ начала войны, а Екатерина Николаевна здравствуетъ и понынѣ и проживаетъ въ Царскомъ (нынѣ Дѣтскомъ) Селѣ.

Москва и Янжулы завлекли меня невольно далеко впередъ и, чтобы продолжать повѣствованіе о своей жизни послѣдовательно, надо вернуться въ Уральскъ — къ дѣламъ мѣстнаго рыболовства, которыя были теперь на моемъ попеченіи.

Мое обслѣдованіе экономическаго быта уральскихъ казаковъ, о которомъ я подробно говорилъ въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, давало мнѣ готовыя указанія, на что слѣдуетъ обратить вниманіе для того, чтобы улучшить экономическое благосостояніе мѣстныхъ рыбаковъ. То было, во первыхъ, удешевленіе и улучшеніе ихъ орудій лова съ возможностью пріобрѣтать ихъ въ кредитъ на льготныхъ условіяхъ; во вторыхъ, улучшеніе способовъ заготовки рыбы для повышенія выручки за нее. Это въ области экономики и техники рыбнаго промысла.

Что касается до улучшенія естественныхъ условій рыбнаго промысла, я продолжалъ лелѣять свою еще студенческую мечту — добиться результатовъ отъ широкаго искусственнаго разведенія осетровъ, количество которыхъ въ р. Уралѣ, какъ и въ другихъ рѣкахъ, стало замѣтно уменьшаться, а между тѣмъ они составляли одну изъ очень крупныхъ, хотя и не первую по значенію, статей прихода уральскаго рыбнаго хозяйства.

Имѣя въ виду эти три главнѣйшія задачи, я и приступилъ съ тѣми скудными средствами, которыя отпускались войсковому технику рыболовства (1000 руб. въ годъ на опыты) къ ихъ осуществленію.

Уральскіе рыбаки употребляли сѣти изъ конопляной пряжи ручного вязанія, очень дорого стоившія и скоро изнашивавшіяся. Я рѣшилъ попробовать ввести сѣти машинной работы, изъ хлопчатой бумаги, дубленыя. По расчету, даже выписывая ихъ изъ заграницы и платя пошлину, можно было продавать ихъ дешевле конопляныхъ. Сначала была выписана небольшая партія для пробы. Когда же выяснилось, что рыбаки одобрили заграничныя сѣти. была заказана болѣе крупная партія; установлена была система снабженія бѣдныхъ рыбаковъ этими сѣтями въ кредитъ подъ поручительство двухъ товарищей.

Впослѣдствіи былъ сформированъ «войсковой складъ сѣтей», который сталъ съ каждымъ годомъ развиваться, и вообще это учрежденіе имѣло большой успѣхъ, многихъ бѣдныхъ рыбаковъ поставило на ноги, превративъ ихъ изъ батраковъ-«весельщиковъ» въ самостоятельныхъ хозяевъ рыбаковъ. Учрежденіе это продолжало существовать и функціонировать вплоть до начала войны. Заграничныя сѣти, особенно изъ дубленой пряжи, очень полюбились мѣстнымъ рыбакамъ.

Въ Россіи въ то время не было ни одной сколько нибудь солидной фабрики сѣтей. Попытка завести дѣло съ одной ревельской фирмой не дала никакихъ результатовъ. Поэтому я обратился къ содѣйствію той нѣмецкой фабрики сѣтей въ Итцехоэ, о посѣщеніи которой я упоминалъ въ главѣ о своей заграничной командировкѣ и съ которой у меня установились на долгое время добрыя дѣловыя отношенія. Высокое качество ихъ сѣтей и большая аккуратность ихъ доставленія къ нужному времени въ значительной степени содѣйствовали успѣху этого дѣла на Уралѣ. Впослѣдствіи эти сѣти нашли себѣ сбытъ и въ другихъ рыболовныхъ районахъ.

Пытался я ввести въ мѣстное употребленіе замѣчательной крѣпости пряжу изъ дикаго туркестанскаго растенія «кендыря», но, за невозможностью получить ее въ достаточномъ количествѣ, дѣло это не привилось, хотя впослѣдствіи, если добьются возможности культивировать это замѣчательное растеніе, эта пряжа сдѣлается неоцѣнимой, особенно для посадки сѣтей. Ея крѣпость превышаетъ крѣпость всякой другой пряжи раза въ полтора.

Что касается улучшенія техники приготовленія рыбныхъ продуктовъ, здѣсь задача была труднѣе: дѣло въ томъ, что сами казаки занимались больше ловомъ рыбы, предоставляя всѣ хлопоты

съ посоломъ и сбытомъ ея въ большинствѣ случаевъ рыботорговцамъ, которымъ рыбаки сдавали рыбу на мѣстѣ лова въ свѣжемъ видѣ. Значитъ, обучать улучшеннымъ пріемамъ заготовленія рыбы надо было рыботорговцевъ, а не рыбаковъ. Являлось сомнѣніе, что же выиграютъ эти послѣдніе, интересы которыхъ, конечно, у меня были на первомъ планѣ. Хотя, говоря вообще, если рыботорговцы будутъ перепродавать рыбу по болѣе высокой цѣнѣ, они будутъ платить рыбакамъ дороже за сырую рыбу.

Исходя изъ этихъ соображеній, я началъ пропаганду искусственнаго замораживанія рыбы посредствомъ смѣси льда съ солью, такъ широко распространеннаго въ Сѣверной Америкѣ и очень мало примѣнявшагося тогда въ Россіи. На дворѣ казеннаго дома, гдѣ была моя канцелярія, въ одномъ изъ старыхъ чулановъ плотники построили по моимъ чертежамъ двѣ камеры для храненія искусственно замораживаемой рыбы. Заготовлены были складни изъ гальванизированнаго желѣза для предварительнаго замораживанія рыбы, и началось демонстрированіе американскихъ пріемовъ замораживанія мѣстнымъ рыбакамъ и рыботорговцамъ.

Многіе вскорѣ ухватились за идею, но стали примѣнять ее въ упрощенномъ видѣ: замораживая рыбу прямо на ледникѣ, въ которомъ дѣлалась во льду ямка и рыба зарывалась въ ледъ съ пересыпкой его слоевъ солью. Это было не совсѣмъ раціонально въ техническомъ отношеніи, но проще и доступнѣе.

Конечно, я прекрасно понималъ, что такое или иное кустарное примѣненіе этого способа не могло оказать вліянія на повышеніе заработка рыбаковъ отъ рыболовства путемъ увеличенія цѣнности его продукта — рыбы. Было очевидно, что дѣйствительныя выгоды отъ такого нововведенія возможны только въ томъ случаѣ, когда будетъ построенъ большой складъ для храненія мороженой рыбы и притомъ складъ, связанный съ желѣзной дорогой, которая могла бы перевозить эту замороженную рыбу. Однимъ словомъ, здѣсь экономическіе интересы рыбнаго промысла оказывались въ зависимости отъ общаго улучшенія техники храненія и транспорта рыбы въ странѣ.

Это побудило меня перенести пропаганду отъ периферіи къ центру, и я возбудилъ вопросъ о цѣлесообразности для Рязано-Уральской желѣзной дороги построить холодный складъ при станціи Уральскъ и обзавестись спеціальными вагонами ледниками для перевозки рыбы. По соглашенію съ наказнымъ атаманомъ (въ это время у насъ былъ уже не Шиповъ, а К. К. Максимовичъ, какъ и Шиповъ, — очень порядочная и просвѣщенная личность), я въ

зиму 1897/98 г. отправился въ Петербургъ для совмѣстной съ инженерами правленія Ряз.-Уральской ж. д. разработки соотвѣтствующихъ проэктовъ сооруженія холоднаго склада. Оказалось, дорога интересовалась этимъ вопросомъ въ болѣе широкомъ масштабѣ и для другихъ своихъ станцій, такъ что моими свѣдѣніями она воспользовалась болѣе широко.

Но потребовалось еще 10—15 лѣтъ общаго промышленнаго развитія страны и въ частности холодильнаго дѣла, чтобы моя родная окраина Уралъ — воспользовалась выгодами введенія американскихъ пріемовъ обращенія со свѣжей рыбой.

На этомъ частномъ примѣрѣ можно видѣть, какъ въ промышленной области все тѣсно связано одно съ другимъ и какъ трудно, а зачастую и совершенно не возможно добиться мѣстныхъ улучшеній безъ общаго улучшенія промышленной жизни въ странѣ. Только съ тѣхъ поръ, какъ Москва и Петроградъ построили крупные холодильники, желѣзныя дороги обзавелись достаточнымъ количествомъ вагоновъ ледниковъ, а на мѣстахъ были построены холодильные склады, — замороженная рыба стала сбываться не только зимой, но и въ другія времена года, и рыбаки смогли воспользоваться выгодами этого техническаго нововведенія.

Тогдашніе желѣзно-дорожные дѣятели, работавшіе въ правленіи Ряз.-Уральской ж. д. — Ададуровъ, Лапшинскій и его помощникъ С. А. Щепотьевъ, — надо отдать имъ справедливость, — очень быстро усвоили мысль о выгодахъ холоднаго транспорта и холодныхъ складовъ и постепенно развивали эту сторону желѣзно-дорожнаго хозяйства. Когда наступила война и государство, наконецъ, должно было признать важность холодильниковъ (подробнѣе объ этомъ я скажу впослѣдствіи), то Ряз.-Уральская дорога оказалась наиболѣе освѣдомленной и болѣе другихъ подготовленной для осуществленія «холодной цѣпи».

Продолжая рѣчь о работѣ на пользу Уральскаго рыболовства, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о попыткѣ поддержать, если не увеличить, запасы красной рыбы осетровыхъ породъ въ уральскихъ водахъ.

Надо было прежде всего продолжить опыты, начатые мною еще до поѣздки за границу, съ разведеніемъ севрюги и осетра. Они были организованы весною 1897 г. Главною цѣлью было выяснить, возможно-ли добыть достаточное количество зрѣлой икры этихъ породъ, чтобы можно было поставить это дѣло на практическую ногу. Эта рекогносцировка была поставлена довольно широко: въ четырехъ пунктахъ были устроены наблюдательныя стан-

ціи, но только на одной изъ станцій — именно въ Гурьевѣ, близъ устьевъ р. Урала намъ удалось добыть небольшое количество зрѣлой икры севрюги и вывести десятокъ тысячъ мальковъ. Мы работали на этой станціи со Л. С. Бергомъ, студентомъ, кончавшимъ курсъ Московскаго Университета (впослѣдствіи видный ихтіологъ и проф. Московскаго Сельскохозяйственнаго Института по отдѣленію рыбовѣдѣнія). Съ практической точки зрѣнія опыты этого года не дали положительныхъ результатовъ, но они многое освѣтили для дальнѣйшаго веденія дѣла, въ особенности въ отношеніи его техники. Не мало дали они новыхъ данныхъ по біологіи осетровыхъ.

Весною 1898 г. подъ Уральскомъ были произведены опыты разведенія осетра и дали уже гораздо болѣе ощутительные результаты. Мнѣ удалось на этотъ разъ вывести около 40.000 осетровыхъ мальковъ. Но въ оба эти раза приходилось ограничиваться очень скуднымъ снаряженіемъ, между тѣмъ болѣе широкая постановка дѣла требовала значительныхъ затратъ, на которыя мѣстное начальство не могло пойти, находя, что дѣло это общегосударственное.

И на этомъ примѣрѣ опять таки стало очевиднымъ, что одной работой на мѣстѣ горю не помочь: требуются болѣе широкія мѣры общегосударственнаго характера.

Такимъ образомъ, моя практическая дѣятельность на Уралѣ почти во всѣхъ своихъ главныхъ частяхъ наталкивалась на общія условія, а эти общія условія зависѣли отъ центра, куда въ силу необходимости приходилось адресоваться: такъ было съ холодильнымъ дѣломъ, такъ оказалось и съ разведеніемъ рыбы.

Въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ находился вопросъ о зимнемъ ловѣ красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ. Этотъ подледній ловъ сѣтями принялъ чрезмѣрно истребительный характеръ, захватывая не только взрослую красную рыбу, но и ея молодь. Спрашивается, какой былъ смыслъ разводить осетровъ на Уралѣ, когда ихъ приплодъ безразсудно уничтожается въ морѣ?

На мѣстномъ съѣздѣ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ (учрежденіе отчасти соотвѣтствующее земскому собранію земскихъ губерній) былъ поднятъ вопросъ о запрещеніи этого вреднаго лова. Въ предѣлахъ войсковыхъ водъ съѣздъ имѣлъ право запретить его своимъ постановленіемъ, утвержденнымъ наказнымъ атаманомъ. Но указанное рыболовство производилось и за предѣлами войсковыхъ водъ и не только казаками, но и «иногородцами», т. е. не принадлежащими къ членамъ Уральской общины. Для проведенія его запрещенія за предѣлами войсковыхъ водъ необходимо было издать спе-

ціальный законъ въ общегосударственномъ порядкѣ, что и было сдѣлано благодаря сочувственному отношенію къ вопросу бывшаго министра земледѣлія А. С. Ермолова. Но чтобы убѣдить его, мнѣ вмѣстѣ съ бывшимъ атаманомъ Максимовичемъ пришлось сдѣлать ему личный подробный докладъ.

Законъ этотъ очень не понравился богатымъ рыбопромышленникамъ Гурьева и Астрахани съ одной стороны; съ другой стороны чины отдѣленія рыболовства департамента земледѣлія, вопреки мнѣнія которыхъ законъ былъ проведенъ, а также чины астраханскаго управленія рыбными промыслами — открыли форменную борьбу противъ этого закона. Мнѣ пришлось не мало перьевъ поломать въ защиту этого закона, сохранившаго силу въ теченіе ряда лѣтъ и несомнѣнно благопріятно повліявшаго на поддержаніе запасовъ красной рыбы въ сѣверной части Каспійскаго моря, равно какъ и въ рѣкахъ Волгѣ и Уралѣ.

Отчасти въ связи съ этимъ вопросомъ астраханскіе чины рыбнаго надзора, въ частности смотритель Сергѣевъ — возбудили вопросъ о неправильности границъ уральскаго морского участка, каковыя были установлены еще въ 40-хъ годахъ. Для выясненія этого вопроса по документамъ архивовъ Государственнаго Совѣта и Сената я былъ въ 1898 г. командированъ въ Петербургъ, гдѣ и проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ, добывъ въ архивахъ документальное доказательство того, что, во первыхъ, претензіи астраханцевъ лишены юридическихъ основаній, а что въ дѣйствительности войсковой морской участокъ долженъ былъ быть увеличенъ вглубь моря согласно карты, которая была дана Государственнымъ Совѣтомъ къ руководству, но не была принята астраханскими властями во вниманіе.

Упоминаю объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы показать еще разъ на этомъ примѣрѣ, что всякій серьезный вопросъ въ области уральскаго рыболовства заставлялъ отправляться въ столицу и тамъ проводить его, что, въ концѣ концовъ, когда мой пятилѣтній срокъ службы на Уралѣ истекъ, — побудило меня, въ связи съ нѣкоторыми семейными дѣлами, перенести свой кругъ дѣятельности въ столицу, что я и осуществилъ въ 1899 г., поступивъ на службу въ Департаментъ Земледѣлія въ качествѣ спеціалиста по рыбоводству.

Возвращаясь къ изложенію своей работы на Уралѣ въ области рыбнаго промысла, считаю необходимымъ упомянуть, что съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности я взялся за пересмотръ и кодификацію мѣстныхъ правилъ рыболовства, которыя были сгруппированы въ одно цѣлое и изданы въ формѣ брошюры для общаго

пользованія. Эта работа была не исключительно кодификаціонная, а въ значительной степени и созидательная, такъ какъ я принималъ самое дѣятельное участіе на съѣздѣ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ, устанавливающемъ и измѣняющемъ эти правила сообразно возникающимъ нуждамъ. Очень крупную реформу самаго важнаго мѣстнаго рыболовства «осенней плавни» я провелъ на съѣздѣ на основаніи подробнаго изученія технической и экономической стороны этого рыболовства.

За всѣми этими дѣлами оставалось очень мало времени на научныя изслѣдованія въ области рыбнаго промысла; все же мнѣ удалось сдѣлать двѣ экскурсіи съ зоологическою цѣлью: въ 1895 г. въ сѣв. часть Каспійскаго моря и въ 1896 г. на озеро Чархалъ. Первая дала мнѣ возможность описать персидскаго осетра, новый видъ, хотя и непризнаваемый нашимъ присяжнымъ ихтіологомъ, моимъ бывшимъ ассистентомъ по разведенію севрюги на Уралѣ, Л. С. Бергомъ, но въ дѣйствительности реально существующій и безъ труда всѣми рыбаками отличаемый отъ русскаго осетра. Въ чархальскую экскурсію я открылъ реликтовую форму селедочки, описанную мною какъ разновидность.

Кромѣ того при канцеляріи войскового техника рыболовства я собралъ коллекцію рыбъ и др. предметовъ рыбнаго промысла, что составило зерно для мѣстнаго музея.

Но этой официіальной и обязательной работой моя дѣятельность на Уралѣ, конечно, не ограничивалась. Пріобрѣтенная со студенческихъ временъ и укрѣпленная позднѣйшимъ развитіемъ общественно-политическаго міросозерцанія — привычка и потребность широкой общественной работы неустанно толкала меня организовать различныя предпріятія литературнаго и просвѣтительнаго характера, а также принимать дѣятельное участіе въ единственномъ мѣстномъ представительномъ учрежденіи, уже не разъ упоминавшемся мною «съѣздѣ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ».

Изъ литературныхъ предпріятій къ этому періоду относится основаніе въ 1897 г. на товарищескихъ началахъ газеты «Уралецъ». До этого времени въ Уральскѣ издавались оффиціальныя «Уральскія Войсковыя Вѣдомости», еженедѣльное изданіе и «Уральскій Листокъ», выходившій 3 раза въ недѣлю. Послѣдній врядъ ли даже заслуживалъ названія органа печати: онъ бывалъ всегда наполненъ женскими сплетнями и разными пустяками. Между тѣмъ конецъ 90-хъ годовъ уже ознаменовался большимъ общественнымъ подъемомъ. Спросъ на порядочную ежедневную прессу сильно возросъ, и мы, группа изъ интеллигентныхъ мѣстныхъ работниковъ

того времени, состоявшая изъ врачей, адвокатовъ, чиновниковъ, — коллегъ по университету — рѣшили издавать свою газету. Ближайшее участіе средствами и личнымъ трудомъ въ этомъ предпріятіи, кромѣ меня, принимали слѣдующія лица: Б. А. Турыбринъ, Н. М. Лагашкинъ, К. И. Бошенятовъ, В. А. Краузе, Д. А. Коноваловъ, И. В. Михайловъ, Ф. А. Ереминъ.

Мы пригласили быть фактическимъ редакторомъ служившаго тогда статистикомъ областного правленія Владиміра Павловича Кранихфельда, впослѣдствіи выдвинувшагося среди петербургскихъ литературныхъ работниковъ въ качествѣ крупнаго критика. Его книга «Въ мірѣ образовъ и идей», въ двухъ частяхъ, имѣла успѣхъ (1911—12).

Кранихфельдъ имѣлъ уже нѣкоторый стажъ провинціональнаго газетнаго работника по Воронежу и сразу поставилъ газету «Уралецъ» на правильную ногу въ смыслѣ газетномъ и литературномъ. Матеріала же интереснаго мы компаніей доставляли ему болѣе, чѣмъ достаточно. У меня лично были въ запасѣ оставшіяся неизданными статьи Желѣзнова и нѣкоторые матеріалы послѣ Курилина, о которомъ я говорилъ въ первой главѣ. Нашлось два-три талантливыхъ репортера, которые давали живыя и интересныя бытовыя картинки со съѣзда выборныхъ, появились сносные стихи. Вообще газета велась интересно и сразу завербовала симпатіи всѣхъ читающихъ въ предѣлахъ края. Проникла она и въ самую гущу народную, и вотъ какимъ довольно оригинальнымъ путемъ.

Еженедѣльно на розовой бумажкѣ мы начали выпускать особое приложеніе къ газетѣ, въ формѣ афиши, печатавшейся на одной сторонѣ, подъ названіемъ: «Прочетный Листокъ газеты Уралецъ». Терминъ «прочетный», или «прочетка», быть можетъ, мало понятный другимъ, всему населенію по берегамъ Урала извѣстенъ и понятенъ: оно привыкло узнавать о всякихъ распоряженіяхъ по хозяйственной части изъ такъ называемыхъ «прочетныхъ предписаній», т. е. предписаній, которыя разсылались начальствомъ и въ каждомъ селеніи прочитывались и были объявляемы населенію.

Въ «Прочетномъ Листкѣ» мы кратко печатали распоряженія Хозяйственнаго правленія по рыболовству, сѣнокосу и т. п., свѣдѣнія о рынкѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, рыбу и пр., о крупныхъ политическихъ новостяхъ, заимствуя ихъ изъ газеты «Уралецъ». Такой листокъ мы просили выставлять въ станичномъ или поселковомъ правленіи на видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ желающіе могли прочитывать его. Съ точки зрѣнія финансовой, конечно, такое приложеніе было не выгодно: оно требовало дополнительнаго расхода, и, когда отдѣлялось отъ газеты, составляло ей конкуренцію, а особой под-

писной платы на это приложеніе мы не установили; да это и не имѣлось въ виду. Цѣль «Прочетнаго Листка» была пропаганда самого «Уральца» и установленіе между нимъ и массой населенія ближайшаго контакта. И несомнѣнно «Уралецъ» былъ очень много обязанъ этому приложенію: благодаря ему станичное населеніе постепенно втягивалось въ кругъ его читателей.

Съ другой стороны черезъ войсковыхъ депутатовъ населеніе было освѣдомлено, что въ этой газетѣ работаютъ бывшіе и настоящіе предсѣдатели съѣзда выборныхъ. То были: пишущій эти строки, который былъ предсѣдателемъ два раза, Н. М. Лагашкинъ — тоже два раза, Л. В. Скворкинъ и К. И. Бошенятовъ — по одному разу. Это создало газетѣ широкую популярность, а статьи «Уральца» по общественнымъ вопросамъ писались настолько смѣло, что на газету обратили вниманіе и въ столицѣ. Мѣстный губернаторъ, онъ же и наказный атаманъ, К. К. Максимовичъ первое время относился къ газетѣ вполнѣ терпимо, и цензура насъ не тѣснила. Но вотъ, когда на газету обратили вниманіе и въ столицѣ, цензура стала строже, и съ Максимовичемъ начались объясненія, пока не особенно опасныя для газеты.

Пробилъ же ея часъ, когда Максимовичъ покинулъ Уралъ (онъ былъ назначенъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ) и на его мѣсто прислали бурбона генерала Ставровскаго. Это былъ крайній реакціонеръ и сумасбродъ. Онъ сразу обрушился на газету и всѣхъ ея руководителей, пустивъ въ ходъ административныя репрессіи: Лагашкина онъ выслалъ изъ Уральской области, такъ что тотъ принужденъ былъ на время переселиться въ Саратовъ. Но, какъ адвокатъ, началъ съ Ставровскимъ тяжбу, обвиняя его въ превышеніи власти. Дѣло это кончилось тѣмъ, что по распоряженію свыше Лагашкину было разрѣшено вернуться въ Уральскъ, а генералу сдѣлали внушеніе.

Бошенятова, служившаго по министерству юстиціи, Ставровскій добился перевести въ Черниговскую губернію, гдѣ этотъ талантливый человѣкъ преждевременно и померъ.

Очень точилъ зубъ этотъ генералъ-черносотенецъ и на меня, но я былъ уже внѣ предѣловъ его досягаемости, такъ какъ перешелъ къ этому времени на службу въ столицу. Впрочемъ, онъ не оставилъ меня своимъ вниманіемъ и въ столицѣ, сдѣлавъ на меня доносъ министрамъ военному и земледѣлія, но особаго вреда причинить мнѣ онъ не смогъ.

Онъ сдѣлалъ доносъ и на Кранихфельда, обвиняя его, какъ это принято у черносотенцевъ, въ жидо-масонствѣ, вообразивъ по нѣ-

мецкой фамиліи обвиняемаго, что онъ еврей, тогда какъ Кранихфельдъ былъ по происхожденію столбовымъ русскимъ дворяниномъ. Въ своемъ доносѣ Ставровскій въ укоризну Кранихфельда казвалъ его «іерусалимскимъ казакомъ», и впослѣдствіи надъ Кранихфельдомъ не разъ подтрунивали его товарищи-журналисты, напоминая ему его титулъ. Доносъ на Кранихфельда былъ сдѣланъ Ставровскимъ уже позже, когда онъ былъ въ Петербургѣ и сотрудничалъ у меня въ «Вѣстникѣ казачьихъ войскъ». Вреда ему онъ тоже принести не могъ, такъ какъ Кранихфельдъ былъ свободнымъ столичнымъ журналистомъ.

Газета «Уралецъ» при Ставровскомъ стала хирѣть, отчасти благодаря суровой цензурѣ, отчасти потому что многіе изъ его постоянныхъ сотрудниковъ покинули г. Уральскъ. Вскорѣ за мной уѣхалъ Кранихфельдъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прозябанія «Уралецъ» въ 1901 г. прекратился окончательно.

Изъ другихъ моихъ общественныхъ начинаній въ Уральскѣ слѣдуетъ отмѣтить организацію «Уральской Безплатной Читальни» (1894 г.). Вопросъ о просвѣщеніи массъ черезъ частную и земскую инициативу въ эти годы былъ однимъ изъ злободневныхъ, и наша затѣя была лишь отголоскомъ общей работы русской интеллигенціи на мѣстахъ. Собравъ гроши разными путями, мы т. е. группа интеллигентныхъ работниковъ и работницъ, добились разрѣшенія на устройство безплатной читальни в въ Уральскѣ (добиться разрѣшенія было всегда большимъ затрудненіемъ), понакупили и пособрали книжекъ, нашли безплатное помѣщеніе, набрали группу безплатныхъ дежурныхъ и открыли дѣйствія этого новаго, по тому времени въ г. Уральскѣ, учрежденія. Регистрація читателей и читаемыхъ книгъ сразу была поставлена по всѣмъ правиламъ, выработаннымъ многими библіотеками и читальнями другихъ городовъ, и благодаря этому, мы вскорѣ выяснили запросы мѣстнаго читателя и старались отчасти удовлетворить ихъ, отчасти направлять ихъ въ желательную сторону.

Работали мы съ воодушевленіемъ и увлеченіемъ. Дѣло это стало быстро развиваться, и вскорѣ намъ удалось получить большое помѣщеніе въ самомъ центрѣ города. Безплатная читальня пріобрѣла права гражданства и учрежденіе это сохранилось и правильно функціонировало до 1918 г.

Но наибольшее вниманіе и наибольшее количество силъ я отдавалъ мѣстному самоуправленію въ лицѣ съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ. Исторія возникновенія и дѣятельности этого оригинальнаго учрежденія, нынѣ, какъ и всего былого на Руси, ка-

нувшаго въ вѣчность, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе.

Въ главѣ I я упоминалъ о введенiи въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ, какъ именовалась вплоть до событiй 1918 г., европейская часть Уральской области — «новаго положенiя» и о сопровождавшемъ это введенiе пассивномъ сопротивленiи казаковъ, которое закончилось массовой ссылкой уральцевъ въ Аму-дарьинскiй край. Это «новое положенiе» 1874 г. состояло изъ двухъ частей: положенiе объ обязательномъ отбыванiи воинской повинности и о мѣстномъ самоуправленiи въ формѣ вновь учреждаемыхъ Войскового Хозяйственнаго Правленiя и Съѣзда Выборныхъ отъ станичныхъ обществъ. «Старики» противились введенiю обоихъ этихъ новшествъ, видя и въ послѣднемъ своего рода ловушку: «соберутъ выборныхъ депутатовъ и черезъ нихъ проведутъ новые порядки, а потомъ скажутъ, что само войско (это сборное понятiе о всей совокупности уральскаго казачества) такъ рѣшило», — говорили старики.

Въ сущности же положенiе 1874 было попыткой, правда не совсѣмъ рѣшительной, что отвѣчало правительственнымъ взглядамъ того времени на самоуправленiе, — ввести на Уралѣ самоуправленiе. Этимъ законодательнымъ актомъ одновременно создавалось мѣстное административное учрежденiе «Войсковое Хозяйственное правленiе», которое съ одной стороны было подчинено наказному атаману, безъ утвержденiя котораго постановленiя правленiя не имѣли силы, съ другой являлось какъ бы исполнительнымъ органомъ съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ — вродѣ земской управы.

«Присутствiе» войскового хозяйственнаго правленiя состояло изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ войсковыхъ депутатовъ. Члены присутствiя избирались съѣздомъ выборныхъ срокомъ на три года и утверждались въ должностяхъ наказнымъ атаманомъ. Сами выборные депутаты съѣзда избирались на станичныхъ (соотвѣтствовали волостнымъ) сходахъ срокомъ на одинъ годъ.

Предметы вѣдѣнiя съѣзда выборныхъ и хозяйственнаго правленiя были очень обширны, причемъ въ отношенiи функцiй съѣзда въ законѣ употребленъ терминъ «обсужденiе», а по отношенiю къ функцiямъ хозяйственнаго правленiя терминъ «распоряженiе». Обсужденiю же и распоряженiю подлежали: вопросы о порядкѣ всѣхъ мѣстныхъ промысловъ — рыболовства, сѣнокошенiя, хлѣбопашества, скотоводства, лѣсного хозяйства, вопросы о денежныхъ обложенi-

яхъ населенія на расходы по снаряженію казаковъ на службу и на другія войсковыя потребности, о пріемѣ новыхъ членовъ въ общину, провѣрка отчетности по «нѣтчиковому» капиталу (капиталъ на снаряженіе полковъ), вопросы объ отчужденіи войскового имущества и сдачѣ его въ аренду и рядъ другихъ вопросовъ мѣстной жизни [1]).

Уже изъ приведеннаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ читатель можетъ заключить, что кругъ вѣдѣнія съѣзда выборныхъ былъ значительно шире круга вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Но — «запятая» была въ томъ, что съѣздъ могъ «обсуждать», а войсковое начальство въ лицѣ хозяйственнаго правленія, подчиненнаго наказному атаману, могло не соглашаться съ мнѣніемъ съѣзда, и тогда постановленіе съѣзда оставалось на бумагѣ. Въ этомъ отношеніи само положеніе создавало условія для возможнаго конфликта и борьбы, каковая впослѣдствіи и началась, когда въ съѣздъ начали избирать дѣйствительныхъ представителей, идущихъ въ него ради общественной пользы.

Первое же время съѣздъ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ, если не бойкотировался открыто, — населеніе было терроризовано массовой административной ссылкой, — то во всякомъ случаѣ казаки относилисись къ нему отрицательно, и депутаты избирались не какъ въ почетную должность, а вродѣ наказанія. Ввиду же того, что и войсковые депутаты при хозяйственномъ правленіи и предсѣдатель съѣзда избирались изъ среды выборныхъ на съѣздъ, — то и эти лица не были на высотѣ своего положенія.

Съ постепеннымъ развитіемъ общей реакціи въ странѣ вновь назначенному въ 1879 году на Уралъ наказному атаману князю Г. С. Галицыну не составило труда сначала фактически обезличить и обезсилить съѣздъ, а затѣмъ провести законъ объ отмѣнѣ выборныхъ совѣтниковъ хозяйственнаго правленія, которые пытались вступить съ нимъ въ борьбу, и депутатовъ при хозяйственномъ правленіи. Предсѣдатель съѣзда остался выборнымъ, но онъ утверждался атаманомъ изъ трехъ намѣченныхъ съѣздомъ кандидатовъ.

Имѣя въ рукахъ это орудіе съ одной стороны и другое въ своемъ veto на постановленія съѣзда, кн. Галицынъ за все время своего управленія Уральскимъ войскомъ держалъ съѣздъ, что называется въ черномъ тѣлѣ, работа съѣзда ограничивалась исключительно хозяйственными вопросами о порядкѣ производства войсковыхъ промысловъ.

---

[1]) Болѣе подробно объ этомъ учрежденіи см. мою статью «Община съ представительнымъ учрежденіемъ во главѣ», Р. Вѣдом. 2 нояб. 1894 г.

Съ назначенія атаманомъ Н. Н. Шипова съѣздъ началъ понемногу пріобрѣтать большее вліяніе на мѣстную жизнь. Населеніе стало понимать, что черезъ съѣздъ можно проводить много общеполезныхъ мѣръ, стало выбирать въ депутаты лицъ, дѣйствительно достойныхъ и пользующихся довѣріемъ населенія. Къ этому времени у насъ уже было съ десятокъ казаковъ, кончившихъ курсъ университета и рвущихся къ общественной работѣ и къ пріобрѣтенію вліянія въ народѣ. Чтобы попасть на съѣздъ, надо было быть избраннымъ въ станицѣ, а чтобы быть избраннымъ въ станицѣ, надо имѣть въ ней жительство и домъ. Однимъ изъ первыхъ «универсантовъ», проникшихъ сначала въ десятники, а потомъ въ депутаты на съѣздъ, — былъ Н. Н. Лагашкинъ. Онъ сразу сталъ популярнымъ депутатомъ и вскорѣ былъ избранъ предсѣдателемъ съѣзда.

Съ тѣхъ поръ въ каждомъ съѣздѣ были универсанты и благодаря своему образованію, искреннему желанію послужить на общую пользу и умѣнью работать они вскорѣ сдѣлались главными руководителями съѣзда выборныхъ. Я уже упоминалъ фамиліи моихъ сотоварищей по общественной работѣ въ Уральскѣ — Скворкинъ, Бошенятовъ, какъ и Лагашкинъ и пишущій эти строки, — всѣ перебывали предсѣдателями съѣзда выборныхъ. Вліяніе этого учрежденія за періодъ 90-хъ годовъ сильно возросло, а съ учрежденіемъ Государственной Думы 1906 г. съѣздъ выборныхъ сдѣлался тѣмъ мѣстнымъ учрежденіемъ, которое стало избирать члена въ Государственную думу отъ Уральскаго казачьяго войска, но о роли съѣзда въ этотъ періодъ рѣчь будетъ впереди.

Возвращаясь къ лично моей работѣ на съѣздахъ выборныхъ за время 1894—1899 г. г., я долженъ отмѣтить, что въ качествѣ техника рыболовства я былъ докладчикомъ съѣзду всѣхъ вопросовъ по рыболовству, списокъ коихъ я же и составлялъ. Все, что касалось упорядоченія рыболовства на Уралѣ за этотъ періодъ, было проведено на съѣздѣ мною. Когда же я былъ избранъ предсѣдателемъ съѣзда, то уже проводилъ вопросы по другимъ отраслямъ хозяйства и предметамъ вѣдѣнія съѣзда.

Работа на съѣздахъ въ обоихъ случаяхъ была прекрасной школой публичной общественной работы въ органѣ мѣстнаго самоуправленія. Работалъ я съ увлеченіемъ и влагалъ въ работу всю имѣвшуюся у меня энергію и всѣ познанія. Видимо, депутаты оцѣнили мою работу, о чемъ, кромѣ ихъ отношенія ко мнѣ во время самой работы, я заключаю по тому, что первымъ преставителемъ отъ Уральскаго Казачьяго войска въ Государственную Думу съѣздъ

избралъ въ 1906 г. меня. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что именно это общеніе съ депутатами на общей работѣ плюсъ прежнее мое служеніе на пользу войска были причиной того, что они остановили свое вниманіе на мнѣ наряду съ Лагашкинымъ, который тоже пользовался большой популярностью, но отъ баллотировки въ члены государственной думы отказался до начала выборовъ.

За разсматриваемый періодъ жизни въ Уральскѣ у меня были двѣ интересныя встрѣчи, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ: это съ французскимъ путешественникомъ Де-Кювервиль и съ Владиміромъ Галактіоновичемъ Короленко.

Де-Кювервиль знакомился съ Россіей по порученію французской академіи наукъ и географическаго общества, и въ числѣ другихъ мѣстъ посѣтилъ Уральское казачье войско. Бывшій тогда на Уралѣ наказной атаманъ К. К. Максимовичъ просилъ меня, какъ автора книги объ Уральскомъ Казачьемъ войскѣ [1]), познакомить французскаго путешественника съ особенностями жизни уральскихъ казаковъ и съ ихъ рыбнымъ промысломъ, что я, конечно, съ удовольствіемъ выполнилъ, снабдивъ Де-Кювервиля богатымъ матеріаломъ, фотографіями съ французскими объясненіями и пр. На основаніи этого матеріала Кювервиль написалъ нѣсколько статей во французскихъ журналахъ, а мнѣ за содѣйствіе поднесли «Palmes academiques».

Гораздо болѣе интереснымъ было знакомство съ В. Г. Короленко. Онъ пріѣхалъ на лѣто 1890 г. въ Уральскъ по приглашенію семьи Каменскихъ, его знакомыхъ по Петербургу и моихъ хорошихъ знакомыхъ. У нихъ на дачѣ я и познакомился съ Короленко. Владиміръ Галактіоновичъ былъ въ Уральскѣ съ семьей на отдыхѣ. Но наша оригинальная окрайна и особенно ея старина, тѣсно связанная съ пугачевщиной, его очень заинтересовала. Особенно интересными показались ему казачьи типы, которые онъ и запечатлѣлъ въ своихъ очеркахъ «У казаковъ» (Изъ лѣтней поѣздки на Уралъ, «Русск. Бог.» 1901 г. № 10, 11 и 12). Но это были лишь картинки съ натуры. Онъ же задумалъ большой романъ изъ временъ Пугачева, очень внимательно принялся за изученіе пугачевскаго времени на Уралѣ по архивнымъ источникамъ.

---

[1]) Между прочимъ Максимовичъ въ первую же встрѣчу со мной заявилъ, что и онъ знакомился съ Уральскимъ войскомъ по моей книгѣ.

Вѣроятно, послѣ его смерти осталась, если не полная, то обширная рукопись на означенную тему [1]).

Въ «Трудахъ Этнографическаго отдѣла Имп. Географическаго Общества» былъ помѣщенъ разсказъ «Похожденія Уральскихъ казаковъ Хохлова съ товарищемъ въ поискахъ истинной вѣры». То были старообрядцы безпоповцы, къ каковому толку принадлежало въ описываемое время около половины всего казачьяго населенія. Нѣкоторые представители ихъ обращались, между прочимъ, къ академику Ольденбургу съ вопросами о мѣстонахожденіи гдѣ то на Гималаяхъ въ Индіи носителей «древляго благочестія и истинной вѣры». Ольденбургъ, узнавъ случайно, что Короленко ѣдетъ въ Уральскъ и интересуется типами старообрядцевъ, свой отвѣтъ имъ черезъ Ф. Д. Батюшкова передалъ Короленко, чтобы онъ имѣлъ удобный случай отыскать этихъ казаковъ и познакомиться съ ними.

Короленко обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ по розыску и визиту къ этимъ казакамъ. У меня тогда была хорошая пара лошадей, съ иноходцемъ корневикомъ; я заѣхалъ за нимъ на дачу и мы отправились вмѣстѣ въ сосѣднюю съ г. Уральскомъ станицу Круглоозерную, гдѣ проживали разыскиваемые казаки. По пути я разсказалъ Короленкѣ о своемъ старомъ пріятелѣ, жившемъ тоже въ этой станицѣ, Филиппѣ Сидоровичѣ Ковалевѣ, который былъ со мной на выставкѣ рыболовства въ Петербургѣ въ 1889 году, затѣмъ нѣсколько разъ былъ депутатомъ съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ въ годы моего предсѣдательствованія. Этотъ старикъ пользовался въ станицѣ и на съѣздѣ большимъ авторитетомъ за его прямоту и стойкость.

Вл. Галакт—ычъ заинтересовался и этимъ типомъ, но я его предупредилъ, что Ковалевъ очень недовѣрчиво относится ко всѣмъ «иногороднимъ» незнакомымъ и пожалуй встрѣтитъ его не ласково. Но это, видимо, не только не останавливало писателя, но усилило

---

[1]) А. А. Кривинская, завѣдующая архивомъ В. Г. Короленко, любезно сообщила мнѣ, что въ бумагахъ покойнаго писателя сохранился обширный подготовительный матеріалъ для задуманной имъ исторической повѣсти изъ эпохи Пугачева, но самая повѣсть осталась не написанной: имѣются только два беллетристическихъ необработанныхъ отрывка къ этому произведенію, озаглавленные «Набѣглый Царь». Они имѣютъ быть напечатаны въ XXVI томѣ полнаго собранія сочиненій автора; въ этомъ томѣ собраны всѣ работы Вл. Гал-ча, имѣющія историческій характеръ, включая статью «Пугачевская легенда на Уралѣ», написанную въ 1900 г., но въ печати появившуюся лишь въ 1922 («Голосъ Минувшаго», октябрь).

его желаніе познакомиться съ Ковалевымъ. Мы какъ разъ должны были проѣзжать мимо его бахчи (плантація, засѣянная арбузами и дынями), на которой онъ проводилъ все лѣто, и, исполняя желаніе Короленки, я завернулъ къ нему на бахчу. Долженъ признаться, что я нѣсколько боялся за моего пріятеля: какъ то онъ встрѣтитъ Короленко?

Но каково же было мое удивленіе, когда при первомъ же ихъ обмѣнѣ привѣтствіями я увидѣлъ, что Ковалевъ какъ бы околдованъ незнакомцемъ. Я еще не зналъ тогда очаровательнаго дѣйствія глубоко сидящихъ и прекрасныхъ глазъ Владиміра Галактіоновича, проникающихъ въ глубину вашей души. Къ моему величайшему изумленію Ковалевъ бесѣдовалъ съ Короленко совершенно откровенно, какъ будто со старымъ знакомымъ изъ своего круга...

Впослѣдствіи Филиппъ Сидоровичъ спрашивалъ меня о Короленко: «а, должно быть, большой человѣкъ». — Я говорю: «да, это нашъ знаменитый писатель». — «А простоты-то какой! Вотъ поди ты!» — заключилъ свои наблюденія о Короленко мой пріятель.

Конечно, Филиппъ Сидоровичъ не преминулъ угостить насъ, по обычаю, превосходнымъ арбузомъ, послѣ чего мы продолжали нашъ путь въ станицу.

Найти въ большомъ селеніи нужнаго жителя не такъ то легко, особенно, когда дѣло имѣешь лишь съ голой фамиліей, безъ дополнительныхъ описаній, по которымъ обыватель обычно отыскиваетъ кого ему нужно.

Блуждали, блуждали мы по станицѣ довольно долго безъ результатовъ, а по начальству обращаться за справкой никакъ было нельзя, такъ какъ переписку вели казаки по секрету. Рѣшили напроситься въ первомъ попавшемся дворѣ на самоваръ и отдыхъ — для себя и лошадей. Уральцы — народъ очень гостепріимный, если у нихъ нѣтъ какихъ либо подозрѣній о гостяхъ.

Насъ немедленно просили «добро пожаловать», и мы въѣхали въ чистый, подметенный какъ полъ въ комнатѣ, дворъ. Начался обмѣнъ вопросами: «а кто вы будете? откуда и куда?»

И можете себѣ представить словно какъ бы чудесное совпаденіе: хозяиномъ этого дома и двора оказался тотъ самый казакъ, котораго мы такъ долго и тщетно искали; и когда онъ узналъ, что гость привезъ ему письмо отъ академика Ольденбурга черезъ Батюшкова, — насъ не знали, какъ лучше принять, и гдѣ лучше посадить. Бесѣда длилась долго, и я налюбовался на замѣчательное умѣнье Короленки вести съ простымъ народомъ бесѣду, на то

очарованіе, близкое къ колдовству, которое онъ умѣлъ производить на собесѣдника.

И подъ вліяніемъ очарованія даже эти кремни — уральскіе казаки — выкладывали ему все самое сокровенное, всю свою душу.

Эта поѣздка въ Круглоозерную станицу съ Короленко осталась у меня въ памяти, какъ живая на всю жизнь. Въ теченіе этого лѣта мы частенько встрѣчались съ Вл. Гал—чемъ, разъ онъ посѣтилъ меня въ моемъ собственномъ саду, который я развелъ исподволь за время пребыванія въ Уральскѣ. Садоводство сдѣлалось моимъ любимымъ на досугѣ занятіемъ и такъ сказать «слабостью». Не мало личнаго труда и средствъ изъ скромнаго заработка по службѣ было вложено въ этотъ садъ, разведенный на трудовой нормѣ земли, отведенной мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ членамъ общины, желавшимъ заняться садоводствомъ (5 дес.)...

Чаще мы встрѣчались съ Короленко или у Каменскихъ, или у него на дачѣ — они жили въ двухъ сосѣднихъ дачахъ.

Кстати о Каменскихъ. Глава семьи Михаилъ Михайловичъ Каменскій, художникъ и преподаватель рисованія въ школѣ Штиглица, — родной братъ Ф. М. Каменскаго, скульптора, о которомъ я говорилъ въ гл. IV и съ которымъ я встрѣтился въ Америкѣ. Въ Уральскъ же М. М. Каменскій попалъ благодаря тому, что былъ женатъ на казачкѣ Олимпіадѣ Яковлевнѣ Шелудяковой, ей по наслѣдству достался садъ-дача подъ Уральскомъ, въ которомъ они проводили лѣто. У Каменскихъ была большая семья изъ подростающей молодежи. Поэзія, искусство и музыка были любимыми занятіями всѣхъ членовъ семьи, что выдѣляло ее изъ сѣрой массы провинціальныхъ семей и дѣлало интересной.

Срокъ моей обязательной службы на Уралѣ заканчивался въ 1899 г. и я уже окончательно рѣшилъ переселиться для работы въ столицу. Цѣлый рядъ причинъ заставлялъ меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ: прежде всего, какъ я отмѣтилъ въ своемъ мѣстѣ, почти во всѣхъ важныхъ вопросахъ мѣстнаго рыбнаго промысла мнѣ неминуемо приходилось переносить дѣло въ столицу, вершившую всѣ крупныя дѣла; на основаніи горькаго опыта я пришелъ къ заключенію, что въ дальнѣйшемъ я смогу больше пользы принести Уральскому казачеству въ области рыболовства, работая въ центрѣ. Съ другой стороны, я на каждомъ шагу чувствовалъ, что масштабъ работы въ провинціи по моей спеціальности слишкомъ узокъ. Пріобрѣтенная подготовка давала возможность вести работу въ болѣе широкой области — именно въ центрѣ. И это

одинаково относилось и къ примѣненію холодильнаго дѣла. Наконецъ, какъ читатель могъ замѣтить, я еще со студенческихъ временъ привыкъ пользоваться печатнымъ словомъ для проведенія какъ научныхъ, такъ и экономическихъ вопросовъ. Возможность пользоваться этимъ орудіемъ съ развитіемъ реакціи почти прекратилась: «Уралецъ» погибалъ подъ гнетомъ цензуры и атаманскаго самодурства.

Реакція сильно отразилась и на мѣстной гимназіи, въ которой завелся политическій сыскъ, все направленіе обученія приняло крайне нежелательный характеръ и, кромѣ того, классическую гимназію преобразовали въ реальное училище, изъ котораго безъ экзамена тогда еще нельзя было поступить въ университетъ. Упоминаю объ этомъ къ тому, что это обстоятельство такъ же было одной изъ причинъ моего рѣшенія перебраться въ столицу: оба мои мальчика были готовы къ поступленію въ гимназію, и я не хотѣлъ отдавать ихъ въ мѣстное реальное училище, а рѣшилъ дать имъ образованіе въ хорошей частной столичной гимназіи.

Конечно, по поводу моего ухода со службы въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ не обошлось безъ упрековъ по моему адресу со стороны нѣкоторыхъ недоброжелателей, — таковые всегда имѣются у каждаго общественнаго работника. Искренне и тепло сожалѣли о моемъ уходѣ мои друзья. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ другого круга и десятка на два лѣтъ старше меня, полковникъ К. Ф. Логиновъ, съ которымъ мы не разъ вмѣстѣ работали на Съѣздѣ выборныхъ, а также по проведенію закона о запрещеніи глубокого морскаго рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, — сказалъ мнѣ на прощанье, что онъ очень радъ за меня, такъ какъ въ столицѣ я найду большую возможность примѣнить свои познанія; но что Уральское войско должно сожалѣть о моемъ уходѣ. — Я старался убѣдить его, выставляя приведенные выше мотивы; но переубѣдить этого «крѣпкаго» человѣка было не такъ то легко...

Уральское же Казачье войско отблагодарило меня за мое ему служеніе по дѣламъ рыболовства въ очень своеобразной и дорогой для меня формѣ: на собранныя по подпискѣ деньги заказали и преподнесли мнѣ солидное пресспапье изъ сердоликагo камня, на которомъ прикрѣпленъ прекрасно выполненный съ натуры серебряный осетрикъ — въ память моихъ работъ по искусственному разведенію осетра на Уралѣ.

Изъ всѣхъ расхищенныхъ и сожженныхъ у меня на петроградской квартирѣ предметовъ мнѣ всего больше жаль — моей библіотеки, собранной мною за двадцать пять лѣтъ работы по своей спеціальности, и этого пресспапье съ осетрикомъ... Долгомъ считаю

добавить, что и иниціатива, и наблюденіе за исполненіемъ этой художественной работы пресспапье принадлежали бывшему старшему члену Войскового Хозяйственнго правленія Василію Патрикіевичу Мартынову, съ которымъ мнѣ пришлось вмѣстѣ работать въ Уральскомъ войскѣ за указанный періодъ времени.

Въ періодъ свободъ 1917 г., когда Уральское войско рѣшило само избрать себѣ атамана съ отъѣздомъ генерала Хабалова въ Петроградъ, гдѣ онъ, передъ февральскими событіями 1917 г. фигурировалъ въ качествѣ военнаго градоначальника и не разъ упоминается въ нынѣ опубликованныхъ письмахъ бывшей императрицы къ бывшему императору Николаю II, — оно избрало своимъ атаманомъ генерала (тогда уже) В. П. Мартынова, каковымъ онъ однако, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, пробылъ не долго. В. П. Мартыновъ умеръ отъ тифа во время гражданской войны на Уралѣ.

ГЛАВА VI.

ЖИЗНЬ И РАБОТА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ (1899—1905 Г.).

Работа въ департаментѣ земледѣлія и поѣздки для изученія рыбнаго промысла: на Донъ и Азовское море; на Кубань и Черноморское побережье; на Каспійское море и Аму-Дарью. — Ссыльные Уральцы на Аму-Дарьѣ и ихъ бытъ. — Литературная работа по спеціальности: напечатанныя за этотъ періодъ книги; участіе въ «Вѣстникѣ рыбопромышленности», въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона» и «Вѣстникѣ Европы». — Редактированіе «Revue Internationale de Pêche et de Pisciculture». — Работа на международномъ конгрессѣ рыболовства въ Петербургѣ 1902 г. — Изданіе «Вѣстника Казачьихъ войскъ» и его судьба. — Желѣзнорожная забастовка 1905 г. — Наканунѣ объявленія «свободъ».

Итакъ, я перешелъ на службу въ Петербургъ по Департаменту земледѣлія, въ которомъ издавна было отдѣленіе, вѣдавшее всѣ дѣла по рыболовству въ Имперіи. Конечно, это «вѣдѣніе» носило чисто административный характеръ. Въ научно-техническомъ отношеніи единственнымъ совѣтникомъ и изслѣдователемъ былъ «инспекторъ по рыбной части», — должность, которую въ теченіе 25 лѣтъ занималъ извѣстный знатокъ русскаго рыболовства О. А. Гриммъ (умеръ въ 1922 г.).

Конечно, его не хватало на всѣ многочисленныя дѣла и, когда, по идеѣ бывшаго въ это время директоромъ департамента земледѣлія, извѣстнаго земскаго дѣятеля и сельскаго хозяина Н. А. Хомякова, впослѣдствіи предсѣдателя Государственной Думы второго созыва, — при департаментѣ открылись должности спеціалистовъ по сельско-хозяйственной части, то одна изъ должностей была предостав-

лена отдѣленію по рыболовству, на каковую я и былъ назначенъ въ 1899 г.

Два обстоятельства, — что я являлся защитникомъ уральскаго рыболовства противъ мнѣнія чиновъ департамента въ вопросѣ о глубевомъ морскомъ рыболовствѣ въ Каспійскомъ морѣ и въ общей оцѣнкѣ уральскаго рыболовства, и что я сразу сталъ на независимую отъ отдѣленія ногу, — создали мнѣ постоянную то скрытую, то открытую оппозицію въ лицѣ чиновъ названнаго отдѣленія И. Д. Кузнецова и Н. Н. Пушкарева, и у меня съ ними не рѣдки были тренія. Оба они, не смотря на естественно-историческую подготовку, были канцелярскими чиновниками и буквоѣдами до мозга костей, чего я не переносилъ и не переношу въ людяхъ вообще и въ государственныхъ дѣятеляхъ въ частности. Это и разница во взглядахъ на общіе вопросы рыболовства и рыбоводства въ Имперіи обусловливали нашъ постоянный антогонизмъ, переходившій часто за предѣлы департаментскихъ сферъ — въ засѣданія Об-ва Рыболовства и Рыбоводства и въ печать.

Моя работа по спеціальности слагалась въ общемъ изъ изслѣдованій рыбнаго промысла на мѣстахъ, обычно съ весны до осени, и въ обработкѣ собраннаго матеріала съ представленіемъ отчета, обычно въ зимній періодъ. Эта обработка была связана съ работой въ лабораторіи. Въ теченіе зимняго же сезона имѣли мѣсто безконечныя совѣщанія по дѣламъ рыболовства въ департаментѣ и въ обществѣ рыбоводства и рыболовства. Какъ разъ къ этому времени относится усиленная работа по подготовкѣ проекта «Общаго устава рыболовства въ Имперіи», въ каковой я принималъ самое дѣятельное участіе.

За шесть лѣтъ службы въ должности старшаго спеціалиста по рыбоводству при департаментѣ земледѣлія до избранія меня въ 1906 г. въ члены Первой Государственной Думы — я изслѣдовалъ слѣдующія рыболовства: Азовско-Донское (въ 1901 г.), Черноморское побережье Кавказа и Кубанское (въ 1902), Аму-дарьинское (въ 1903), Каспійское (1903 и 1904), причемъ Донское и Аму-дарьинское рыболовства были изслѣдованы по совмѣстному порученію министерствъ военнаго и земледѣлія.

Въ Донское войско, какъ было упомянуто, переведенъ былъ бывшій уральскій атаманъ Максимовичъ, который хотѣлъ непремѣнно, чтобы я далъ заключеніе о донскомъ рыболовствѣ. Мое же заключеніе объ аму-дарьинскомъ рыболовствѣ хотѣлъ получить бывшій военный министръ Куропаткинъ, мечтавшій о созданіи изъ бывшихъ ссыльныхъ уральцевъ новаго казачьяго войска на Аму-Дарьѣ. Куропаткинъ зналъ меня лично, какъ редактора-издателя

«Вѣстника Казачьихъ войскъ» и какъ уральскаго казака по рожденію.

Въ виду особенности характера обслѣдованія Аму-дарьинскаго рыболовства, связаннаго съ судьбою бывшихъ ссыльныхъ уральскихъ казаковъ, а также въ виду того, что мой отчетъ военному министру не подлежалъ оглашенію, я объ этой поѣздкѣ нигдѣ не опубликовалъ собранныхъ данныхъ о бытовой сторонѣ, почему, полагаю небезъинтереснымъ отвести ей нѣкоторое мѣсто въ настоящихъ воспоминаніяхъ.

Что касается всѣхъ другихъ перечисленныхъ изслѣдованій, результаты ихъ опубликованы въ слѣдующихъ книгахъ: «Азовско-Донское рыболовство» съ иллюстраціями, изд. Обл. Правл. Обл. Войска Донского. Новочеркасскъ 1901, — Зоологическіе результаты экспедиціи «Ледоколъ Донскихъ Гирлъ». Зоолог. Ежегод. Акад. наукъ 1901, «Кубанское рыболовство, его современное положеніе и нужды. Иллюстр. С. П. Б. 1904. Изд. Куб. Обл. Правленія. — Очеркъ сельдяного промысла по западному побережью Каспія. С. П. Б. 1904.

Кромѣ того, свѣдѣнія о моихъ изслѣдованіяхъ опубликованы въ рядѣ статей, помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ рыбопромышленности», а также въ годовыхъ отчетахъ старшаго спеціалиста по рыбоводству при департаментѣ земледѣлія, выходившихъ въ формѣ отдѣльныхъ брошюръ за 1899—1905 г. г. (5 отчетовъ).

Разъ содѣянное несправедливое административное насиліе надъ многими тысячами населенія — очень трудно бываетъ поправить.

Такая именно непоправимая несправедливость была совершена по отношенію къ Уральцамъ въ 1874—76 годахъ мѣстнымъ начальствомъ, которое въ сущности и создало такъ называемый «бунтъ» казаковъ, требуя нелѣпой подписки о подчиненіи «новому положенію». Исторія этого событія изложена въ главѣ I. Не будь этого требованія, «положеніе» было бы введено безъ всякихъ осложненій. Ссылка двухъ слишкомъ тысячъ семей въ пустынный край, конечно, озлобила казаковъ, и они не могли придти въ себя и помириться со своимъ положеніемъ ссыльныхъ поселенцевъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Чуть не ежегодно они подавали прошенія о новомъ разсмотрѣніи ихъ дѣла и о наказаніи виновныхъ въ ихъ несчастіи. Не одинъ разъ они присылали тайныхъ челобитчиковъ къ самому царю, и то, что ихъ ходатайства оставались безъ отвѣта, а челобитчики арестовывались и отсылались обратно этапнымъ порядкомъ, — нисколько не разубѣждало упорно вѣрующихъ въ торжество правды уходцевъ.

Когда Куропаткинъ, хорошо знавшій удаль уральскихъ казаковъ, какъ воиновъ по походамъ съ ними въ Туркестанѣ и подъ Геокъ-тепе, былъ назначенъ военнымъ министромъ, надежды уральскихъ «уходцевъ» оживились. Надо сказать, что еще до этого времени уральскимъ «уходцамъ» была исходатайствована «Высочайшая милость» въ формѣ разрѣшенія вернуться на родину и сдѣлаться опять казаками. Во время пребыванія въ ссылкѣ они офиціально числились мѣщанами, каковое званіе они съ негодованіемъ отвергали и фактически добились, что ихъ звали просто «уральцами». Но «высочайшая милость» была съ оговоркой: чтобы возвратить казачьи права, каждый поселенецъ въ отдѣльности обязанъ былъ подать прошеніе съ изъявленіемъ раскаянія. Этой «царской милостью» съ прошеніемъ о раскаяніи почти никто не воспользовался. Громадное большинство сочло для себя унизительнымъ и несправедливымъ раскаиваться, когда они считали себя правыми, а, наоборотъ, они настаивали на разслѣдованіи дѣла и наказаніи виновныхъ.

Создался заколдованный кругъ: уральцы не хотѣли оставаться въ Туркестанѣ на положеніи ссыльныхъ и не желали возвращаться на родину съ раскаяніемъ, да еще на свой счетъ: «насъ силой сюда пригнали, пусть за счетъ казны доставляютъ обратно», — говорили уходцы.

Ввиду такого безвыходнаго положенія у военнаго министерства и явилась идея: образовать изъ ссыльныхъ уральцевъ новое казачье войско, оставивъ ихъ на жительствѣ по нижнему теченію рѣкъ Сыръ и Аму-Дарьи.

Но всякое казачье войско должно имѣть «угодья», чтобы было на что жить и снаряжать полки, которые полагается войску выставлять для нуждъ государства. Въ этомъ пустынномъ краѣ единственнымъ промысломъ у уральцевъ было рыболовство, которое ихъ кормило впроголодь во время длительной ссылки. Генералъ Куропаткинъ и хотѣлъ знать доподлинно, насколько серьезенъ этотъ промыселъ и можно ли на немъ обосновать благосостояніе будущихъ казаковъ-воиновъ. Мнѣ было поручено познакомиться съ современнымъ состояніемъ рыбнаго промысла главнымъ образомъ на Аму-Дарьѣ, какъ рѣкѣ пограничной съ Хивой и Бухарой и по берегамъ которой уральцы были по преимуществу разселены.

Въ годъ моей поѣздки въ Туркестанъ (1903) желѣзная дорога отъ Оренбурга до Ташкента еще не была закончена. Большую часть пути намъ съ помощникомъ, студентомъ Піотровскимъ, всетаки удалось совершить по желѣзной дорогѣ, въ служебныхъ поѣздахъ; во многихъ мѣстахъ по шпаламъ безъ балласта, такъ что

вагоны валились изъ стороны въ сторону, какъ пьяные. Верстъ за 30—40 не доѣзжая до станціи «Аральское Море» путь прерывался и насъ повезли на верблюдахъ. Далѣе до Казалинска опять была «времянка».

Зная, какъ недовѣрчивы уходцы ко всякому начальству и его посланнымъ, я благоразумно запасся частными письмами отъ родственниковъ и друзей къ нѣкоторымъ уходцамъ на Сыръ- и Аму-Дарьѣ. Прежде всего я отыскивалъ адресатовъ, передавалъ поклоны и письма, а затѣмъ уже объяснялъ цѣль поѣздки.

Но и это далеко не вполнѣ помогало: народъ, главнымъ образомъ, старики, испытавшіе на себѣ всю горечь ссылки, былъ такъ озлобленъ, что, прежде всего, начиналъ съ упрековъ и нападокъ чисто личнаго характера: «вы, де, остались тамъ на Уралѣ и приняли «положеніе», а насъ предали всѣхъ; по справедливости вы всѣ должны выселиться съ Урала, а мы одни должны «владать» Ураломъ. . .» Такіе несуразныя рѣчи я долженъ былъ выслушивать съ первыхъ же шаговъ въ Казалинскѣ.

Мой отводъ со ссылкой на то, что я въ то время былъ мальчикомъ (былъ гимназистомъ второго класса, но отлично помню зрѣлище шествія по пыльнымъ улицамъ г. Уральска толпы арестованныхъ стариковъ, безъ шапокъ и босыхъ, идущихъ, по ихъ убѣжденію, на страданіе за вѣру христову). . . и никакъ не могу отвѣчать за дѣйствія тогдашняго начальства, — былъ немедленно отпарированъ возраженіемъ: «все равно: твой отецъ остался на Уралѣ и ты отвѣчаешь за родителя».

Со времени ссылки ко времени моего посѣщенія уральцевъ въ Туркестанѣ прошло почти 30 лѣтъ. За этотъ періодъ времени въ ссылкѣ народилось и выросло новое поколѣніе, и эта молодежь совсѣмъ не раздѣляла взгляда стариковъ. Они прижились въ Туркестанѣ и, не неся «ни царской, ни барской» повинности, сознательно не желали дѣлаться казаками, отбывать повинность и платить налоги на формированіе полковъ. Многіе изъ нихъ обучились разнымъ ремесламъ, кто рыбачилъ, кто разводилъ скотъ и успѣшно велъ мѣновую торговлю съ сартами и хивинцами. Вообще, ко времени моего посѣщенія уральскіе уходцы, хотя съ виду жили бѣдно — въ землянкахъ и пр., — но жили безъ особой нужды, а нѣкоторые, занимавшіеся торговлей, нажили большія деньги.

Когда они впервые поселились въ низовьяхъ Сыръ- и Аму-Дарьи, — это были вполнѣ дикія мѣста: особенно низовья Аму-Дарьи. Тамъ путешественникъ могъ окунуться во всѣ описанныя Каразинымъ приключенія, начиная съ охоты на разную дичь —

кабановъ, фазановъ, водившихся тамъ въ изобиліи, кончая тиграми и разбойниками, увозящими русскихъ въ плѣнъ.

Но уральцамъ было не привыкать стать къ такого рода жизни: прежняя жизнь на Уралѣ, на границѣ съ киргизской ордой, и походы въ Туркестанъ подготовили ихъ вполнѣ къ жизни въ этихъ мѣстахъ, и языкъ сартовскій, близкій къ киргизскому, который почти всѣ уральцы знали съ малолѣтства, — ими быстро былъ усвоенъ, а, главное, рѣка тогда кишѣла рыбой, а уральскаго казака, какъ говорится, «хлѣбомъ не корми — только покажи, гдѣ рыба есть, и онъ ее выловитъ»...

Уральцы и занялись, прежде всего, своимъ природнымъ промысломъ — рыболовствомъ. Главной промысловой рыбой р. Аму-Дарьи была шипъ-рыба изъ породы осетровыхъ, дающая цѣнную икру, и изъ нея же приготовляются хорошіе балыки. Все дальнѣйшее развитіе рыбнаго промысла на рѣкахъ Сыръ- и Аму-Дарьѣ обязано всецѣло ссыльнымъ уральцамъ. Кромѣ шипа они ловили изъ крупныхъ рыбъ — усача, сома, сазана, скафиринха (тоже изъ осетровой породы), а затѣмъ занялись массовымъ ловомъ воблы и другой мелкой рыбы по приморскимъ озерамъ. Охота была для нихъ большимъ подспорьемъ, а скотоводство для части поселенцевъ сдѣлалось промысломъ.

Но періодъ наибольшаго развитія и успѣха рыбнаго промысла ко времени моего посѣщенія Аму-Дарьи былъ уже въ прошломъ. Очень опредѣленное уменьшеніе въ уловѣ шиповъ и усача было неоспоримымъ фактомъ.

Вернусь къ описанію своего путешествія. Собравъ необходимыя свѣдѣнія о сыръ-дарьинскомъ рыболовствѣ въ районѣ г. Казалинска, которое въ самой рѣкѣ уже не представляло ничего серьезнаго, я направился черезъ Ташкентъ, Самаркандъ въ Чарджуй, на р. Аму-Дарьѣ, откуда я рѣшилъ спуститься внизъ по теченію рѣки до ея устьевъ, а оттуда переѣхать по морю къ устьямъ р. Сыръ-Дарьи. Такимъ путемъ я имѣлъ возможность познакомиться съ рѣкой и рыболовствомъ на ней, посѣтить крупнѣйшіе населенные пункты и, главное, осмотрѣть устья обѣихъ рѣкъ и самое море между ихъ устьями.

Отъ Чарджуя до Петроалександровска по р. Аму-Дарьѣ ходятъ пароходы, такъ что эту часть пути я совершилъ на пароходѣ. Пароходство по Аму-Дарьѣ походитъ на таковое же по среднему теченію р. Дона, гдѣ пароходы садятся часто на мель, пассажиры выходятъ на берегъ, а иногда принуждены бываютъ принять участіе въ стаскиваніи парохода съ мели. Хотя до такого случая на этотъ разъ на Аму-Дарьѣ не доходило, но мы плелись очень

медленно и не разъ бороздили дно рѣки на перекатахъ, идя съ большою осторожностью и ощупывая дно, которое мѣняется ежедневно. По количеству взвѣшанныхъ частицъ и, стало быть, мутности вода Аму-Дарьи уступаетъ только Нилу. Большая часть ея воды идетъ на орошенiе хлопковыхъ и пшеничныхъ полей, съ которыхъ она несетъ въ рѣку массу желтаго, лессоваго ила, образующаго мели и перекаты.

На плесѣ Чарджуй-Петроалександровскъ рыбный промыселъ производился въ ограниченныхъ размѣрахъ. Онъ былъ сосредоточенъ въ нижнемъ теченiи рѣки, ниже Петроалександровскаго укрѣпленiя. Берега Аму-Дарьи въ этой части безлѣсны, пустынны, но не лишены мѣстами своеобразной красоты. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ они представляютъ живописные, но не безопасные обрывы въ нѣсколько десятковъ саженъ вышиною и образованы изъ красныхъ рыхлыхъ глинистыхъ породъ съ пятнами и полосами бѣлыхъ известковыхъ отложенiй, что образуетъ пестрый и характерный рисунокъ. Опасность же ихъ заключается въ томъ, что они обваливаются и, если судно случится близко отъ обрыва, — оно можетъ быть затоплено свалившейся массой.

Среди пассажировъ парохода были сарты и нѣсколько уральцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ торговецъ, везшiй изъ Москвы всякiе товары. Разговорившись съ нимъ, я узналъ не мало интереснаго объ уральскихъ уходцахъ. Онъ везъ для продажи имъ не мало рѣдчайшихъ и очень дорогихъ шелковыхъ матерiй, на старинные сарафаны уралокъ; везъ много пудовъ сластей — монпасье Ландрина, это любимые на Уралѣ конфекты, преимущественно въ 10-фунтовыхъ жестянкахъ: ихъ такъ и продавали по 10 фунтовъ на семью, а жестянки шли на хранениiе коровьяго масла.

Все это говорило очень опредѣленно о томъ, что у уральскихъ уходцевъ деньги водятся. А между тѣмъ, если посмотрѣть на ихъ селенiя и убогiя мазанки, можно подумать, что они бѣднѣе бѣдныхъ. Правда, если заглянуть внутрь, въ любой изъ этихъ землянокъ — чистота скрупулезная и уютъ самый прiятный. На стѣнахъ и скамьяхъ хивинскiе ковры, стѣны и печь — бѣлѣе снѣга, а если васъ пригласятъ «отвѣдать хлѣба-соли», — вы получите, какъ и вездѣ на Уралѣ, дивнаго вкуса «каймакъ» — (сгущенныя топленыя сливки), сдобныя «кокурки» (небольшiе хлѣбцы на молокѣ и маслѣ) и свѣжiя яйца.

Разъ уже рѣчь коснулась бытовой стороны жизни ссыльныхъ уральцевъ, сообщу свои впечатлѣнiя отъ посѣщенiя уральскихъ поселенiй на Аму-Дарьѣ. Видъ у этихъ поселенiй самый безотрадный: видно, что люди выстроили себѣ землянки для временнаго

пребыванія, да такъ въ нихъ и остались на десятки лѣтъ. Землянки разбросаны какъ попало, между ними зіяютъ ямы, изъ которыхъ бралась земля для постройки самыхъ землянокъ; настоящихъ улицъ нѣтъ; у большинства нѣтъ и дворовъ, не говоря уже о палисадникахъ съ цвѣтами и деревьями. Это отвѣчало званію «ссыльные поселенцы», и уральцы не хотѣли строить лучшихъ жилищъ, если бы даже и имѣли на то средства.

Но замѣчательный контрастъ съ этой внѣшностью землянокъ представляютъ дорогіе ковры, цѣнныя старинныя иконы въ серебряныхъ ризахъ, золотыя и серебряныя украшенія и особенно дорогія одѣянія мужчинъ и женщинъ во время праздниковъ. Надо замѣтить, что лѣтъ 55—60 тому назадъ на Уралѣ носили исключительно: женщины такъ называемые сарафаны — старинно-русскій костюмъ, съ куцевейкой въ видѣ накидки; мужчины, внѣ работы, — бухарскіе халаты, по преимуществу шелковые. Ко времени же, о которомъ я теперь веду рѣчь, женщины на Уралѣ почти всѣ, кромѣ старухъ, облекались въ обычныя для всѣхъ русскихъ женщинъ ситцевыя и изъ другой матеріи платья; мужчины же привыкли уже къ «пинжакамъ».

Когда я посѣтилъ одно изъ поселеній уральцевъ на Аму-Дарьѣ въ праздникъ, я былъ пораженъ громадной разницей въ костюмахъ по сравненію съ современными поселками на Уралѣ: здѣсь на Аму-Дарьѣ въ чистотѣ сохранились старинные костюмы и старинные обычаи, которые постепенно утрачивались на Уралѣ.

То, что кое гдѣ сохранилось на Уралѣ въ сундукахъ и кладовкахъ и показывалось въ видѣ рѣдкости, здѣсь, на Аму-Дарьѣ, надѣвали въ праздники, какъ въ былое старое время на Уралѣ. И зрѣлище отъ этихъ разноцвѣтныхъ, красиваго рисунка, дорогихъ сарафановъ на группахъ молодыхъ женщинъ получалось очень эффектное, особенно на фонѣ унылыхъ жилищъ этихъ поселеній.

Лѣтъ 55—60 назадъ уральцы почти поголовно придерживались «старой вѣры» и принадлежали къ старообрядцамъ безпоповскаго толка: Богу молились дома, а обряды справлялъ избранный и пользующійся почетомъ за свою начитанность въ писаніяхъ «старикъ». Съ теченіемъ времени многіе изъ старообрядцевъ на Уралѣ сдѣлались «церковными» («единовѣрцы»).

Здѣсь же въ ссылкѣ все осталось по старому. И мальчики, и дѣвочки обучались грамотѣ исключительно славянской и писали «уставомъ», т. е. печатными славянскими буквами. Гражданскую грамоту знали лишь немногіе изъ мужской молодежи.

Но съ чѣмъ уральскіе поселенцы не разстались, — это съ форменной казачьей фуражкой съ малиновымъ околышемъ. Это

вездѣ и всегда выдѣляло ихъ изъ толпы, и всѣ узнавали уральцевъ въ Туркестанѣ по этой форменной фуражкѣ съ малиновымъ околышемъ.

Возвращаюсь къ продолженію разсказа о своемъ путешествіи по р. Аму-Дарьѣ. Въ Петроалександровскомъ укрѣпленіи, которое является главнымъ населеннымъ пунктомъ на нижней Аму-Дарьѣ, я нанялъ лодку, на которой намъ предстояло спуститься по теченію рѣки до ея устьевъ. Пришлось запастись съѣстными припасами, пологомъ отъ комаровъ, такъ какъ жить и питаться необходимо было въ самой лодкѣ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 3—4 дней.

Путешествіе на лодкѣ представляло то удобство, что можно было останавливаться, гдѣ было нужно, видѣть рыбопромысловыя заведенія, ледники для посола рыбы, садки для осетровъ и т. п.

Рыболовный сезонъ былъ уже законченъ: рыба частью была посолена, частью (шипы) посажена въ земляныя садки (отгороженные затоны рѣки и ильмени), гдѣ они оставались до наступленія холодовъ. Этотъ оригинальный способъ храненія шиповъ на Аму-Дарьѣ основанъ на слѣдующихъ свойствахъ шиповъ: когда ихъ ловятъ въ рѣкѣ въ началѣ лѣта, ихъ икра имѣетъ желтый цвѣтъ и мелкое зерно, почему не можетъ быть продаваема по высокой цѣнѣ; если же рыбу продержать до осени въ садкахъ, икра продолжаетъ развиваться, ея зерна дѣлаются болѣе крупными, а цвѣтъ — чернымъ; изъ такихъ зеренъ приготовляютъ цѣнную икру, близкую по качествамъ къ осетровой икрѣ. И тѣло рыбы въ холодное время цѣнится гораздо дороже.

Любопытное явленіе наблюдается при содержаніи шиповъ въ этихъ земляныхъ садкахъ, которые обычно имѣютъ довольно обширные размѣры. Если вы попытаетесь увидѣть содержимую рыбу, это вамъ не удастся, хотя вода въ этихъ затонахъ вполнѣ прозрачна. Единственный способъ узнать, что рыба на-лицо, — это заставить ее всплеснуться. Крикомъ, шумомъ этого добиться нельзя, такъ какъ звуковыя волны не проникаютъ сквозь воду. Но если вы топнете хорошенько ногой на берегу земляного садка, то рыба обязательно всплеснется, въ чемъ я лично убѣдился, продѣлавъ это нѣсколько разъ. Сотрясеніе почвы быстро передается со дна въ толщу воды, и рыба моментально чуетъ его.

Ледники какъ на Аму-Дарьѣ, такъ и на Сыръ-Дарьѣ — крайне примитивнаго устройства и служатъ больше для храненія льда, необходимаго при посолѣ рыбы въ жаркое время. Они строятся изъ камыша, котораго въ устьяхъ Аму-Дарьи непроходимыя чащи. Въ этихъ то камышевыхъ заросляхъ на десятки верстъ кругомъ ютятся кабаны, фазаны и, изрѣдка, тигры.

Фазановъ во время остановокъ я сгонялъ не мало, кабановъ и тигровъ не видалъ; но въ одну изъ ночевокъ мы удостоились слышать могучее рычаніе этого хищника.

Общее впечатлѣніе отъ аму-дарьинскаго рыбнаго промысла получалось жалкое: и ранѣе оно было очень скромнымъ, еле кормило немногочисленное населеніе уральцевъ, а ко времени моего обслѣдованія и совсѣмъ пришло въ упадокъ. И главная причина упадка была очевидна: отнюдь не чрезмѣрный выловъ рыбы уральцами, какъ это предполагали смотрителя рыболовства, а обмелѣніе устьевъ рѣки, вода которой, будучи усиленно расходуема по пути къ морю для цѣлей орошенія, не доходитъ до устьевъ въ достаточномъ количествѣ, къ тому же, будучи очень мутной, она образуетъ непроходимыя для судовъ мели при самомъ входѣ изъ моря въ устья. Въ этомъ я убѣдился на собственномъ опытѣ прохода по устьямъ въ море: трудно было найти сколько нибудь выраженное русло или рукавъ съ глубиной, достаточной для прохода небольшой гребной лодки.

Нашъ дальнѣйшій путь отъ устьевъ р. Аму-Дарьи къ устьямъ Сыръ-Дарьи предстояло совершить моремъ на небольшой смотрительской парусной лодкѣ. Насколько спокойно и пріятно было плыть внизъ по теченію р. Аму-Дарьи, гдѣ за все время плаванія мы встрѣтили лишь одно нѣсколько опасное мѣсто — очень сильную быстрину, въ родѣ пороговъ, проплывая которое всѣ были на сторожѣ на случай, если лодка опрокинется, — настолько непріятно и, въ концѣ концовъ, опасно оказалось путешествіе по этому, какъ будто озеру, но оказавшимся на дѣлѣ пренепріятнымъ моремъ, съ короткой и частой волной, которая какъ будто все время толчется и подбрасываетъ суденышко; послѣднее оказалось тоже совершенно не отвѣчающимъ назначенію плавать по этому морю.

Короче говоря, мы натерпѣлись во время этого переѣзда и отъ морской болѣзни, и отъ близкой опасности гибели судна. Мы еле-еле добрались до устьевъ Сыръ-Дарьи и гораздо позже, чѣмъ предполагали. Въ Казалинскѣ уже думали, что мы всѣ съ судномъ погибли.

Заканчивая рѣчь объ этой поѣздкѣ на Сыръ- и Аму-Дарью, я долженъ сказать, что какъ цифровыя данныя объ общемъ уловѣ рыбы, сосредоточенныя у оренбургскаго рыботорговца Макеева, черезъ руки котораго проходила вся рыба, ловимая въ этомъ районѣ, и записи котораго были въ моемъ распоряженіи, такъ и личное ознакомленіе съ обѣими рѣками и Аральскимъ моремъ, — говорили очень опредѣленно за то, что основывать благосостояніе проектирумаго военнымъ министерствомъ къ образованію на Аму-

Дарьѣ казачьяго войска на рыбномъ промыслѣ совершенно невозможно: онъ былъ слишкомъ незначителенъ и не имѣлъ шансовъ на развитіе въ дальнѣйшемъ.

Таковое заключеніе я и представилъ Куропаткину, и вопросъ о новомъ войскѣ былъ снятъ съ очереди. Уральцы же такъ и остались на Аму-и Сыръ-Дарьѣ, дождавшись большевистскаго владычества. Какую роль они играли во всѣхъ крупныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ этомъ краѣ во время революцій и возстаній, — я къ сожалѣнію свѣдѣній не имѣю.

Я упоминалъ вскользь о рядѣ другихъ моихъ поѣздокъ по Россіи по министерскимъ порученіямъ. И раньше, и въ этотъ періодъ вся моя жизнь складывалась такъ, что съ открытіемъ весны я покидалъ свое постоянное жительство и отправлялся на изслѣдованія на мѣстахъ: мои знакомые такъ привыкли къ этому, что, шутя, говаривали: «весна: рыба начинаетъ двигаться, а за ней и Бородинъ». Грѣшнымъ дѣломъ, долженъ признаться, я большой непосѣда и люблю путешествовать, знакомиться съ новыми мѣстами, людьми, природой и условіями жизни рыбъ и ихъ ловлей... Когда же наступаетъ осень и зимній сезонъ, меня уже тянетъ въ городъ, и моя работа сосредоточивается въ кабинетѣ (писаніе отчетовъ по поѣздкамъ и изслѣдованіямъ) и въ лабораторіи (обработка собраннаго матеріала).

За 40 лѣтъ, которые покрываютъ настоящія воспоминанія, какъ видитъ читатель, я посѣтилъ многія окраины Россіи, почти всѣ европейскія страны и Сѣверную Америку. Въ періодъ времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, я былъ дважды въ заграничныхъ командировкахъ — въ Парижѣ во время всемірной выставки 1900 года на первомъ всемірномъ конгрессѣ по рыболовству и рыбоводству и въ Вѣнѣ на третьемъ международномъ рыболовномъ конгрессѣ (1905 г.).

Второй международный рыболовный конгрессъ 1902 г. имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ. Его организація и веденіе дѣла на самомъ конгрессѣ лежали преимущественно на мнѣ, какъ генеральномъ секретарѣ, избраннымъ парижскимъ конгрессомъ. Кому приходилось работать на международныхъ конгрессахъ, тотъ знаетъ, что это такое и сколько энергіи уходитъ на организаціонную работу такого рода. Отчеты о засѣданіяхъ и печатаніе докладовъ и преній — лежали также на мнѣ. Въ связи съ организаціей этого конгресса Россійское Общество Рыбоводства и рыболовства еще въ 1899 г., по моей иниціативѣ, начало издавать въ Петербургѣ «Revue Internationale de Pêche et de Pisciculture», на французскомъ, англій-

скомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этотъ журналъ былъ признанъ органомъ международныхъ конгрессовъ по рыболовству и рыбоводству; редакторомъ же его, за 4 года его изданія, былъ я.

Въ этомъ журналѣ помѣщено нѣсколько моихъ статей; кромѣ того, я много писалъ за этотъ періодъ въ «Вѣстникѣ Рыбопромышленности», въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона и въ общей прессѣ («Обычай и законъ о рыбномъ промыслѣ», «Наше рыболовство и его порядки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1899 и 1901 г. г.).

Вопросъ о лучшемъ устройствѣ быта и жизни уральскихъ казаковъ меня интересовалъ по прежнему, а такъ какъ этотъ вопросъ былъ тѣсно связанъ съ общими реформами въ жизни казачьихъ войскъ, то интересы послѣднихъ стали также мнѣ близки. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что въ газетѣ «Уралецъ» уже нельзя было писать, побудило меня, вмѣстѣ съ представителями другихъ казачьихъ войскъ Ф. Д. Крюковымъ, Я. Я. Полферовымъ, Скиданомъ и др. — основать въ Петербургѣ новую газету (еженедѣльную) «Вѣстникъ Казачьихъ войскъ»; издателемъ и редакторомъ былъ я, въ редактированіи же помогали мнѣ сначала В. П. Кранихфельдъ, потомъ Л. В. Македоновъ и Я. Я. Полферовъ. Изданіе не располагало необходимыми средствами для веденія дѣла расчитано было исключительно на подписку и на зачетъ части гонорара сотрудниковъ въ долгъ за изданіемъ, т. е. на временно не оплачиваемый трудъ. Обезпечить достаточное количество подписчиковъ по всѣмъ окраинамъ великой Россіи, гдѣ расположены казачьи войска, не было никакой возможности безъ нѣкотораго содѣйствія военнаго министерства — въ смыслѣ циркулярнаго оповѣщенія. Изданіемъ заинтересовался бывшій тогда военнымъ министромъ Куропаткинъ, и, благодаря ему, такой циркуляръ былъ разосланъ отъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ.

Когда нашъ первый номеръ, разосланный въ 1900 г. безплатно по адресамъ, добытымъ въ Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ, а также черезъ частныхъ лицъ, — проникъ въ глухія станицы всѣхъ казачьихъ войскъ и читатели увидѣли въ нашемъ спискѣ сотрудниковъ знакомыя въ каждомъ отдѣльномъ казачьемъ войскѣ имена, познакомились съ задачами изданія, а затѣмъ услыхали, что начальство не препятствуетъ распространенію изданія, — редакція начала получать отовсюду сочувственныя письма, предложенія помогать, чѣмъ можно, и подписка пошла, хотя не очень густо, но довольно прилично. Вскорѣ у насъ установилась живая связь съ рядомъ очень порядочныхъ кореспондентовъ въ каждомъ изъ казачьихъ войскъ, и дѣло, видимо, обѣщало успѣхъ.

Не было у насъ недостатка и въ талантливыхъ сотрудникахъ: Ф. Д. Крюковъ, С. И. Гусевъ-Оренбургскій — давали намъ очень красочные фельетоны изъ жизни донскихъ и оренбургскихъ казаковъ. Явились и новые таланты съ мѣстъ, къ сожалѣнію не могу вспомнить ихъ фамилій, а «Вѣстника» какъ и всей моей библіотеки, нѣтъ подъ руками. Мы были очень хорошо освѣдомлены въ отношеніи новыхъ законовъ и мѣропріятій по казачьимъ войскамъ, такъ какъ Главное Управленіе казачьихъ войскъ давало намъ аккуратно всѣ текущія новости.

Но было одно существенное «но»... «Вѣстникъ», конечно, не имѣлъ въ виду не только хвалить начальство, т. е. военное министерство и главное управленіе казачьихъ войскъ, а наоборотъ, не стѣсняясь, печаталъ корреспонденціи и статьи, критикующія какъ мѣстные порядки, такъ и разныя нецѣлесообразныя мѣры центральной власти.

Чиновники Главнаго управленія казачьихъ войскъ съ одной стороны, атаманы казачьихъ войскъ — съ другой очень скоро почувствовали, что «Вѣстникъ Казачьихъ войскъ» не будетъ имъ мирволить. А одинъ изъ атамановъ, упоминавшійся уже ранѣе генералъ Ставровскій, имѣвшій счеты съ редакторомъ-издателемъ и съ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ, В. П. Кранихфельдомъ, пустилъ въ ходъ доносъ и быстро вооружилъ сначала Главное Управленіе Каз. войскъ, которое и вообще, будучи архи-бюрократическимъ учрежденіемъ, съ самаго начала косо смотрѣло на «Вѣстникъ», и только, благодаря сочувствію изданію со стороны Куропаткина, не рѣшалось первое время вредить газетѣ, — а затѣмъ вооружилъ и самого Куропаткина противъ насъ...

Въ результатѣ на четвертый годъ изданія названное учрежденіе послало по казачьимъ войскамъ и станицамъ второй циркуляръ, рекомендовавшій не допускать разсылки «Вѣстника» съ казачьей почтой; а другимъ способомъ достигнуть большинства станицъ было не возможно. Это сразу подрѣзало нашу подписку и создало тяжелое положеніе.

Между тѣмъ общія событія въ Россіи принимали къ этому времени такой грозный оборотъ, что окрайные вопросы отошли на задній планъ. Велась безславная война съ Японіей. Куропаткинъ командовалъ русскими войсками и кончилъ кампанію пораженіемъ нашихъ войскъ.

Этотъ позорный фактъ въ связи съ разоблаченіями подноготныхъ дѣяній великихъ князей и ихъ приближенныхъ на Дальнемъ Востокѣ — далъ толчекъ къ широкому общественному и рабочему движенію. Осенью 1905 г. Россія впервые узнала, что значитъ

всеобщая забастовка желѣзно-дорожныхъ рабочихъ: всякое движеніе на время было ею парализовано.

Я какъ разъ въ это время возвращался въ Петербургъ съ лѣтнихъ изслѣдованій на юго-востокѣ Россіи, и, когда мы стали приближаться къ московскому желѣзно-дорожному узлу, черезъ Москву уже ѣхать было нельзя. Мы должны были направиться кружнымъ путемъ черезъ Смоленскъ и юго-западныя дороги. Съ грѣхомъ пополамъ мы добрались до Питера.

Приблизительно въ это же время возвращался изъ заграничнаго курорта Янжулъ и попалъ подъ забастовку. Ихъ поѣздъ остановился, не доѣзжая верстъ 100 до Петербурга. Янжулъ разсказывалъ, что пассажиры сложились и поднесли машинисту нѣсколько сотъ рублей, послѣ чего тотъ, подъ ругань товарищей, двинулъ поѣздъ и довезъ пассажировъ до Петербурга.

Въ столицѣ уже открыто говорили объ ожидаемомъ со дня на день манифестѣ съ объявленіемъ свободъ и учрежденіемъ парламента. Подъемъ общественнаго мнѣнія проявлялся небывалый. Конечно, въ это время было уже не до казачьихъ войскъ и окрайныхъ интересовъ. Преобладающее значеніе пріобрѣтали вопросы общегосударственные, рѣшалась судьба будущаго устройства государства.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ изданіе «Вѣстника Казачьихъ войскъ» пришлось прекратить.

Сезонъ 1905—06 г. открывался въ Петербургѣ подъ знакомъ начавшейся революціи: все общественное вниманіе сосредоточилось на грандіозномъ забастовочномъ движеніи желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, на ожиданіи и подготовкѣ къ крупнымъ событіямъ внутренней жизни страны — къ конституціи. О переживаніяхъ въ эти дни рѣчь пойдетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

ПЕРЕДЪ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ, ВЪ ДУМѢ И ПОСЛѢ НЕЯ (1905—1908 Г.).

Петербургъ во время опубликованія манифеста 17 октября 1905 г. — Булыгинская версія свободъ. — Митинги въ столицѣ и въ провинціи. — Моя кандидатура въ члены Г. Думы отъ Уральскаго казачьяго войска. — Выборы. — Открытіе засѣданій Государственной Думы. — Мое участіе въ работѣ Первой Думы. — Разгонъ Думы. — Выборгское воззваніе. — Мой отчетъ избирателямъ въ Уральскѣ. — Вторая Дума и «Думскій Листокъ». — Выборгскій процессъ. — Тюремное заключеніе въ «Крестахъ». — Послѣ тюрьмы. — Обѣды товарищей по Первой Думѣ и Выборгскому процессу. — Комитетъ помощи бывшимъ членамъ Первой Думы.

Основные принципы Россійской конституціи были торжественно объявлены въ манифестѣ 17 октября 1905 г. Этотъ громадной важности политическій актъ былъ воспринятъ въ Петербургѣ съ большимъ подъемомъ: лица, другъ другу незнакомыя, встрѣчаясь на улицахъ, обнимались и поздравляли съ конституціей какъ съ великимъ праздникомъ... Здѣсь не было открытыхъ дѣйствій черносотенцевъ, такъ омрачившихъ радостные дни объявленія свободъ въ нѣкоторыхъ провинціальнхыъ городахъ.

Извѣстія о рядѣ погромовъ въ провинціальныхъ городахъ и о роли въ нихъ администраціи не только опечалили приверженцевъ политической свободы, но заставили ихъ призадуматься.

Вскорѣ появились признаки того, что и правительство начинаетъ сдавать. Началась канцелярская обработка свободъ, и ясныя и опредѣленныя слова манифеста были искажены въ канцелярскихъ нѣдрахъ М-ва внутреннихъ дѣлъ. Но все же надежды

и упованія были устремлены на это имѣющее родиться первое русское представительное учрежденіе, которое, казалось, уже само по себѣ имѣетъ громадное значеніе и силу, и думалось, разъ собравшись, Государственная Дума съумѣетъ закрѣпить свое положеніе и выработаетъ настоящую русскую конституцію.

Всѣ передовыя силы и партіи, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ, устремили все вниманіе и энергію на организацію партійной работы и на подготовку выборовъ. Начался незабвенный періодъ митинговъ съ горячими рѣчами Ф. И. Родичева и др. ораторовъ. Столица жила въ эту зиму полной жизнью. За нею зашевелилась и провинція, гдѣ также начались митинги и выдвинулись мѣстныя силы.

Въ это время была основана Конституціонно-Демократическая партія, такъ блестяще организовавшая выборы и обезпечившая рѣдкій по количеству талантовъ и преданности общественному дѣлу составъ Первой Государственной Думы. Я не принадлежалъ тогда къ партіи, но всѣ мои симпатіи были съ ней, и голосовалъ я за кадетскій списокъ.

Уже когда выборы въ Государственную думу почти повсемѣстно были закончены, я совершенно неожиданно получилъ телеграмму изъ Уральска, въ которой сообщалось, что я намѣченъ кандидатомъ въ члены Государственной Думы отъ Уральскаго Казачьяго войска, и мои товарищи по работѣ въ Уральскѣ просили меня непремѣнно пріѣхать на выборы, назначенные на апрѣль мѣсяцъ, — въ Уральскъ.

Настроеніе тогда у всѣхъ было приподнятое: казалось, каждый гражданинъ долженъ забыть свое привычное занятіе и итти на новую общественную службу родинѣ. Не долго думая, я телеграфировалъ о своемъ согласіи, попросилъ начальство дать мнѣ отпускъ для участія въ выборахъ и отправился въ Уральскъ.

Какъ я уже упоминалъ, избирательное собраніе для выбора члена государственной думы отъ уральскаго казачества состояло почти всецѣло изъ членовъ съѣзда отъ станичныхъ обществъ, переизбранныхъ для этой цѣли. А члены съѣзда, вѣрнѣе ихъ вліятельная часть, была хорошо сорганизована и работала въ тѣсномъ контактѣ съ влившейся въ съѣздъ интеллигенціей. Они группировались вокругъ уже не разъ упоминавшагося адвоката Лагашкина. На его квартирѣ были предварительныя собранія избирателей, и, когда я прибылъ въ Уральскъ, то попалъ, прежде всего, на такое собраніе у Лагашкина. У нихъ былъ уже окончательный сговоръ. Намѣчены были Н. М. Лагашкинъ и я. Но Лагашкинъ самымъ опредѣленнымъ образомъ отклонялъ свою кандидатуру, считая

меня болѣе подходящимъ кандидатомъ по моимъ связямъ съ представителями вліятельныхъ партій и пр.

Но среди избирателей была и другая группа, выставившая кандидатуру довольно популярнаго на Уралѣ генерала С. Е. Толстова. Это и былъ мой единственный соперникъ.

Избирательное собраніе состояло изъ лицъ, уже нѣсколько наторѣвшихъ въ общественныхъ дѣлахъ; среди избирателей были лица съ образованіемъ, разбиравшіеся въ программахъ партій. Какъ водится, кандидатовъ просили изложить политическое credo, задавали довольно щекотливые вопросы насчетъ того, не будетъ ли государственная дума работать противъ государя императора, какая же будетъ роль государя въ управленіи страной, какъ насчетъ неприкосновенности владѣнія казаками землей и т. п.

Въ отвѣтной рѣчи я заявилъ, что изъ всѣхъ партій я считаю наиболѣе отвѣчающей запросамъ даннаго времени и наиболѣе подходящей для казачества — конституціонно-демократическую партію, что единственно не совсѣмъ яснымъ, примѣнительно къ казачьимъ областямъ, пунктомъ ея программы является часть аграрной программы, но что вѣроятно явится возможность согласовать и ее съ интересами казачьихъ областей.

На щекотливый вопросъ о прерогативахъ верховной власти и ея отношенія къ государственной думѣ пришлось базироваться на манифестѣ 17-го октября, согласно которому монархъ самъ, до извѣстной степени, ограничилъ свою власть, заявивъ, что «никакой законъ не будетъ имѣть отнынѣ силы, не будучи одобренъ государственной думой». Для иллюстраціи создавшагося положенія меня подмывало воспользоваться любопытнѣйшимъ пріемомъ, который былъ употребленъ однимъ изъ интеллигентныхъ киргизъ, юристомъ по образованію, для объясненія конституціи своимъ одноплеменникамъ киргизской орды. . . Но этотъ пріемъ настолько комиченъ, что я воздержался прибѣгнуть къ нему, въ виду серьезнаго характера дебатовъ. Но изложить его здѣсь въ воспоминаніяхъ, полагаю, будетъ небезъинтересно для читателей. Передалъ же мнѣ его А. Н. Букейхановъ, товарищъ по Первой думѣ, к. д.

Киргизы — природные кочевники и коневоды. Ораторъ киргизъ, интеллигентъ, объяснявшій на митингѣ о томъ, что случилось въ Петербургѣ (кстати упомянуть, его трибуной была спина верховой лошади) и какъ это власть ограничена, — прибѣгъ къ такому сравненію: «вы знаете, что бываетъ, когда жеребца облегчатъ? (т. е. кастрируютъ): жеребецъ дѣлается мериномъ; вотъ это теперь случилось и съ царемъ; вмѣсто жеребца онъ теперь будетъ мериномъ. . .»

Киргизы, видимо, хорошо это поняли и избрали въ думу представителя оппозиціи — Букейханова...

Возвращаясь къ перипетіямъ выборовъ въ Уральскѣ, долженъ добавить, что моего противника генерала Толстова избирательное собраніе забаллотировало: онъ получилъ что-то 20 голосовъ изъ 64, значительное же большинство членовъ съѣзда подали голоса за меня. Указанное соотношеніе голосовъ соотвѣтствовало фактическому дѣленію: часть избирателей держалась военныхъ и не могла представить себѣ избранника отъ казачьяго войска ниже чина генерала.

Я не страдаю честолюбіемъ и на фактъ избранія моего въ члены государственной думы смотрѣлъ больше съ дѣловой точки зрѣнія: смогу ли я быть полезнымъ въ Думѣ. Я плохой ораторъ, но работать я, несомнѣнно, могу и, мнѣ казалось, что заурядъ, средняго достоинства, членомъ государственной думы я смогу быть и, по всему своему прошлому и знанію нуждъ края, могу достойно представить и защитить интересы моихъ избирателей.

Но все же то время было особенное, и я чувствовалъ себя какъ бы приподнятымъ на воздухъ, ощущалъ за своей спиной силу представителей — какъ никакъ сотни тысячъ народа, и это дѣйствовало на самочувствіе. Я какъ сейчасъ помню дивный апрѣльскій день послѣ выборовъ, когда я поѣхалъ посмотрѣть, что творится въ моемъ любимомъ и самимъ выращенномъ фруктовомъ саду подъ г. Уральскомъ.

Тысяча разведенныхъ мною яблонь, въ то время уже въ возрастѣ лѣтъ 10—15, была покрыта сплошь цвѣтомъ, и садъ представлялъ дивную картину вновь развивающейся весною жизни. Эта картина какъ бы дополняла радостно-приподнятое настроеніе сознанія исполненія долга родинѣ...

Подъ такимъ впечатлѣніемъ я простился со своими уральскими друзьями и спѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ на дняхъ должно было уже состояться торжественное открытіе Государственной Думы.

По пріѣздѣ въ столицу это приподнятое настроеніе не только не умалилось, но поднялось еще выше. Столица сама жила приподнятой жизнью: со всѣхъ концовъ великой страны сюда съѣхались впервые, за болѣе чѣмъ тысячелѣтнее существованіе Россіи, ея представители для вершенія государственныхъ дѣлъ, и, когда они шли по улицамъ и по набережной Невы — сначала въ Зимній дворецъ для выслушанія тронной рѣчи государя, а затѣмъ изъ Зимняго дворца въ Таврическій дворецъ, приспособленный для засѣданій государственной думы, — столичное населеніе поголовно

высыпало на улицы, забывъ о своихъ текущихъ дѣлахъ, и съ неописуемымъ восторгомъ встрѣчало народныхъ избранниковъ.

Красотѣ и очарованію этого событія много содѣйствовалъ выдавшійся дивный весенній денекъ, оригинальные, красочные національные костюмы многихъ депутатовъ Польши, Литвы, Кавказа и др. окраинъ. Часть депутатовъ, и я въ томъ числѣ, возвращалась изъ Зимняго дворца на невскихъ пароходикахъ. Мы проѣхали мимо двухъ тюремъ: знаменитой Петропавловской крѣпости, которая не подавала никакихъ признаковъ отзвука совершающихся въ столицѣ крупныхъ событій, и мимо Выборгской тюрьмы, или въ просторѣчіи столичныхъ обывателей «Крестовъ» (отъ крестообразнаго расположенія корпусовъ зданія). Окна этой тюрьмы представляли сплошное колебаніе платковъ и другихъ сигнальныхъ знаковъ: это арестанты, по преимуществу политическіе, привѣтствовали народныхъ избранниковъ и, какъ бы въ унисонъ съ ихъ неслышными за разстояніемъ, но чувствовавшимися въ этотъ моментъ каждымъ сознательнымъ гражданиномъ, кликами, въ воздухѣ раздались голоса: «амнистія политическимъ заключеннымъ!»

И какъ читатель знаетъ, первая рѣчь въ Первой Государственной Думѣ и первое ея постановленіе «какъ долгъ чести и какъ долгъ совѣсти», по прекрасному выраженію оратора, общеуважаемаго И. И. Петрункевича, — были посвящены амнистіи.

И могъ ли кто либо изъ депутатовъ и обывателей, пережившихъ въ столицѣ эти дивные и незабвенные дни дѣятельности Первой Государственной Думы, допустить мысль, что не только ея постановленіе объ амнистіи останется на бумагѣ, но что и сами депутаты будутъ посажены въ тѣ самые «Кресты», изъ оконъ которыхъ заключенные кричали объ амнистіи?...

Вступивъ въ число членовъ государственной думы я автоматически обязанъ былъ оставить государственную службу. Все, что было связано съ ней и съ моей спеціальностью, отошло въ сторону, и я погрузился исключительно въ думскіе интересы и дѣла.

Жили мы въ это время необычайно лихорадочною жизнью: горячіе дебаты въ думѣ затягивались нерѣдко до разсвѣта, и не разъ мы съ Н. И. Кареевымъ, оба жившіе на Васильевскомъ островѣ, возвращались домой лишь раннимъ утромъ. Нормально же только ночью мы бывали дома, такъ какъ если не было вечерняго засѣданія въ думѣ, то члены партіи собирались во фракціяхъ. Я вскорѣ вступилъ въ конституціонно демократическую партію и усердно посѣщалъ фракціонныя собранія.

Была въ думѣ еще одна, въ сущности межпартійная организація — «Группа автономистовъ», въ которой я также принималъ участіе,

въ виду того, что всѣ казачьи войска, по своему укладу жизни тяготѣли къ болѣе широкому самоуправленію, приближающемуся къ автономіи.

Кромѣ текущей работы въ думѣ и во фракціи я принималъ дѣятельное участіе въ двухъ думскихъ коммиссіяхъ: библіотечной, въ которой М. М. Ковалевскій былъ предсѣдателемъ, а я товарищемъ предсѣдателя, и въ аграрной, въ которой предсѣдателемъ былъ М. Я. Герценштейнъ. Исполнилъ я и одну литературную работу, связанную съ государственной думой, а именно написалъ книжку «Государственная Дума въ цифрахъ», Спб. 1906, въ которой подвергъ статистической обработкѣ всѣ наличныя данныя о членахъ государственной думы, начиная съ партийной принадлежности и кончая степенью матеріальной обезпеченности. Матеріалъ полученъ былъ посредствомъ спеціальной анкеты и основанъ на личныхъ сообщеніяхъ самихъ членовъ думы.

Что касается до выступленій въ общихъ собраніяхъ думы, то только однажды я счелъ необходимымъ высказаться по вопросу объ отношении казачества къ призыву ихъ полковъ для несенія полицейской службы. Въ одномъ изъ засѣданій разсматривался внесенный въ думу запросъ военному министру о неправильномъ употребленiи казачьихъ полковъ для полицейской службы. Одинъ изъ представителей Дона говорилъ противъ предложенія и хотѣлъ убѣдить думу, что всѣ казаки раздѣляютъ его яро-монархическіе ретроградные взгляды. Въ отвѣтъ на это увѣреніе я и далъ характеристику отношенія уральскаго казачества къ возбужденному вопросу. Эта характеристика была подкрѣплена текстомъ телеграммы, только что полученной мною изъ одного полка, командированнаго для исполненія полицейскихъ обязанностей, — и прочитанной въ думѣ. Казаки просили добиться освобожденія ихъ отъ такой службы. (См. Стенографич. Отчетъ засѣд. Гос. Думы І-го созыва, стр. 1320—21).

Я отнюдь не собираюсь писать о дѣятельности и судьбѣ Первой думы вообще, — это не входитъ въ задачу воспоминаній, и притомъ на эту тему были написаны такія превосходныя книги, исчерпывающія предметъ, какъ книга М. М. Винавера и изслѣдованіе П. Н. Милюкова. Я ограничиваюсь исключительно передачей личнаго переживанія событій этого бурнаго періода русской общественной жизни.

По мѣрѣ того, какъ все ярче и ярче вырисовывалась политическая платформа думскаго большинства, правительство все откровеннѣе и откровеннѣе давало понять, что оно продолжаетъ отстаивать самодержавіе и будетъ парализовать, черезъ Государственный

Совѣтъ, всѣ вырабатываемыя думой мѣропріятія, съ которыми оно не согласно. Вся дѣятельность первой думы превратилась въ рядъ рѣзкихъ конфликтовъ народнаго представительства съ отживающимъ бюрократизмомъ, который, однако, цѣплялся за власть, опираясь на полицію и армію.

Вскорѣ для всѣхъ стало очевиднымъ, что изъ этого тупика долженъ быть найденъ какой либо выходъ. Или «власть исполнительная, по выраженію В. Д. Набокова, должна подчиниться власти законодательной», или она приметъ мѣры къ устраненію нежелательнаго народнаго представительства, т. е. роспуститъ думу.

Никто не зналъ, какой курсъ возьметъ правительство: одинъ вечеръ намъ во фракціи сообщали, что оно идетъ на уступки, въ другой, наоборотъ, увѣряли, что участь думы давно рѣшена и правительство ищетъ только хорошій предлогъ къ роспуску. Эта послѣдняя версія подъ конецъ сдѣлалась преобладающей, и когда по предложенію аграрной комиссіи, государственная дума сдѣлала по аграрному вопросу постановленіе объ обращеніи къ населенію съ разъясненіемъ, правительство воспользовалось этимъ и объявило роспускъ думы, причемъ объявило въ недопустимой и оскорбительной для народнаго представительства формѣ: заперло двери Таврическаго дворца и поставило къ дверямъ военный караулъ. Члены думы только изъ правительственной афишки, выставленной на дверяхъ зданія думы, узнали о роспускѣ. Въ газетахъ извѣщеніе о роспускѣ появилось позднѣе.

Правительство, видимо, все же съ опаской приводило въ исполненіе свое «злодѣяніе» — иначе его нельзя назвать, такъ какъ по моему глубокому убѣжденію, это была первая дубина, брошенная подъ колеса мирной колесницы законнаго народнаго представительства и произведшая крушеніе какъ самой колесницы, такъ и всѣхъ свѣтлыхъ надеждъ и высокихъ упованій народа и его представителей. Этотъ же разгонъ первой думы толкнулъ народъ на путь крайнихъ мѣръ, сначала проявившихся въ избраніи несоотвѣтственно радикальной второй думы, затѣмъ во всѣхъ эксцессахъ солдатъ и крестьянъ по отношенію къ офицерамъ и помѣщикамъ послѣдующаго времени.

Правительство ожидало по меньшей мѣрѣ волненій въ столицѣ и протестовъ общества. Но оказалось, сверхъ всякихъ ожиданій, «злодѣяніе» не вызвало ни того, ни другого. И правительство осмѣлѣло, объявивъ реакціонное отступленіе по всему фронту. Безвольный Николай II, пойдя на эти уступки реакціи, тогда уже предрѣшилъ печальную участь династіи Романовыхъ.

Возмущенію среди депутатовъ не было границъ. Самые спокойные и разсудительные изъ нихъ опредѣленно заявляли о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій. Собраться въ столицѣ для ихъ обсужденія было не возможно; и быстро было принято рѣшеніе ѣхать всѣмъ, раздѣляющимъ точку зрѣнія необходимости дѣйствій Думы, не смотря на роспускъ, — въ Выборгъ, гдѣ имѣть засѣданіе, обсудить положеніе и принять общее рѣшеніе.

Значительное большинство членовъ думы приняло участіе въ выборгскомъ совѣщаніи и подписало извѣстное «выборгское воззваніе» членовъ думы къ избирателямъ. Выработка текста заняла весь вечеръ и въ теченіе ночи необходимо было его напечатать и перевезти въ Петербургъ для разсылки. Въ этой технической части мнѣ пришлось принять участіе: найти ночныхъ русскихъ наборщиковъ для экстренной работы въ Выборгѣ было не такъ то легко, и намъ помогъ въ этомъ дѣлѣ Н. А. Рубакинъ, который, будучи высланъ изъ столицы, жилъ въ это время въ Выборгѣ. У него были пріятели среди наборщиковъ и печатниковъ; ихъ отыскали и поставили на работу. Черезъ нѣсколько часовъ я читалъ и правилъ корректуру «воззванія», а къ утру горы его были напечатаны и постепенно переправлялись черезъ границу въ Петербургъ. Оригиналъ для подписи держался въ гостиницѣ «Бельведеръ», гдѣ имѣло мѣсто и самое совѣщаніе. Между прочимъ, хозяинъ этой гостинницы, благодаря этому сдѣлалъ себѣ хорошую рекламу: на стѣнѣ своей гостиницы при входѣ по лѣстницѣ на второй этажъ, громадными буквами написано, что въ залѣ этого зданія тогда то состоялось собраніе членовъ русской государственной думы, составлено и подписано «выборгское воззваніе»... Эта гостиница съ тѣхъ поръ сдѣлалась одной изъ достопримѣчательностей города.

Совершивъ свой, какъ это казалось тогда, долгъ передъ родиной и избирателями, депутаты распрощались и отправились въ провинцію давать отчетъ своимъ избирателямъ. Были подозрѣнія, не начнетъ ли правительство арестовывать депутатовъ; но они оказались неосновательными. Правительство черезъ шпіоновъ и иностранныхъ корреспондентовъ, несомнѣнно, знало обо всемъ происходившемъ въ Выборгѣ, но, не видя протестовъ въ столицѣ, оно было спокойно за глухую провинцію и очевидно рѣшило выжидать событій.

Было глухое лѣтнее время — каникулы и время разъѣзда по дачамъ и курортамъ. Петербургъ казался пустыннымъ, равнодушнымъ и непривѣтливымъ. Хотѣлось скорѣе его покинуть. Такъ

непріятенъ былъ контрастъ съ недавнимъ прошлымъ, полнымъ жизненнаго подъема и созидательнаго восторга...

Я быстро собрался и отправился въ Уральскъ подѣлиться своимъ негодованіемъ съ друзьями избирателями и дать имъ отчетъ о работѣ государственной думы и ея разгонѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Уральскъ, мои избиратели были освѣдомлены о случившемся и были настроены очень недружелюбно къ предержащей власти и съ нетерпѣніемъ ждали моего сообщенія о ходѣ событій въ Петербургѣ и Выборгѣ. Въ ближайшее по моемъ пріѣздѣ воскресенье былъ созванъ соединенный двухъ уральскихъ станицъ сходъ, на который собралась громадная толпа. Сходъ происходилъ на одной изъ городскихъ площадей подъ открытымъ небомъ.

Начальство, видя тревожное настроеніе населенія, пыталось не допустить моего доклада: сначала атаманъ отдѣла пытался уговорить меня не выступать съ рѣчью; потомъ пріѣхалъ на тройкѣ замѣщавшій наказного атамана начальникъ штаба Н. В. Родзянко (братъ предсѣдателя государственной думы послѣдняго созыва). Онъ пытался приказать сходу разойтись; но его встрѣтили свистками и недвусмысленными криками, заставившими его быстро отретироваться. Былъ опасный моментъ возможнаго насилія, но быстрый отъѣздъ начальства успокоилъ толпу, и я получилъ возможность дать публичный отчетъ избирателямъ.

Мое возмущеніе разгономъ думы было такъ велико, что оно невольно передалось въ рѣчи и соотвѣтственно настроило собраніе. Мнѣ никогда не приходилось держать рѣчь передъ такой громадной аудиторіей и на открытомъ воздухѣ. Требовалось особое напряженіе голосовыхъ средствъ и, какъ впослѣдствіи объяснилъ мнѣ врачъ, лечившій мое горло, я, очевидно, въ этотъ разъ надорвалъ голосовыя связки, и долго страдалъ горломъ, лишаясь временами способности говорить громко въ теченіе продолжительнаго времени, напр., читать лекціи.

Моя рѣчь, видимо, имѣла успѣхъ: послѣ рѣчи толпа подхватила меня на руки и вынесла къ экипажу, на которомъ я пріѣхалъ на сходъ... Между тѣмъ собрались тучи, грянулъ громъ и начался проливной лѣтній дождь, заставившій сходъ разойтись.

Такъ закончилось мое послѣ-думское свиданіе съ избирателями. Благородный протестъ перводумцевъ, конечно, имѣлъ свое политическое воспитательное дѣйствіе, но дѣйственнаго значенія онъ не имѣлъ какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и у насъ на Уралѣ.

Что касается моего личнаго самочувствія въ это время, оно было отвратительно: чувствовалось, что выбитъ изъ колеи какъ политической работы, такъ и научно-общественной.

Не будучи связанъ какими либо дѣлами въ Петербургѣ, я остался на лѣто въ Уральскѣ и занялся садомъ, который за мое отсутствіе былъ таки позапущенъ. Это занятіе дало возможность успокоиться и обдумать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Я былъ увѣренъ, что политическая борьба за конституцію, послѣ іюльскихъ событій 1906 г., разгорится съ новою силою, и всѣмъ намъ, перводумцамъ, неизбѣжно принять въ ней живѣйшее участіе, но уже не въ качествѣ возможныхъ кандидатовъ въ члены думы на новыхъ выборахъ, — такъ какъ большинство изъ насъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, — будучи привлечены къ судебной отвѣтственности, лишалось права быть избранными, — а въ качествѣ рядовыхъ гражданъ.

Не безъинтересно отмѣтить, что такое лишеніе права быть переизбранными — населеніе во многихъ мѣстахъ не желало признавать и упорно настаивало на переизбраніи тѣхъ самыхъ членовъ, которые были въ первой думѣ. Къ такимъ мѣстамъ принадлежала и земля уральскаго казачьяго войска: казаки категорически и долго отказывались намѣчать новыхъ кандидатовъ на выборахъ во вторую думу: «мы, де, считаемъ дѣйствія нашего избранника правильными и желаемъ, чтобы онъ оставался и во второй думѣ».

Съ большимъ трудомъ удалось уговорить ихъ, объяснивъ, что, если они такъ поступятъ, то останутся безъ представителя въ думѣ.

Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ раздраженія противъ дѣйствія правительства выборы во вторую думу дали большинство крайнимъ лѣвымъ элементамъ. Но отъ Уральскаго войска былъ избранъ Ф. А. Еремин, примкнувшій къ конституціонно-демократической партіи. Еремин былъ переизбираемъ въ третью и въ четвертую думы, и за все время его состоянія членомъ думы онъ находился со мной въ постоянномъ контактѣ.

Ф. А. Ереминъ впослѣдствіи принималъ участіе въ работѣ уральскаго временнаго правительства и умеръ въ 1919 г. отъ тифа. Покойный принималъ вмѣстѣ со мной дѣятельное участіе во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ въ г. Уральскѣ, о которыхъ говорилось въ главахъ I и II этихъ воспоминаній.

Положеніе К. Д. партіи во второй думѣ было не изъ легкихъ — быть все время на чеку между двухъ крайностей: правительства — въ лицѣ Столыпина, закусившаго удила и рѣшившаго сломить оппозицію и отстоять самодержавіе — съ одной стороны, и лѣваго большинства членовъ думы, пользовавшагося думской

трибуной преимущественно, если не исключительно, въ цѣляхъ партійной пропаганды, — съ другой. . Приходилось отгораживаться отъ того и другого и продолжать линію конституціонной партіи.

Я возвратился въ Петербургъ, рѣшивъ принять посильное участіе въ политической борьбѣ рука объ руку съ К. Д. партіей и продолжить, уже въ качествѣ частнаго лица, разработку матеріала, собраннаго во время каспійской экспедиціи 1904 г. и остававшагося необработаннымъ.

К. Д. партія рѣшила издавать «Думскій Листокъ», и я, совмѣстно съ Д. И. Шаховскимъ, Д. Д. Протопоповымъ, Я. К. Имшенецкимъ, А. В. Тырковой и др. членами партіи, прикосновенными къ печатному слову, принялъ въ этомъ изданіи ближайшее участіе. Въ качествѣ представителя печати я былъ постояннымъ посѣтителемъ засѣданій второй думы въ ложѣ журналистовъ и присутствовалъ при бурныхъ схваткахъ между крайними лѣвыми и Столыпинымъ. Въ качествѣ бывшаго члена государственной думы я оставался членомъ К. Д. фракціи послѣдующихъ думъ и былъ усерднымъ посѣтителемъ фракціонныхъ засѣданій.

Кромѣ «Думскаго Листка» я писалъ въ «Рѣчи» и давалъ статьи, черезъ фракціонное бюро печати, которымъ вѣдала А. В. Тыркова, для провинціальныхъ К. Д. газетъ.

Ради заработка приходилось писать, кромѣ того, въ «Торгово-Промышленной Газетѣ», гдѣ я велъ отдѣлъ по рыбѣ и холодильному дѣлу, и отдѣльныя книжки по спеціальности («Прудовое Хозяйство», 1907 г.).

Кромѣ кулуаровъ государственной думы и вечернихъ собраній во фракціи — общественная и политическая жизнь круговъ, къ которымъ я принадлежалъ, сосредоточивалась въ «К. Д.» клубѣ, который пріютили у себя адвокаты С. П. Б. судебнаго округа, имѣвшіе постоянную квартиру для своихъ собраній на Басковомъ переулкѣ. Организаторы вечеровъ нашего клуба съумѣли привлечь лучшія театральныя силы, такъ что воскресныя собранія «К. Д.» клуба бывали переполнены публикой до крайней возможности и проходили всегда очень оживленно. Концертно-литературная часть обычно имѣла мѣсто подъ конецъ вечера, — артисты являлись къ намъ отчасти по окончаніи представленій въ театрахъ. Начало же вечера посвящалось обзору и оцѣнкѣ текущихъ политическихъ событій въ государственной думѣ и въ правительствѣ; докладчиками были члены думы — чаще всего П. Н. Милюковъ и А. И. Шингаревъ. Петербургское общество въ своемъ политическомъ развитіи очень много обязано вечерамъ этого клуба, кои были организованы энергичными дѣятельницами женскаго «К. Д.» Общества

съ О. К. Нечаевой, А. С. Милюковой и Л. И. Жижиленко — во главѣ. Я всегда съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю вечера этого клуба, съ которыми у меня связано много новыхъ интересныхъ знакомствъ и много личныхъ переживаній. Отъ сухой и безъ видимыхъ обнадеживающихъ горизонтовъ политической жизни этого періода — мы отдыхали душой на этихъ вечерахъ.

Изъ крупныхъ событій этого періода петербургской жизни необходимо отмѣтить «Выборгскій процессъ членовъ Первой Государственной думы», имѣвшей мѣсто 12—18 декабря 1907 г.

Выборгскимъ процессомъ въ сущности заканчивалась исторія Первой Государственной Думы, политическая роль которой еще не вполнѣ оцѣнена и ждетъ своего историка. Въ качествѣ одного изъ рядовыхъ участниковъ этой думы и подсудимыхъ Выборгскаго процесса я могу лишь констатировать одно: и Дума, и процессъ перводумцевъ имѣлъ глубокое политически-воспитательное вліяніе на массу читающаго россійскаго обывателя. Я лично наблюдалъ это на моихъ избирателяхъ; тоже наблюдали многіе изъ моихъ товарищей по Первой Думѣ и процессу.

Послѣ разгона Первой Думы члены разъѣхались по домамъ и не видались между собой до Выборгскаго процесса, который собралъ ихъ вновь въ Петербургѣ: это былъ для насъ всѣхъ настоящій праздникъ, а процессъ далъ возможность освѣтить всю нелѣпость поведенія правительства, разогнавшаго эту умѣренную Думу.

Предвидя значеніе начавшагося въ С.-П.-Бургской судебной палатѣ процесса, мы озаботились стенографировать засѣданія и издать стенографическій отчетъ о нихъ. На эти стенограммы немедленно подписались крупнѣйшія ежедневныя газеты, и отчеты о засѣданіяхъ суда ежедневно печатались съ большими подробностями. Впослѣдствіи отчетъ вышелъ отдѣльной книжкой.

Въ организаціи этого дѣла я принялъ ближайшее участіе, завѣдуя веденіемъ стенограммъ, ихъ распредѣленіемъ и печатаніемъ Отчета о засѣданіяхъ въ формѣ отдѣльной книжки.

Какъ извѣстно, всѣхъ насъ «выборжцевъ» присудили къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію. Мы, проживавшіе въ Петербургѣ, предназначались отбыть тюремное заключеніе въ одиночныхъ камерахъ тюрьмы, что на Выборгской сторонѣ, извѣстной подъ названіемъ «Кресты».

Въ апрѣлѣ 1906 г. мы требовали амнистіи заключеннымъ въ этой тюрьмѣ, а въ маѣ 1908 г. насъ самихъ посадили въ эту самую тюрьму!..

Въ назначенный день наша петербургская группа прибыла на извощикахъ въ «Кресты»: насъ тепло провожали до самыхъ воротъ тюрьмы «К. Д.» дамы, сдѣлавшіяся нашими покровительницами и утѣшительницами во время скучной тюремной жизни: они распредѣлили между собой всѣхъ насъ заключенныхъ, и каждая посылала намъ еженедѣльно 2—3 раза короткую вѣсточку-открытку съ видами то изъ Швейцаріи, то изъ Крыма, то еще откуда нибудь. Кромѣ того, особая группа, оставшаяся въ Петербургѣ, заботилась о снабженіи тѣхъ изъ заключенныхъ, у кого не было родныхъ, всѣмъ необходимымъ и аккуратно извѣщала о крупныхъ событіяхъ (газетъ къ намъ не допускали). Это теплое и заботливое отношеніе къ намъ «К. Д.» дамъ значительно облегчало наше заключеніе, и всѣ мы были безконечно имъ благодарны.

Вспоминаю я одинъ казусъ съ тюремной администраціей по поводу этихъ открытокъ съ красивыми видами: у меня набралось ихъ дюжины двѣ, и, чтобы немножко скрасить унылую одиночку, я украсилъ ими стѣну передъ столомъ, на которомъ работалъ.

Является смотритель и говоритъ, что это не дозволено правилами. Я прошу его показать соотвѣтствующую статью, запрещающую это дѣлать. Статьи, конечно, не оказалось, и я отказался исполнить его требованіе.

Тогда онъ измѣнилъ тактику и просилъ не подвести его: по камерамъ скоро должна проходить инспекція и онъ знаетъ, что ему за эти картинки на стѣнахъ «нагоритъ»... Ну, тогда я уважилъ его просьбу и снялъ открытки со стѣны.

Тюремная администрація, очевидно, получила насчетъ насъ спеціальныя инструкціи — не дѣлать никакихъ поблажекъ, и общій режимъ въ тюрьмѣ сдѣлался строже обыкновеннаго: запретили совершенно приносить какіе либо пищевые продукты — фрукты, сласти и т. п.; до нашего прибытія это свободно допускалось; такимъ образомъ, изъ-за насъ пострадали и другіе заключенные. Свиданія разрѣшались намъ очень рѣдко и только по истеченіи 2—3 недѣль отъ начала заключенія. Чтобы испортить удовольствіе отъ свиданія съ родными, ихъ отдѣляли рѣшеткой. Помню, какъ мнѣ пришлось поцѣловать на прощанье дочку черезъ холодную проволочную рѣшетку...

Но стражники были на нашей сторонѣ, и очень скоро черезъ нихъ у насъ установились не только сношенія между камерами (передавались записки), но даже начала издаваться газета съ краткими новостями текущей жизни.

Въ одномъ со мною корпусѣ, только въ другомъ этажѣ надо мной, оказались Д. Д. Протопоповъ, Н. А. Гредескулъ и М. М.

Винаверъ; въ одномъ со мной этажѣ, черезъ галлерею, оказался И. В. Жилкинъ; съ нимъ мы встрѣчались ежедневно при возвращеніи съ прогулокъ, которыя имѣли мѣсто на внутреннемъ дворикѣ.

Протопоповъ и Гредескулъ регулярно дѣлали гимнастику и этимъ поддерживали хорошее физическое состояніе. Слѣдуя ихъ примѣру, и я прибѣгъ къ этому средству. Конечно, всѣ мы много читали: библіотека «Крестовъ» довольно богата книгами, благодаря тому, что, какъ намъ объяснили, политическіе заключенные, получавшіе въ изобиліи новыя книги «съ воли», оставляли ихъ въ тюрьмѣ.

Я перечиталъ всего Гамсуна, съ которымъ былъ мало знакомъ, Шекспира и Герцена (послѣдняго во второй разъ). Но большую часть моего времени въ тюрьмѣ я посвящалъ писанію книги, которая была въ частномъ порядкѣ заказана мнѣ департаментомъ земледѣлія (точнѣе ея директоромъ Н. А. Крюковымъ) — «Искусственное охлажденіе и его примѣненіе къ храненію и перевозкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ». Требовалось особое разрѣшеніе на то, чтобы доставить въ тюрьму и допустить въ камеру книги, матеріалы и письменныя принадлежности въ неограниченномъ количествѣ (для писанія писемъ разрѣшалось брать не болѣе двухъ листиковъ почтовой бумаги).

Отводя все утро усердному писанію книги, матеріалъ для которой у меня былъ подготовленъ, я за свое сидѣніе въ тюрьмѣ закончилъ ее и заработалъ на ней около 600 рублей. Книга вышла удачной и до войны выдержала два изданія. Это, значитъ, я писалъ «съ разрѣшенія начальства»... А безъ его разрѣшенія на листкахъ отрывного календаря я писалъ тюремный дневникъ со всѣми нашими злобами дня и приключеніями. Сверхъ сего, по ассоціаціи идей, такъ сказать, вспомнилось мое первое сидѣніе въ тюрьмѣ «Предварилкѣ» (см. гл. I), и я написалъ довольно живой, помнится мнѣ, очеркъ обоихъ моихъ пребыванiй въ тюрьмѣ съ приведеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ заключеніе.

Согласно тюремнымъ правиламъ рукопись моей упомянутой книги за тюремными печатями, съ помѣткой «арестанта камеры номеръ такой-то, Бородина», отправлена была въ департаментъ земледѣлія, и эта посылка изъ тюрьмы, конечно, произвела въ департаментѣ цѣлую сенсацію. Послѣ мнѣ передавали, что Н. А. получилъ репримандъ отъ тогдашняго нашего министра за сношенія съ политическими заключенными. Провѣрить вѣрность этого сообщенія, однако, мнѣ въ свое время не пришлось.

Другія же мои тюремныя рукописи, нелегальныя, такъ сказать, надо было какъ нибудь ухитриться вынести изъ тюрьмы. Спря-

тавъ листочки рукописи между большимъ количествомъ имѣвшхся у меня въ камерѣ книгъ, я благополучно вынесъ и ихъ. Печатать ихъ было невозможно по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, и онѣ оставались у меня въ квартирѣ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени. Дневникъ сохранился, подготовляется къ печати. Рукопись же объ арестѣ 1886 г. попала въ руки полиціи, явившейся ко мнѣ какъ то ночью, по недоразумѣнію, съ обыскомъ и отобравшей эти рукописи. Всѣ мои попытки вернуть ихъ изъ департамента полиціи не удались. Въ этой рукописи я подробно описалъ наши университетскіе «С. Д.» грѣхи молодости и печатаніе первой нелегальной газеты для рабочихъ «Рабочій». Ужасно обидно, что эта рукопись пропала. Я не смогъ уже теперь, въ настоящихъ воспоминаніяхъ, писанныхъ 20 лѣтъ спустя послѣ моего сидѣнія въ «Крестахъ», возстановить многія подробности, которыя я тогда въ 1908 г. вспомнилъ и записалъ.

Со временемъ моего сидѣнія въ «Крестахъ» совпалъ четвертый Международный конгрессъ рыболовства и рыбоводства, имѣвшій мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Въ качествѣ бывшаго генеральнаго секретаря одного изъ конгрессовъ и постояннаго участника такихъ конгрессовъ — я получилъ приглашеніе быть на конгрессѣ, но участвовать, конечно, не могъ по «независящимъ отъ меня обстоятельствамъ». Извѣщеніе объ этомъ, съ объясненіемъ причинъ моего неучастія на съѣздѣ, я послалъ изъ тюрьмы, и полученное моими американскими коллегами при открытіи конгресса оно произвело, какъ мнѣ потомъ передавалъ Хюгъ Смитсъ, бывшій американскій комиссаръ рыболовства, — настоящую сенсацію.

Между тѣмъ былъ уже не далекъ и конецъ нашего заключенія. Самыми непріятными днями были послѣдніе 5—6 дней... Ни читать, ни работать какъ то уже не хотѣлось, и стало чувствоваться утомленіе отъ ненормальнаго тюремнаго режима. Это непріятное чувство, какъ это ни покажется страннымъ, лично у меня усилилось по выходѣ изъ тюрьмы. Наступила какая то реакція нервной системы, и долгое время я не могъ ни на чемъ сосредоточиться или чѣмъ либо заняться. Очевидно, все же въ заключеніи пришлось жить напряженными нервами, и по выходѣ они реагировали нервной усталостью.

Отдыхать я поѣхалъ съ семьей на Черноморское побережье Кавказа, гдѣ мы съ удовольствіемъ провели конецъ лѣта, побывавъ въ Новороссійскѣ, Туапсе, Сочи, Новомъ Афонѣ и Сухумѣ.

Съ открытіемъ въ Петербургѣ сезона намъ «выборжцамъ» устроили торжественный ужинъ, и мы чувствовали себя въ нѣкоторомъ родѣ героями.

Работа въ Первой Думѣ и тюрьма за нее тѣсно сблизила всѣхъ участниковъ. Въ память открытія Первой Думы мы впослѣдствіи регулярно собирались на товарищескій обѣдъ, на который иногда пріѣзжали въ столицу и наши провинціальные товарищи. Эти обѣды поддерживали политическое единеніе прогрессивныхъ элементовъ и представляли для всѣхъ насъ громадный интересъ и значеніе.

На этихъ же обѣдахъ возникла мысль о созданіи особаго Комитета помощи бывшимъ членамъ Первой Государственной Думы, положеніе которыхъ и ихъ семей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи оказалось крайне тяжелымъ и требовало общественнаго участія. Мысль эта была осуществлена, и комитетъ работалъ въ теченіе ряда лѣтъ вплоть до войны. Предсѣдателемъ его былъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, дѣятельнымъ членомъ былъ всегда Л. М. Брамсонъ. Въ числѣ различныхъ источниковъ для полученія средствъ однимъ изъ крупныхъ оказалась выручка отъ продажи напечатаннаго по моей идеѣ и при ближайшемъ моемъ участіи Стенографическаго Отчета о Выборгскомъ процессѣ. Забота о его распространеніи и полученіе денегъ отъ его продажи лежало на моей обязанности какъ одного изъ членовъ этого комитета.

ГЛАВА VIII.

ПОСЛѢ ТЮРЬМЫ ДО МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1917 ГОДА (1908—1917 Г.).

Работа о каспійскихъ сельдяхъ и ихъ промыслѣ. — Комитетъ по холодильному дѣлу и мое участіе въ немъ. — Вторая поѣздка въ Америку и задуманная книга о Соединенныхъ Штатахъ. — Обстоятельства возвращенія на службу въ министерство земледѣлія. — Приглашеніе читать лекціи на Высшихъ С. Х. Курсахъ. — Заграничныя командировки. — Поѣздка въ отпускъ въ Стокгольмъ. — Объявленіе войны съ Германіей и настроенія въ Петербургѣ. — Общество сближенія между Россіей и Америкой: грандіозный митингъ, организованный этимъ обществомъ въ 1917 году. — Работа на помощь военноплѣннымъ. — Мои послѣднія командировки отъ царскаго правительства: въ Уральскъ, въ Финляндію и на фронтъ. — Въ Ковно передъ сдачей нѣмцамъ этой крѣпости. — Настроенія въ Петроградѣ въ зиму 1916—1917 года: обличительныя рѣчи въ государственной думѣ; убійство Распутина. — А. С. Пругавинъ о Распутинѣ. — Мартовская революція: отреченіе Николая II отъ престола и образованіе временнаго правительства кн. Львова. — Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. — Государственное Совѣщаніе. — Временное правительство Керенскаго. — Предчувствіе А. И. Шингарева.

Какъ я уже упоминалъ, въ періодъ между 1906—1908 г. г. я занимался обработкой матеріала по Каспійской экспедиціи 1904 г. Результаты этой работы были опубликованы въ 1908 г. въ книгѣ подъ заглавіемъ «Каспійскія сельди и ихъ промыселъ», т. II Трудовъ Каспійской экспедиціи. Нѣкоторыя главы ея написаны Е. К. Суворовымъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ книга и появилась въ печати.

Въ томъ же 1908 г. была напечатана написанная мною въ тюрьмѣ книга по холодильному дѣлу. Этому послѣднему я удѣлялъ въ данный періодъ жизни много вниманія и времени. Въ 1908 г. состоялся въ Парижѣ первый международный конгрессъ по холодильному дѣлу, и въ связи съ этимъ въ Петербургѣ былъ организованъ русскій комитетъ по холодильному дѣлу, принятый подъ покровительство министерства финансовъ. Предсѣдателемъ мы избрали члена государственнаго совѣта В. И. Денисова, тов. предс. Е. С. Каратыгина. Я вѣдалъ издательско-редакціоннымъ бюро, которое вскорѣ начало печатать «Извѣстія Комитета по Холодильному дѣлу», выходившія подъ моей редакціей вплоть до 1917 года.

Я упоминалъ въ гл. V о своихъ начинаніяхъ 1894—1895 г. г. по введенію холодильнаго дѣла на Уралѣ. Съ тѣхъ поръ частная иниціатива въ области холодильнаго дѣла сдѣлала нѣкоторые успѣхи, но все еще не было сознанія государственной важности этого дѣла, и вновь образованный комитетъ преслѣдовалъ эту главную цѣль, а также помогалъ своими техническими силами разрѣшенію частныхъ вопросовъ. Дѣло это было несомнѣнно жизненное, и комитетъ по холодильному дѣлу вскорѣ пріобрѣлъ опредѣленно-авторитетное положеніе не только въ Россіи, но и заграницей, съ которой мы, путемъ обмѣна «Извѣстіями», установили постоянныя сношенія.

За періодъ времени съ 1908 по 1913 г. мы двинули холодильное дѣло очень далеко: оно сдѣлалось популярнымъ, и когда въ этомъ послѣднемъ году былъ созванъ въ Чикаго международный конгрессъ по холодильному дѣлу, мы представили на немъ подробный обзоръ положенія холодильнаго дѣла въ Россіи, показывавшій быстрый ростъ у насъ этой отрасли промышленности. На этотъ конгрессъ изъ Россіи была командирована цѣлая группа представителей разныхъ вѣдомствъ: А. А. Саткевичъ — отъ военнаго министерства, М. Н. Гротенъ — отъ мин. путей сообщенія, Э. Г. Перримондъ — отъ комитета по холод. дѣлу, я — отъ мин. земледѣлія и комитета по холод. дѣлу.

Это была моя вторая поѣздка въ Америку — черезъ 20 лѣтъ послѣ перваго ея посѣщенія.

Въ области холодильнаго дѣла, въ смыслѣ его широкаго примѣненія, американцы стояли впереди всѣхъ странъ и могли похвастаться передъ европейцами. Обставили они конгрессъ въ Чикаго на славу: устроили большую и поучительную выставку, подготовили рядъ интересныхъ докладовъ о положеніи холодильнаго дѣла

въ странѣ и о техническихъ успѣхахъ въ этой области, достигнутыхъ за послѣднее время и, что было особенно поучительно и полезно, — организовали рядъ осмотровъ заводовъ, холодильныхъ складовъ и не только въ Чикаго, но и въ другихъ городахъ. Не обошлось и безъ поѣздокъ просто для ознакомленія со страной, включая посѣщеніе столицы и Ніагарскаго водопада.

Для меня все это было не ново, но поучительно, такъ какъ, на основаніи моего прежняго знакомства съ Америкой, я могъ судить о происшедшихъ перемѣнахъ. Но на примѣрѣ бывшихъ со мною коллегъ по холодильному дѣлу я видѣлъ, какъ мало у насъ знаютъ Америку и какъ, въ сущности, важно для насъ русскихъ знакомиться ближе со всѣми сторонами жизни этого заатлантическаго колосса, выросшаго въ условіяхъ полной свободы, самодѣятельности и самоуправленія, на дѣвственной почвѣ нетронутыхъ естественныхъ богатствъ и широкаго простора громадной страны, весьма близкой во многихъ отношеніяхъ къ Россіи. Эта мысль о параллельномъ сравненіи обѣихъ странъ и о необходимости ознакомить широкія слои русскаго читающаго люда съ Америкой настолько завладѣла моимъ вниманіемъ, что я тогда же рѣшилъ написать на эту тему книгу, и въ это второе мое посѣщеніе Америки сталъ усиленно собирать необходимый для этой цѣли матеріалъ — кромѣ личныхъ наблюденій, — преимущественно печатный и притомъ касающійся всѣхъ сторонъ американской жизни. Это составило довольно изрядную кучу книгъ, отчетовъ и т. п.

Въ свою первую поѣздку мнѣ не пришлось побывать на Тихоокеанскомъ побережьѣ Америки. Въ этотъ разъ мнѣ представилась возможность посѣтить и западные штаты: министерство земледѣлія, въ которое я вернулся на службу въ 1910 г. — объ этомъ два слова ниже, — поручило мнѣ попутно ознакомиться съ новѣйшими пріемами разведенія тихоокеанскаго лосося, имѣя въ виду нашъ лососевый промыселъ Дальняго Востока. Съ этой цѣлью я проѣхалъ въ штатъ Орегонъ, гдѣ осмотрѣлъ нѣсколько заводовъ для разведенія лосося на р. Колумбіи и ея притокахъ.

Не мало интереснаго я имѣлъ возможность наблюдать въ этотъ переѣздъ черезъ весь сѣв. американскій континентъ съ востока на западъ — въ отношеніи природы, общихъ географическихъ условій страны и особенностей сельско-хозяйственной культуры отдѣльныхъ штатовъ на моемъ пути: богатѣйшихъ штатовъ по выращиванію кукурузы и вскармливаніи скота (штаты Айова и Небраска), дивнаго по красотѣ пейзажа Уайоминга, оригинальнаго по своей пустынности и по широкой оросительной системѣ штата Айдахо и богатѣйшаго лѣсами и садами штата Орегонъ.

Въ этомъ послѣднемъ оказалось много интереснаго для осмотра и въ отношенiи холодильнаго дѣла въ примѣненiи его къ плодоводству. Дѣло въ томъ, что главный сбытъ превосходнѣйшихъ яблокъ, выращиваемыхъ въ этомъ штатѣ, имѣетъ мѣсто въ крупныхъ восточныхъ населенныхъ центрахъ — Чикаго, Питсбургъ, Нью-Іоркъ, Бостонъ и др., и фрукты необходимо перевозить черезъ весь континентъ, что даже въ скорыхъ поѣздахъ беретъ не менѣе 5 дней. Это и вызвало необходимость примѣненія предварительнаго охлажденія фруктовъ и перевозки ихъ въ спеціальныхъ вагонахъ-ледникахъ. Станція для предварительнаго охлажденія устроена въ самомъ центрѣ сбора фруктовъ, и одну изъ таковыхъ, къ тому же интересную съ точки зрѣнія примѣненія въ этомъ дѣлѣ кооперативнаго принципа, на р. Гудъ я посѣтилъ и описалъ въ книгѣ «Искусственное Охлажденіе», второе изданіе Деп. Земл. 1916 г.

Эта поѣздка 1913 г. въ Америку дала мнѣ очень богатый матеріалъ, использованный въ рядѣ статей по двумъ моимъ спеціальностямъ — рыбоводству и холодильному дѣлу, въ лекціяхъ по этимъ предметамъ на Сельскохозяйственныхъ курсахъ, куда я былъ приглашенъ въ 1910 г. и продолжалъ состоять преподавателемъ до 1917 г., о чемъ ниже, и главное для задуманной книги «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія».

Однако, я забѣжалъ нѣсколько впередъ и необходимо вернуться назадъ, чтобы сохранить хронологическую послѣдовательность.

Мы, выборжцы, и послѣ отсидки въ тюрьмѣ находились въ правительственной опалѣ. Но вскорѣ послѣдовало компетентное юридическое толкованіе, что эта опала произвольна и что мы не лишены права возвратиться на государственную службу. Первымъ пробнымъ камнемъ былъ случай съ проф. А. С. Ломшаковымъ, котораго вскорѣ приняли обратно профессоромъ въ Политехническій Институтъ. Въ Москвѣ и Харьковѣ тоже нѣкоторые выборжцы были возстановлены въ правахъ и возвратились на службу. Имѣя въ виду такіе прецеденты, и я сдѣлалъ заявленіе о желаніи вернуться къ прежней работѣ, и въ 1910 г. вновь поступилъ на службу въ Департаментъ земледѣлія. Въ томъ же году меня пригласили читать лекціи по рыбоводству и холодильному дѣлу на Каменно-островскихъ высшихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ. По соглашенію съ департаментомъ земледѣлія впослѣдствіи при нихъ былъ открытъ спеціальный курсъ для подготовки инструкторовъ рыбоводства; организація этого курса и завѣдываніе имъ были поручены мнѣ.

Кромѣ сельскохозяйственныхъ курсовъ въ этотъ періодъ я читалъ лекціи по рыбоводству кандидатамъ на занятіе должностей

смотрителей рыболовства и по холодильному дѣлу на особыхъ курсахъ, посвященныхъ этому предмету и организованныхъ по иниціативѣ комитета по холодильному дѣлу департаментомъ земледѣлія.

Въ періодъ времени между 1910 г. и началомъ войны я былъ въ слѣдующихъ заграничныхъ командировкахъ: въ Римѣ на пятомъ международномъ конгрессѣ рыболовства; мой докладъ «Pêche ot Pisciculture on Russie» напечатанъ въ Atti del V Congresso Int. di Pesca. Roma 1913; въ Бернѣ — на зоологическомъ конгрессѣ; въ Остенде — на конгрессѣ по рыболовству и въ Чикаго на международномъ конгрессѣ по холодильному дѣлу, о которомъ я уже выше разсказалъ.

Вернувшись изъ Америки, я рѣшилъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, засѣсть за писаніе книги объ Америкѣ. Работа требовала большого труда по выборкѣ, табулированію статистическихъ свѣдѣній, для чего, въ виду спѣшки, я пригласилъ помощницу. Все свободное время я посвящалъ писанію текста, но вскорѣ убѣдился, что, чтобы выполнить задуманную работу, необходимо освободиться отъ текущихъ занятій. Я взялъ двухмѣсячный отпускъ, отправился въ Стокгольмъ и поселился близъ него въ одномъ изъ тихихъ лѣтнихъ курортовъ съ купаньемъ и тамъ написалъ большую часть книги, изданной книгоиздательствомъ «Огни»: «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія». Петроградъ, 1915.

Объявленіе войны застало меня въ Швеціи, и послѣдній пароходъ прямого сообщенія Стокгольмъ-Петербургъ ушелъ внѣ росписанія, такъ что я не попалъ на него, и мнѣ пришлось возвращаться въ Петербургъ черезъ Торнео и Финляндію — съ обычными по новому направленію приключеніями: между шведской и финляндской ж. д. не было смычки, часть пути пришлось ѣхать на лошадяхъ и брать мѣста въ вагонѣ почти что съ боя и гдѣ только попало: пріѣхалъ я въ Петербургъ въ багажномъ вагонѣ и сидѣлъ на чемоданахъ. Но въ хорошей компаніи неунывающей молодежи ѣхать было превесело...

Въ Петербургѣ, вскорѣ переименованномъ по случаю войны съ Германіей въ Петроградъ (что, однако, не спасло нашу столицу отъ позора быть вторично переименованной въ Ленинградъ), царило громадное патріотическое воодушевленіе, центромъ котораго была, несомнѣнно, Государственная дума, въ которой всѣ партіи, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ, объединились на вопросѣ войны съ Германіей. Засѣданія государственной думы этого времени привлекали громадное количество публики, блистали рѣчами лучшихъ

ораторовъ и были торжественны по обстановкѣ: на нихъ почти всегда присутствовали представители державъ — нашихъ союзниковъ, въ честь которыхъ устраивались въ связи съ рѣчами громкія оваціи.

Не обошлось и безъ личныхъ сценъ выраженія непріязни къ врагамъ нѣмцамъ: какъ извѣстно, уличная толпа разгромила зданіе германскаго посольства, что на Маріинской площади.

Всѣ интересы партій и общественныхъ группъ отнынѣ вращались вокругъ вопроса войны. Всѣ государственныя средства направлены были во всепоглощающее русло колоссально разросшагося бюджета военныхъ снаряженій; рядъ намѣченныхъ государственной думой широкихъ плановъ внутренняго строительства и мирной культуры — по всеобщему образованію, по содѣйствію сельскому хозяйству и пр. — пришлось отложить на неопредѣленное время въ силу бюджетныхъ сокращеній по всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ военнаго. Мобилизація сразу забрала массу научныхъ и просвѣтительныхъ работниковъ, превращенныхъ ускореннымъ темпомъ въ офицеровъ и техниковъ военнаго дѣла.

Громадное большинство интеллигентной молодежи шло на возможную смерть въ бояхъ съ полнымъ сознаніемъ патріотическаго долга и со страстнымъ желаніемъ побѣды, что отвѣчало господствующему настроенію интеллигенціи вообще. Но были среди нея и среди призванной въ строй молодежи такъ называемые «пораженцы», т. е. приверженцы того ненормальнаго теченія русской общественной мысли, которое желало не побѣды русскому оружію, а пораженія, видя въ послѣднемъ надежду на измѣненіе къ лучшему политической жизни.

Были пораженцы и другого, болѣе одіознаго характера, которые намѣчали послѣ пораженія планъ революціоннаго захвата власти пролетаріатомъ и водворенія соціалистическаго царства.

Къ первой категоріи принадлежала часть соціалистовъ революціонеровъ, въ томъ числѣ часть редакціи «Русскаго Богатства».

Ко второй соціалъ-демократы большевики. Послѣдніе работали больше подпольно и за границей. Пораженцы же С. Р. проводили свое мнѣніе въ печати и въ общественныхъ кругахъ. Я помню горячія стычки на этой почвѣ между лицами, прикосновенными къ литературѣ. Многіе бывшіе друзья, разойдясь во мнѣніяхъ, сдѣлались изъ-за этого врагами.

Наконецъ, среди бывшихъ дипломатовъ были горячіе противники войны съ Германіей, стоявшіе за необходимость возможно скораго ея прекращенія: по ихъ мнѣнію, она грозила самому существованію Россійскаго государства. Къ этой категоріи принадле-

жалъ, между прочимъ, членъ государственнаго совѣта баронъ Р. Р. Розенъ, бывшій русскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Японіи.

Р. Р. Розенъ былъ предсѣдателемъ «Общества сближенія между Россіей и Америкой», организованнаго въ Петроградѣ по моей инициативѣ въ 1915 г. Это общество ставило своими ближайшими задачами: ознакомленіе широкихъ круговъ русскаго общества съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами путемъ организаціи систематическихъ лекцій и докладовъ о всѣхъ сторонахъ хозяйственной и промышленной дѣятельности американцевъ, ихъ бытѣ, культурѣ, наукѣ и литературѣ и путемъ образовательныхъ экскурсій въ Соединенные Штаты. Въ этихъ видахъ были установлены связи и сношенія съ американскими учрежденіями и обществами, намѣчалось приглашеніе лекторовъ изъ Америки въ Петроградъ и командировки русскихъ лекторовъ въ Америку.

Въ теченіе 1915—1916 г. г. Общество устраивало рядъ докладовъ и лекцій объ Америкѣ. Когда же Соединенные Штаты присоединились къ союзникамъ и выступили въ 1917 г., наше общество организовало въ залѣ городской думы публичное собраніе, на которомъ выступали съ рѣчами: П. Н. Милюковъ, М. М. Ковалевскій и др. ораторы со стороны Россіи и посолъ Соединенныхъ Штатовъ Фрэнсисъ и коммерческій атташе Хентингтонъ — со стороны Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Ex officio сказали: вступительную рѣчь Р. Р. Розенъ и нѣсколько словъ о задачахъ и работѣ общества — пишущій эти строки, — въ качествѣ вицепредсѣдателя общества.

Это собраніе привлекло до 2000 слушателей, прошло съ большимъ воодушевленіемъ и сопровождалось оваціей въ честь Соединенныхъ Штатовъ по случаю ихъ вступленія въ антигерманскій союзъ.

Конечно, положеніе предсѣдателя нашего общества дѣлалось щекотливымъ: онъ, — сознательный противникъ войны съ Германіей, былъ принужденъ предсѣдательствовать на такомъ собраніи... Какъ человѣкъ прямой и въ высокой степени корректный — Розенъ очень скоро вслѣдъ за этимъ собраніемъ на засѣданіи совѣта нашего общества заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ отказаться отъ предсѣдательствованія въ обществѣ, въ виду своего разногласія съ членами совѣта [1]) по вопросу о войнѣ и роли въ ней Соединенныхъ Штатовъ.

---

[1]) Въ составъ совѣта кромѣ предсѣдателя и двухъ его товарищей В. И. Похитонова и Н. А. Бородина входили: М. И. Янцынъ, американецъ Корсъ и П. Н. Мижуевъ.

Отставка Р. Р. Розена была принята и его замѣстителемъ былъ избранъ совѣтомъ я. Въ этомъ же засѣданіи Розенъ роздалъ намъ свою брошюру о войнѣ, въ которой доказывалась горячо необходимость какъ можно скорѣе заключить миръ съ Германіей...

При тогдашнемъ нашемъ настроеніи это звучало полнымъ диссонансомъ, а между тѣмъ предсказаніе Розена о возможной гибели Россіи, не могущей по его убѣжденію благополучно вынести тяжесть войны, оказалось вѣщимъ...

Розенъ, нынѣ уже покойный, предусмотрительно выбрался заблаговременно изъ Россіи въ Финляндію, а потомъ переѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ, уже по окончаніи войны, печаталъ свои воспоминанія о періодѣ русско-японской и русско-германской войны въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ американскихъ еженедѣльниковъ «Saturday Evening Post».

Возвращаясь къ своей петроградской жизни дореволюціоннаго періода, могу отмѣтить, что нормальная жизнь высшихъ учебныхъ заведеній была въ это время нарушена во первыхъ потому, что многіе изъ студентовъ и нѣкоторые профессора были призваны въ армію; во вторыхъ по отношенію къ такимъ частнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ Каменноостровскіе С. Х. курсы, гдѣ я преподавалъ, военное вѣдомство вело себя довольно безцеремонно: въ одно прекрасное утро зданіе курсовъ было занято подъ солдатскія казармы, и это длилось около полугода; большихъ усилій стоило добиться ихъ освобожденія отъ солдатскаго постоя.

Въ области общественной дѣятельности, связанной съ войной, мнѣ пришлось поработать съ 1915 по 1917 г. на помощь русскимъ военноплѣннымъ въ Германіи и въ Австро-Венгріи. Число ихъ увеличивалось по мѣрѣ развитія военныхъ операцій и къ концу войны превышало милліонъ. Очень скоро въ Россію стали доходить слухи объ очень тяжелыхъ физическихъ и моральныхъ условіяхъ ихъ жизни въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Съ помощью представителей нейтральныхъ державъ ужасы положенія военноплѣнныхъ и ихъ нужды были выяснены въ подробностяхъ, и наиболѣе отзывчивые во всѣхъ случаяхъ массовыхъ бѣдствій Союзы земствъ и городовъ первые начали широкую организацію помощи военноплѣннымъ пищевыми продуктами, одеждой, книгами и пр.

Первоначально помощь была организована городомъ Москвой съ М. В. Челноковымъ во главѣ. Непосредственно же это дѣло велъ тамъ энергичный молодой человѣкъ Навашинъ. Впослѣдствіи Всероссійскій Союзъ городовъ взялъ все дѣло подъ свое покровительство, а въ Петроградѣ былъ образованъ особый отдѣлъ,

въ которомъ я и принималъ все время дѣятельное участіе, въ качествѣ члена совѣта. Большое число добровольныхъ, конечно, безплатныхъ, работниковъ отдавало свое время этой работѣ, и она несомнѣнно давала всѣмъ намъ, не бывшимъ непосредственно на фронтѣ, нравственное удовлетвореніе, особенно, когда мы стали получать непосредственно отъ военноплѣнныхъ письма съ сообщеніемъ, какъ сильно улучшилось ихъ положеніе со времени вмѣшательства въ это дѣло русскихъ общественныхъ организацій. Въ общемъ къ 1917 г., когда мнѣ пришлось уѣхать въ Америку, дѣло это приняло грандіозные размѣры: заграницей были основаны два крупныхъ агентства, черезъ которыя въ большинствѣ шли посылки, письма и пр. Не слѣдуетъ забывать, что одинъ фактъ отысканія въ живыхъ того или другого лица — для его родственниковъ имѣлъ громадное значеніе, а отыскивать ихъ при милліонномъ числѣ разбросанныхъ по двумъ странамъ плѣнныхъ требовало обширной, систематически работающей организаціи.

Моей послѣдней командировкой по гражданскимъ дѣламъ была поѣздка весною 1915 года въ Уральскъ для разведенія осетровъ. Моимъ помощникомъ былъ І. А. Боровикъ, впослѣдствіи перешедшій, въ качествѣ поляка, на службу въ Польшу. Намъ удалось вывести около 90 000 мальковъ осетра, выростить 16 штукъ до 3 мѣсяцевъ и 8 шт. до 7 мѣсяцевъ. Много интереснаго и новаго дали эти опыты относительно условій, при которыхъ можно получить зрѣлую осетровую икру, а также о манипуляціяхъ по успѣшному выводу и содержанію осетровыхъ мальковъ.

Война коснулась и меня въ томъ отношеніи, что пришлось принимать дѣятельное участіе въ особомъ совѣщаніи при завѣдующемъ отдѣломъ снабженія арміи — по холодильному дѣлу, пришлось побывать на сѣверѣ Финляндіи для осмотра доставленной туда норвежской сельди для арміи и, наконецъ, посѣтить и фронтъ для осмотра складовъ рыбы для арміи.

Въ совѣщаніи по холодильному дѣлу выяснилось, насколько правительство было неподготовлено для снабженія арміи мясомъ и другими скоропортящимися продуктами. Комитетъ по холодильному дѣлу, о работѣ въ которомъ я упоминалъ выше, начиная съ 1908 г. усиленно «долбилъ» правительству по всѣмъ вѣдомствамъ; долженствующимъ развивать холодильное дѣло — мин. финансовъ, торговли, земледѣлія, путей сообщенія и военному — о необходимости развитія широкаго примѣненія холодныхъ складовъ; но всѣ наши усилія не могли пробить бюрократической брони. М-ства

финансовъ и торговли ограничивались отпускомъ комитету скудныхъ средствъ на веденіе дѣла, изданіе «Извѣстій» и на разработку общаго плана холоднаго строительства; бывшій директоръ департамента земледѣлія С. Н. Ленинъ отозвался о холодильномъ дѣлѣ такъ, что де «оно важно больше для кухни и поваровъ, а не для министерства земледѣлія»...

Какъ бы для поученія сего бюрократа истинѣ ему же въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ снабженія мин-ва землед. пришлось потомъ прибѣгнуть, конечно, уже поздно, къ совѣщанію экспертовъ холодильнаго дѣла по требованію военнаго министерства. Министерство Путей сообщенія занималась безконечно длительной разработкой проектовъ вагоновъ-ледниковъ, задерживая частную иниціативу въ этой области, военное же министерство было захвачено требованіями арміи врасплохъ и хватилось строить холодные склады для мяса въ тылу ускореннымъ темпомъ безъ соблюденія главнѣйшихъ требованій отъ такихъ складовъ въ смыслѣ ихъ прочности.

Эти тыловые деревянные холодильники, стоившіе казнѣ болѣе 5 милліоновъ рублей, уже въ 1918 г. признаны были никуда негодными и только ихъ машины можно было какъ нибудь использовать.

Поѣздка въ Финляндію зимою, гдѣ я посѣтилъ нѣсколько городовъ, была интересна въ отношеніи наблюденія о настроеніи финляндцевъ по отношенію къ русскимъ. Не скажу, чтобы я особенно хорошо зналъ Финляндію и финновъ, но я частенько бывалъ въ Выборгѣ, Гельсингфорсѣ, любилъ ихъ порядокъ, честность и добрыя отношенія къ русскимъ, былъ благодаренъ имъ за пріютъ, который они всегда оказывали политически преслѣдуемымъ русскимъ писателямъ и дѣятелямъ, включая и насъ перводумцевъ (засѣданія наши 1906 въ Выборгѣ), равно и за радушіе, съ которымъ финны встрѣчали и провожали русскихъ, застрявшихъ заграницей и проѣзжавшихъ въ 1914 г. въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ черезъ всю Финляндію, чтобы добраться до Петербурга.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Финляндія наполнилась полками русской дѣйствующей арміи и военный гнетъ и произволъ военно-начальниковъ коснулся финновъ, когда они познакомились съ распущеннымъ русскимъ солдатомъ, когда вся ихъ мирная нормальная жизнь была нарушена и они стали жить въ постоянной тревогѣ, — отношенія ихъ къ русскимъ за время какого либо одного года, рѣзко измѣнились, и это я почувствовалъ очень опредѣленно во время своей поѣздки по Финляндіи зимою 1915—16 года. Повсюду только и слышались жалобы на солдатъ и офицеровъ, финны сдѣлались скрытными, и прежняя простота нравовъ, — вродѣ предоставленія

на желѣзнодорожныхъ буфетахъ ѣсть сколько хочется за одну финскую марку и платить при выходѣ, — исчезла окончательно. И было больно и за русскихъ, и за финновъ по случаю такой перемѣны.

Поѣздка на фронтъ лѣтомъ 1916 г. была для меня не менѣе поучительной. Порученіе было изъ числа пикантныхъ: выяснить причины порчи громаднаго количества рыбы, поставленной арміи министерствомъ земледѣлія. Сообщенія о забракованіи рыбы получены были изъ Смоленска, Двинска, Вильно и Ковно. Все это были пункты съ громадными пищевыми складами для арміи и всѣ ихъ надо было посѣтить.

Осматривая эти гигантскіе провіантскіе магазины съ громадными запасами всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ для всепожирающей милліонной арміи, я не могъ освободиться отъ впечатлѣнія, что все это богатство отобрано отъ массы оставшагося въ тылу мирнаго населенія, которое рано или поздно ощутитъ нехватку во всемъ этомъ добрѣ. Все это полунасильственно изъято изъ общаго обращенія и предназначено питать солдатъ. Что дѣлать? Это необходимость, вызываемая войной, и съ ней приходится мириться.

Но вотъ съ чѣмъ трудно было мириться — это съ безполезной гибелью этого собраннаго со всѣхъ концовъ матушки Россіи добра. Между тѣмъ, не говоря пока о рыбѣ, я при осмотрѣ складовъ видѣлъ горы подмоченнаго сахара, риса, сухарей и пр.

Соленая рыба оказалась испорченой вслѣдствіи отсутствія соотвѣтствующихъ прохладныхъ помѣщеній для ея храненія, а главное, вслѣдствіи слишкомъ длительнаго пути: вмѣсто 10—14 дней вагоны съ ней путешествовали изъ одного мѣста въ другое въ нѣкоторыхъ случаяхъ около мѣсяца, и, конечно, качество рыбы пострадало. На такое продолжительное нахожденіе въ вагонахъ рыба, посоленая въ боченкахъ малосоломъ, не была расчитана. Вслѣдствіе этого что-то около 200—300.000 пудовъ ея было забраковано и пошло на свалку.

Пробираться по названнымъ пунктамъ съ фронтовыми и тыловыми складами уже и тогда было довольно затруднительно благодаря отсутствію правильнаго желѣзно-дорожнаго движенія, и чѣмъ ближе къ фронту, тѣмъ дѣлалось все хуже и хуже. Въ Вильно уже чувствовалась тревога, и часть войскъ двигалась не впередъ, а назадъ. Изъ оконъ вагоновъ можно было наблюдать дикія сцены, какъ артилерійская батарея, двигаясь по шоссе, буквально сталкивала и сваливала телѣги со скарбомъ бѣженцевъ, какъ толпа этихъ послѣднихъ съ дѣтишками уже двигалась на востокъ, утекая отъ

ожидаемыхъ нѣмцевъ и отъ русскихъ солдатъ, вытѣсняющихъ мирное населенiе.

Когда изъ Вильно я отправился въ Ковно, среди отвѣтственныхъ военныхъ круговъ не было и мысли о возможности скорой сдачи этой крѣпости, а между тѣмъ она была занята нѣмцами на другой день моего отъѣзда оттуда, а пробылъ я тамъ всего одинъ день. Въ Ковно былъ большой запасъ всякихъ продуктовъ, цѣликомъ попавшiй въ руки нѣмцевъ. Во время моего пребыванiя въ Ковно непрiятельскiе аэропланы уже летали надъ нимъ и бросали бомбы; двѣ-три изъ нихъ разорвались на улицахъ, одна убила на моихъ глазахъ дѣвочку, другая разорвалась недалеко отъ меня въ огородѣ.

Видно было, что надо убираться по добру по здорову. Мой обратный путь былъ уже не изъ легкихъ: попасть въ поѣздъ было чрезвычайно трудно даже и съ бумагами вѣдомства военнаго снабженiя. И когда я наконецъ добрался до Петрограда, я вздохнулъ свободно.

А въ Петроградѣ тоже уже назрѣвали событiя. Они, правда, подготовлялись въ теченiе всего перiода войны. Истиннымъ граммофономъ хода внутреннихъ событiй была государственная дума, въ которой произносились обличительныя рѣчи противъ правительства и придворныхъ интригъ и мерзостей — и кѣмъ? Самыми заядлыми монархистами, какъ депутатъ Пуришкевичъ, самыми уравновѣшенными октябристами, какъ Шидловскiй...

Скандальныя похожденiя злого духа дома Романовыхъ Распутина и прiобрѣтенная имъ безграничная власть надъ мистически настроенной и истеричной царицей, унизительная роль безхарактернаго самодержца — ускореннымъ темпомъ приближали катастрофу царской власти. Близкiе къ трону по родству и преданные монархисты думали спасти Романовыхъ, устранивъ ихъ злого духа — Распутина... Онъ былъ убитъ; но это только еще больше распространило свѣдѣнiя о скандальныхъ эпизодахъ жизни этого авантюриста, переплетенной съ жизнью царской семьи.

Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что вопросомъ о роли Распутина среди придворныхъ дамъ, окружавшихъ г-жу Вырубову и бывшую царицу, очень интересовался и слѣдилъ за всѣми перипетiями похожденiй старца извѣстный изслѣдователь раскола писатель Александръ Степановичъ Пругавинъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ и не разъ бывалъ на его четверговыхъ чаепитiяхъ, гдѣ собиралось крайне оригинальное общество изъ начетчиковъ старой вѣры, рабочихъ, мистиковъ изъ интеллигенцiи и т. п.

Въ одинъ изъ такихъ четверговъ Александръ Степановичъ разсказалъ намъ массу интереснаго на эту тему и показалъ фотографическій снимокъ компаніи дамъ со «старцемъ». Онъ какимъ то образомъ былъ допущенъ на одно изъ такихъ собраній и видѣлъ Распутина среди этихъ дамъ. Его интересъ сосредоточивался на выясненіи психоза, который по его мнѣнію былъ въ основѣ всѣхъ этихъ отношеній. Онъ отлично былъ знакомъ съ религіознымъ психозомъ прыгуновъ и близкихъ къ нимъ сектъ. По его мнѣнію и здѣсь, на почвѣ половой, имѣлъ мѣсто своеобразный психозъ; по его мнѣнію, обыкновенной половой связи Распутина съ этими высокими дамами не было.

Какъ я недавно узналъ, Александръ Степановичъ скончался. Весьма интересно, какая судьба постигла эти его матеріалы о Распутинѣ. Онъ подходилъ къ этому явленію, какъ опытный изслѣдователь религіозныхъ психозовъ, и эта особенная точка зрѣнія представляетъ особый интересъ...

Нелѣпыя распоряженія городскихъ властей по части снабженія столичнаго населенія пищевыми продуктами и ихъ нехватка послужили первымъ толчкомъ къ рѣзкому недовольству столичнаго населенія, которое начало устраивать демонстраціи на улицахъ. Попробовали его усмирить полиціей и солдатами петроградскаго гарнизона; но оказалось солдаты неохотно исполняли приказанія начальства стрѣлять въ голодную толпу, и въ отдѣльныхъ случаяхъ (казаки) они стали на сторону демонстрантовъ противъ полиціи. Это дало толчекъ къ тому, чтобы толпа горожанъ и фабричныхъ рабочихъ начала громить полицейскіе участки и избивать полицейскихъ. Одинъ изъ полковъ открыто перешелъ на сторону возставшаго народа, и столица очутилась въ рукахъ революціонной толпы и присоединившихся къ ней воинскихъ частей, которыя двинулись къ Таврическому дворцу, гдѣ засѣдала государственная дума, и заявили о своей вѣрности думѣ. Послѣдняя, такимъ образомъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, сдѣлалась революціоннымъ центромъ, а предсѣдатель думы — М. В. Родзянко, вѣроятно, никогда не мечтавшій о такой роли, повелъ переговоры съ царемъ сначала о необходимости образовать новое правительство, отвѣтственное передъ государственной думой, а потомъ благословилъ Шульгина и Гучкова ѣхать въ качествѣ депутатовъ къ царю съ требованіемъ его отреченія, которое царь и подписалъ въ вагонѣ, не доѣзжая до своей столицы.

Мартовскія событія въ Петроградѣ развивались съ такой быстротой, что трудно было за ними слѣдить. Я былъ все это время въ столицѣ и вращался между Таврическимъ дворцомъ, который

былъ уже наполовину занятъ военной стражей и въ которомъ творилась новѣйшая русская исторія, и своей квартирой на Петроградской сторонѣ.

Первые дни ходить по улицамъ было довольно опасно: нерѣдко слышались шальные выстрѣлы, а иногда свистали пули. Помню, однажды, — дѣло было на Марсовомъ полѣ близъ англійскаго посольства, — совершенно неожиданно началась изъ склада дровъ на площади пальба и пули шлепались о стѣны зданій. Мы едва успѣли скрыться въ зданіе посольства. Черезъ нѣсколько минутъ все затихло, и я свободно пересѣкъ Марсово поле.

Одной изъ важныхъ функцій въ это время было распространеніе текущихъ свѣдѣній. Объединенные газетные репортеры организовали особое изданіе «Извѣстія Комитета Государственной думы» (никакихъ другихъ газетъ въ эти первые дни революціи не выходило). Названныя «Извѣстія» массами развозились на автомобиляхъ по районамъ города и разбрасывались по улицамъ. Изъ этихъ «Извѣстій» толпа узнала объ отрѣченіи Николая II отъ престола, объ арестѣ его министровъ, объ образованіи временнаго правительства и т. д.

Я не разъ привозилъ кучу этихъ «Извѣстій» изъ типографіи «Новаго Времени» на Петроградскую сторону въ мѣстный комитетъ.

Между тѣмъ зданіе Таврическаго дворца заполнялось все больше и больше солдатами и матросами, которые стали себя чувствовать такъ, какъ въ своихъ казармахъ. Усиліями крайнихъ лѣвыхъ создавалось то учрежденіе, которое потомъ поглотило все и привело Россію къ гибели: «совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ». На скамьяхъ народныхъ представителей и на трибунѣ засѣдали сѣрыя и черныя шинели и закусившіе удила соціалъ-демократы-большевики.

Этотъ совѣтъ началъ выпускать приказы по арміи и между прочимъ выпустилъ знаменитый приказъ № 1-ый, направленный къ ограниченію офицерской власти надъ нижними чинами, явно подрывавшій воинскую дисциплину и послужившій первымъ толчкомъ сначала къ вызывающему поведенію солдатъ по отношенію къ офицерамъ, а затѣмъ къ массовому убійству послѣднихъ во флотѣ и арміи.

Внѣшне въ первое время совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ былъ за веденіе войны до окончательной побѣды и, какъ будто, хотѣлъ идти рука объ руку съ временнымъ правительствомъ. Но вскорѣ онъ сталъ дѣйствовать самостоятельно и вразрѣзъ съ дѣйствіями временнаго правительства и военныхъ властей.

Одновременно въ столицѣ началась систематическая и по единому плану ведомая пропаганда и агитація о необходимости немедленнаго прекращенія войны съ нѣмцами. Центромъ этой агитаціи былъ бывшій дворецъ балерины Кшесинской, что на Петроградской сторонѣ въ началѣ Каменноостровскаго проспекта. Дворецъ былъ занятъ большевиками, и ежедневно съ балкона этого дома произносились рѣчи въ указанномъ направленіи.

Мнѣ не разъ доводилось проходить мимо этого мѣста, останавливаться и прислушиваться къ настроенію толпы: она въ большинствѣ случаевъ была немногочисленна, но неизмѣнно апплодировала ораторамъ и производила впечатлѣніе, что среди толпы есть наемные клакеры; такъ оно и было, какъ показали позднѣйшія разслѣдованія.

Всѣ были увѣрены, что это работа германскаго генеральнаго штаба, и общественное мнѣніе требовало впослѣдствіи, когда премьеромъ сдѣлался Керенскій, чтобы организаторы и вдохновители этой агитаціи, направленной противъ дѣйствій правительства и союзниковъ, — Ленинъ и Троцкій — были арестованы; но Керенскій, будучи самъ соціалистомъ, счелъ неудобнымъ арестовать ихъ, и тѣмъ самымъ далъ имъ возможность свергнуть его самого вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ. Но объ этомъ послѣ.

Вспоминая настроенія, имѣвшія мѣсто въ столицѣ послѣ начала «безкровной» революціи (мартъ) и до вступленія въ премьеры временнаго правительства Керенскаго, я могу констатировать, что отъ радостнаго и полнаго надеждъ оно постепенно переходило въ тревожное и, у нѣкоторыхъ дальнозоркихъ людей, въ близкое къ отчаянію.

Тревогу вызывали безконечные и непримиримые раздоры среди патріотически настроенныхъ прогрессивныхъ группъ и борьба партій изъ-за вліянія и власти. Этими раздорами ловко пользовались большевики, которые и свалили временное правительство. Особенно рельефно эти разногласія выступили на созванномъ временнымъ правительствомъ Государственномъ Совѣщаніи, явившимъ всю узость партійныхъ претензій (особенно отличились на немъ народные соціалисты и С. Р.) и полную неспособность понять надвигающуюся опасность для всего будущаго самихъ прогрессивныхъ партій и Россіи.

Подъ давленіемъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, а вѣрнѣе его руководящихъ крайнихъ лѣвыхъ главарей, — временное правительство князя Львова должно было измѣнить свой составъ: вмѣсто кн. Львова (безпартійный) премьеромъ сталъ Керенскій (С. Р.); въ правительство вошелъ Скобелевъ (С. Д.), Те-

рещенко (безп.), замѣнившій Милюкова, котораго «ушли», Прокоповичъ (Н. С.), Гегечкори (С. Д.).

Это свершилось въ началѣ мая 1917 г., и о томъ, какъ себя чувствовали прежніе министры, оставшіеся въ составѣ новаго временнаго правительства, всего лучше можно судить по слѣдующему эпизоду съ покойнымъ А. И. Шингаревымъ, тогда бывшимъ министромъ земледѣлія.

Въ апрѣлѣ 1917 г. Андрей Ивановичъ предложилъ мнѣ поѣхать въ Америку въ качествѣ представителя министерства земледѣлія въ чрезвычайной миссіи Б. А. Бахметева въ Соединенные Штаты, и по этому поводу, для полученія необходимыхъ бумагъ и инструкцій, я былъ у него въ министерствѣ; бесѣда была въ присутствіи тов. министра А. Г. Хрущева.

Андрей Ивановичъ былъ крайне печаленъ и выглядѣлъ измученнымъ — и не работой, которой онъ никогда не боялся, а заботой и тревогой... Машинально подписывая мои бумаги, онъ сказалъ слѣдующую, хорошо запомнившуюся фразу: «какъ бы вы знали, друзья мои, какъ на душѣ у меня тошно! .. Наше дѣло и будущее Россіи близко къ гибели».

То были вѣщія слова неутомимаго борца за свободу и великаго патріота своего отечества.

Черезъ пять съ половиной мѣсяцевъ послѣ этого предсказанія (октябрь 1917) временное правительство было свергнуто, премьеръ-министръ скрылся бѣгствомъ, большинство министровъ несоціалистовъ посажено въ Петропавловскую крѣпость, власть захватили большевики и Россія покатилась подъ гору...

А черезъ семь мѣсяцевъ Андрей Ивановичъ Шингаревъ вмѣстѣ съ Ф. Ф. Кокошкинымъ были варварски застрѣлены въ Маріинской больницѣ Петрограда.

Но о всѣхъ этихъ событіяхъ — въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА IX.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ МИССІЯ ОТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ АМЕРИКУ.

Отъѣздъ миссіи изъ Петрограда. — Въ экспрессѣ Петроградъ—Владивостокъ. — Въ Японіи. — Въ Сіатлѣ. — Въ экспрессѣ Сіатль—Чикаго. — Торжественныя встрѣчи русской миссіи американцами въ Вашингтонѣ и въ Нью-Іоркѣ. — Миссія подъ охраной агентовъ тайной полиціи. — Моя встрѣча и бесѣда съ бывшимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Рузвельтомъ. — Встрѣча съ Джорджемъ Кеннаномъ. — Русская миссія въ гостяхъ у городовъ Бостона и Чикаго. — Работа въ русскомъ заготовительномъ комитетѣ. — Подготовка техниковъ холодильнаго дѣла. — Отправка квалифицированныхъ рабочихъ въ Россію и судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ. — Тяга русскихъ эмигрантовъ въ Россію и образованіе сельско-хозяйственныхъ артелей. — Ознакомленіе съ американскими сельско-хозяйственными колледжами и составленіе книги «Сельскохозяйственная Америка во время войны». — Судьба проекта образованія въ Нью-Іоркѣ американско-русскаго общества. — Мой обратный отъѣздъ въ Петроградъ.

Еще до вступленія Соединенныхъ Штатовъ въ войну съ Германіей русское правительство командировало въ Соединенные Штаты техниковъ военнаго дѣла и путейцевъ для заказа и пріобрѣтенія предметовъ военнаго снабженія. Кромѣ правительственныхъ чиновъ въ Америкѣ работали представители военно-промышленнаго комитета (Б. А. Бахметевъ, П. А. Морозовъ) и Всероссійскаго Земскаго Союза (А. Н. Сахновскій, Р. М. Поляковъ). Наконецъ, еще до начала войны въ Соединенныхъ Штатахъ было открыто агентство министерства земледѣлія, главнымъ образомъ, для закупки

сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, а также для освѣдомленія объ успѣхахъ и новыхъ изобрѣтеніяхъ въ области сельскаго хозяйства.

Всѣ эти учрежденія отчасти заказали, отчасти получили приказаніе заказать разнаго рода предметовъ военнаго и сельско-хозяйственнаго снабженія на сотни милліоновъ долларовъ, а валюта въ ихъ распоряженіи была уже на исходѣ, и главной задачей Чрезвычайной миссіи Бахметева, въ составѣ которой и я отправлялся въ Америку, было получить тамъ заемъ и обезпечить раціональное и планомѣрное исполненіе заказовъ. Б. А. Бахметевъ, какъ человѣкъ уже извѣстный американцамъ по работѣ въ качествѣ представителя Военно-Промышленнаго Комитета и хорошо знакомый съ Америкой, былъ назначенъ временнымъ правительствомъ главою миссіи, а впослѣдствіи онъ былъ назначенъ Россійскимъ посломъ вмѣсто прежняго царскаго посла Ю. П. Бахметьева.

Въ составъ миссіи входили: генералъ В. Х. Роопъ, представитель арміи [1]), проф. Ю. В. Ломоносовъ — отъ мин. путей сообщенія, В. В. Орановскій — отъ артиллерійскаго вѣдомства, я — отъ м-ва земледѣлія и В. І. Новицкій — отъ м-ва финансовъ. Но это только старшіе чины, представители вѣдомствъ. Кромѣ нихъ отъ каждаго вѣдомства были помощники и спеціалисты по разнымъ отраслямъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Наиболѣе многочисленной группой были путейцы, которыхъ насчитывалось 9 человѣкъ. При Бахметевѣ было два секретаря — И. И. Сукинъ и М. М. Карповичъ и военный адъютантъ; при ген. Роопѣ два адъютанта; со мною былъ студентъ С. А. Путиловъ; отъ м-ва финансовъ, кромѣ Новицкаго, было еще два чина. Служебный персоналъ миссіи дополнялся стенографистками и переводчицами. Кромѣ того, нѣсколько членовъ миссіи были сопровождаемы женами и дѣтьми.

Кромѣ русскихъ, съ нами до Владивостока ѣхалъ американскій военный атташе Риксъ и до Америки американскій писатель Линкольнъ-Стеффенсъ и преподаватель русской исторіи въ университетѣ им. Вашингтона въ г. Сіатлѣ Гольдеръ.

Въ общемъ это составляло до 32 душъ, для проѣзда которыхъ былъ сформированъ спеціальный поѣздъ-экспрессъ Петроградъ—Владивостокъ. Распорядителемъ поѣзда былъ Ломоносовъ. Будучи освѣдомленъ о настроеніи нашихъ солдатъ, отправляемыхъ изъ арміи на поправку или въ отпускъ въ тылъ, а также желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, которые почувствовали себя хозяевами желѣз-

---

[1]) Скончался въ 1929 г. въ Парижѣ.

ныхъ дорогъ, Ломоносовъ предусмотрительно снабдилъ поѣздъ военнымъ карауломъ изъ преображенцевъ, по два на каждый вагонъ.

Все это я узрѣлъ, пріѣхавъ на Николаевскій вокзалъ и отыскавъ на немъ спеціальный поѣздъ. Въ числѣ провожавшихъ на вокзалѣ были: вновь назначенный министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко и американецъ руссо-филъ Чарльзъ Крэнъ, который и рекомендовалъ намъ американскаго писателя и журналиста Линкольна-Стеффена и Гольдера.

Наконецъ, всѣ мы въ вагонахъ, поѣздъ тронулся, и мы понеслись изъ Петрограда на Дальній Востокъ черезъ Вологду, Вятку, Челябинскъ и т. д. Сибирскій поѣздъ-экспрессъ со спальными вагонами, съ вагономъ-ресторономъ и вагономъ-салономъ представлялъ всѣ удобства для дальняго путешествія, а интересная компанія съ наличностью двухъ большихъ весельчаковъ, талантливыхъ пѣвцовъ и разсказчиковъ — не давала скучать. Днемъ у насъ были совѣщанія съ Б. А. Бахметевымъ для установленія финансовыхъ заданій по всѣмъ вѣдомствамъ, у путейцевъ были свои подготовительныя работы и, кромѣ того, многіе занимались изученіемъ англійскаго языка... У двухъ изъ членовъ миссіи я къ своему удовольствію увидѣлъ свою книгу объ Америкѣ, по ней они знакомились со страной, въ которую ѣхали работать.

Не обошлось въ пути безъ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны ожидающихъ поѣздовъ солдатъ воспользоваться нашимъ поѣздомъ для собственнаго проѣзда. Но наша военная стража объясняла, что ѣдетъ «американская миссія» и что никакъ нельзя допустить ихъ въ вагоны, что дѣйствовало вездѣ удовлетворительно. Но при приближеніи къ станціи Кращеково, близъ Красноярска, самъ Ломоносовъ былъ настроенъ тревожно: ходили слухи, что въ лѣсахъ, окружающихъ путь этого переѣзда «пошаливаютъ» какія-то шайки и обстрѣливаютъ проходящіе поѣзда. Было сдѣлано распоряженіе спустить всѣ занавѣски въ вагонахъ и освободить вагонъ-ресторанъ, который всегда освѣщался очень ярко. Конечно, пассажиры, особенно дамы, встревожились, но страшную станцію мы проѣхали благополучно, скоро пріѣхали въ Иркутскъ и изъ него поѣхали по красивѣйшей Круго-Байкальской ж. дорогѣ.

Въ вагонѣ-салонѣ знатокъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ Ломоносовъ давалъ намъ подробныя объясненія объ исторіи Сибирскаго пути и въ частности его части между Иркутскомъ и Харбинымъ. На главномъ перевалѣ, съ дивнымъ далекимъ видомъ на Манчжурію, онъ приказалъ остановить поѣздъ и часть пути мы прошли пѣшкомъ. Потомъ поѣздъ подъѣхалъ къ намъ и мы отправились

далѣе. Черезъ 9 дней съ нѣсколькими часами мы прибыли во Владивостокъ.

Комендантомъ его оказался унтер-офицеръ — это уже было знаменіе времени. Правда, человѣкъ этотъ былъ на рѣдкость тактичный и толковый, но все же какъ то не укладывалось въ сознаніи, что такъ нужно: казалось, что въ этомъ что-то не такъ и что это «что-то» грозитъ нехорошими послѣдствіями.

Насъ возили для осмотра города и военныхъ складовъ Владивостокскаго порта.

Боже ты мой, что это представляло изъ себя! Горы хлопка, китайскихъ бобовъ, снарядовъ, оружія и пр. По подсчетамъ провозоспособности Сибирской магистрали всего этого добра не перевести было въ теченіе десятка лѣтъ.

Спрашивается, зачѣмъ все это закупали и присылали, и продолжали закупать и присылать массу товаровъ для склада и храненія въ этомъ самомъ перегруженномъ порту подъ открытымъ небомъ.

На другой день мы были на пароходѣ, везшимъ насъ въ Японію, гдѣ мы прожили нѣсколько пріятныхъ дней съ торжественной встрѣчей насъ хлѣбосольнымъ посломъ П. Н. Крупенскимъ, угостившемъ насъ шикарнымъ ужиномъ, на которомъ было и нѣсколько японцевъ, и съ продолжительными прогулками по Токіо для ознакомленія съ оригинальной японской жизнью. Пораженные дешевизной всякихъ товаровъ въ Японіи, особенно изъ одежды, мы всѣ понакупили здѣсь изрядное количество предметовъ обыденной жизни.

Чтобы не терять времени на ожиданіе лучшаго парохода, направляющагося въ американскій портъ, мы воспользовались пароходомъ, идущимъ въ канадскій портъ Ванкуверъ, взявъ, такимъ образомъ, сѣверное направленіе. Въ пути было такъ холодно, что пришлось надѣвать осеннее пальто. Проѣздомъ мы видѣли въ океанѣ нѣсколько китовъ по близости отъ нашего парохода.

Изъ Ванкувера мы ѣхали на пароходѣ, по спокойнымъ водамъ заливовъ и проливовъ, окруженныхъ дивной панорамой зеленыхъ со снѣжными вершинами горъ, — до Сіатля — американскій портъ, гдѣ насъ уже ожидала громадная депутація представителей города и различныхъ обществъ, которые, что называется, не дали намъ опомниться и повезли насъ на самую вершину горы, на которой расположена часть этого города, и оттуда заставляли насъ любоваться громаднымъ портомъ и моремъ вокругъ него.

Изъ Сіатля намъ дали спеціальный поѣздъ-экспрессъ, который доставилъ насъ въ Чикаго. На пути нашъ паровозъ смѣнили на электровозъ, и мы часть пути ѣхали безъ дыма.

Въ Чикаго на вокзалѣ насъ ожидала уже довольно большая компанія изъ русскихъ и американцевъ. Вся миссія продолжала путь вмѣстѣ до Гаррисбурга, гдѣ мы раздѣлились на двѣ группы: одна съ Б. А. Бахметевымъ, направилась прямо въ Вашингтонъ для визита президенту и министру иностранныхъ дѣлъ, другая, въ томъ числѣ и я, направилась въ Нью-Іоркъ.

Первыя двѣ недѣли нашего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ представляли сплошныя торжественныя встрѣчи, въ которыхъ приняли участіе десятки тысячъ русскихъ и американцевъ. Начались онѣ съ Вашингтона, гдѣ всѣ члены миссіи собрались и были приняты въ Палатѣ представителей, Сенатѣ, на обѣдахъ въ Бѣломъ Домѣ у президента и часть миссіи на обѣдѣ у министра иностранныхъ дѣлъ.

Наибольшій интересъ представлялъ пріемъ въ Палатѣ Представителей, гдѣ имѣлъ мѣсто обмѣнъ привѣтственными рѣчами, причемъ Б. А. Бахметевъ очень удачно отвѣтилъ на привѣтствіе американцевъ и имѣлъ большой успѣхъ. По окончаніи рѣчей всѣ депутаты продефилировали мимо насъ и каждый депутатъ каждому изъ насъ пожалъ руку. Затѣмъ послѣдовалъ осмотръ достопримѣчательностей столицы, причемъ въ наше распоряженіе были предоставлены автомобили.

Все время нашего пребыванія въ Вашингтонѣ насъ кормили и поили за счетъ американскаго правительства. Одной изъ непріятныхъ сторонъ нашего пребыванія въ американской столицѣ былъ не въ мѣру усиленный надзоръ секретной полиціи, безъ которой намъ не давали шагу сдѣлать. Полиція почему то была настроена очень тревожно и ожидала какихъ то покушеній на насъ.

Любопытный казусъ вышелъ, на этой же почвѣ излишней подозрительности, со мной и другимъ членомъ миссіи В. В. Орановскимъ. Согласно условію съ Б. А. Бахметевымъ мы должны были встрѣтить поѣздъ, въ которомъ онъ ѣхалъ изъ Вашингтона въ Нью-Іоркъ, на станціи Елизабетъ, что подъ Нью-Іоркомъ, въ каковомъ пунктѣ присоединиться къ миссіи. Мы знали, что во столько то часовъ поѣздъ долженъ прибыть на означенную станцію и захватить насъ, чтобы прибыть въ Нью-Іоркъ всей компаніей вмѣстѣ. Но намъ нужно было найти «трактъ», т. е. путь, по которому поѣздъ долженъ подъѣхать къ станціи.

Обращаемся къ служащимъ. Тѣ отвѣчаютъ незнаніемъ. Обращаемся къ начальнику станціи, тотъ направляетъ насъ къ какому то типу, который оказался детективомъ и вмѣсто отвѣта сталъ чинить намъ настоящій допросъ, заподозривъ въ насъ покусителей на крушеніе поѣзда съ миссіей. Только подробныя объясненія съ

предъявленіемъ визитныхъ карточекъ успокоили сыщика, и онъ привелъ насъ на путь, гдѣ мы и поймали поѣздъ, направлявшійся въ Нью-Іоркъ, который устроилъ намъ въ этотъ день блестящую встрѣчу.

На пристани Battery Place насъ встрѣтили русскіе матросы и русская колонія. Было устроено нѣчто вродѣ парада, принятого главой миссіи. Затѣмъ встрѣчалъ насъ городской голова и муниципалитетъ въ городской ратушѣ. Но наиболѣе грандіозными были три многотысячныхъ митинга: въ Мэдисонъ-Скверъ Гарденъ (его устроила русская колонія), въ Центральномъ паркѣ (организовало городское управленіе) и въ залѣ Карнеги (созванъ политическими организаціями).

На русскомъ собраніи не обошлось безъ выступленій крайнихъ лѣвыхъ, голоса которыхъ, однако, были ничтожны по количеству и качеству, и были заглушены сплошной оваціей въ честь временнаго правительства и его миссіи.

Много тепла и радушія проявляли американцы въ рѣчахъ на собраніи въ Центральномъ паркѣ, гдѣ Бахметевъ, такъ же съ большимъ успѣхомъ, держалъ отвѣтную рѣчь.

На собраніи въ залѣ Карнеги, между другими ораторами, выступалъ бывшій президентъ Рузвельтъ. Наканунѣ мы съ Б. Е. Шацкимъ посѣтили Рузвельта въ его дачномъ домѣ въ Ойстербеѣ. У меня къ нему было рекомендательное письмо отъ бывшаго нашего посла въ Соединенныхъ Штатахъ Р. Р. Розена, находившагося съ Рузвельтомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и въ перепискѣ. Посѣтили же мы Рузвельта по поводу предполагавшагося къ созданію въ Америкѣ, параллельно съ Обществомъ сближенія между Россіей и Америкой въ Петроградѣ, — аналогичнаго общества американско-русскаго въ Нью-Іоркѣ, причемъ Рузвельтъ намѣчался въ президенты проектировавшагося об-ва. Мы хотѣли получить его условное согласіе, если об-во сорганизуется.

Этотъ визитъ къ Рузвельту оставилъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе, и я попутно скажу о немъ два-три слова. Рузвельтъ произвелъ на меня сразу впечатлѣніе человѣка прямого, горячаго и удивительно живого по натурѣ. Принялъ онъ насъ очень просто и радушно; сейчасъ же распорядился подать русскій чай и началъ оживленную бесѣду, конечно, о Россіи и о событіяхъ послѣдняго времени. Искренняя радость по поводу полученныхъ Россіей возможностей свободнаго развитія и союза ея съ Соединенными Штатами въ борьбѣ противъ общаго врага — нѣмцевъ была выражена имъ съ особой сердечностью. По его словамъ онъ всегда слѣдилъ

за развитіемъ Россіи и питалъ большія симпатіи къ русскому народу.

По поводу войны съ нѣмцами онъ сейчасъ же досталъ изъ альбома фотографій снимки нѣмецкихъ маневровъ, полученныхъ имъ въ бытность въ Германіи военнымъ агентомъ Соединенныхъ Штатовъ. На одномъ изъ снимковъ кайзеръ Вильгельмъ собственноручно приписалъ: «Германія никогда не будетъ воевать съ Сѣверо-Американскими Штатами!»

«Что сказалъ бы онъ теперь, если бы ему показать это его неудачное пророчество?» иронизировалъ Рузвельтъ.

Наше предложеніе стать предсѣдателемъ онъ принялъ весьма охотно. Съ своей стороны онъ хотѣлъ слышать наше мнѣніе по содержанію его рѣчи, которую онъ приготовилъ къ митингу въ Карнеги-холъ. Она была написана на машинкѣ, онъ прочиталъ ее намъ и просилъ высказаться. Тема была о томъ, что могутъ Соединенные Штаты сдѣлать для новой младшей сестры республики. Въ рѣчи высказывалась мысль, что Россія богата людьми, энергіей и инициативой, чего ей не достаетъ — это средствъ снаряженія и техническаго оборудованія. По существу мысль совершенно правильная, что мы ему и заявили, подсказавъ, помнится, двѣ-три мысли въ развитіе его тезисовъ и встали проститься съ нимъ.

Уже на порогѣ своего дома-особняка онъ съ живостью сказалъ: «Съ какимъ удовольствіемъ я бы самъ пошелъ на войну, если бы мнѣ дали смѣшанный полкъ изъ удалыхъ русскихъ кавалеристовъ и американцевъ!»

Рѣчь свою въ Карнеги-холъ Рузвельтъ сказалъ съ большою страстностью. Онъ былъ несомнѣнно природнымъ ораторомъ. Еще съ большею горячностью онъ говорилъ по поводу произнесенной на томъ же митингѣ рѣчи Гомперса, представителя рабочихъ организацій. Его задѣла за живое какая то фраза оратора и онъ съ кулаками, близко приставленными къ лицу Гомперса, отчиталъ его самымъ свирѣпымъ образомъ.

Мы были на эстрадѣ; и этотъ ораторскій пріемъ насъ такъ удивилъ, что мы думали, что дѣло кончится скандаломъ. . . Оказалось, все обошлось вполнѣ миролюбиво.

Разъ рѣчь зашла о цѣли нашего визита къ Рузвельту, кстати будетъ дополнить, что я получилъ упомянутое порученіе образовать американско-русское общество въ Нью-Іоркѣ отъ Петроградскаго Об-ва Сближенія между Россіей и Америкой, и по поводу возможнаго кандидата предварительно совѣщался съ извѣстнымъ американскимъ писателемъ, хорошо знавшимъ и любившемъ Россію

Джорджемъ Кеннаномъ, который намъ рекомендовалъ пригласить въ предсѣдатели Рузвельта какъ наиболѣе популярнаго человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кеннанъ померъ 10 мая 1924 г. на 80-мъ году своей полной приключенiй, отчасти въ Сибири, жизни. Умѣстно будетъ здѣсь же сказать два слова о немъ. Кеннанъ сдѣлался извѣстнымъ и любимымъ всѣми прогрессивными элементами въ Россiи благодаря его книгѣ «Сибирь и Ссылка», появившейся въ 80-хъ годахъ. Этотъ американецъ попалъ въ Сибирь въ 60-хъ годахъ по телеграфнымъ дѣламъ и наткнулся тамъ на русское «бытовое явленiе» — политическую ссылку, — заинтересовался ею и самими ссыльными, съумѣлъ заинтересовать ими американскихъ издателей; они поручили Кеннану произвести спецiальное изслѣдованiе русской ссылки, которое онъ и выполнилъ блестяще, давъ рядъ замѣчательныхъ очерковъ сначала въ журналѣ «Century», а затѣмъ въ отдѣльной книгѣ.

Расчитывая на то, что описанiе революцiонеровъ оттолкнетъ отъ нихъ весь мiръ и оправдаетъ самую ссылку, русское правительство, по протекцiи Каткова, широко открыло Кеннану двери сибирскихъ тюремъ и мѣстъ поселенiй, что и дало ему рѣдкiй случай собрать документальныя данныя о русской политической ссылкѣ, которыя, однако, далеко не оправдали ожиданiй русскихъ реакцiонеровъ и правительства, а, наоборотъ, вооружили противъ его внутренней политики весь мiръ. Этому много способствовало и то, что, не ограничиваясь печатью, Кеннанъ прочелъ на эту тему рядъ публичныхъ лекцiй въ Америкѣ и Европѣ.

Знакомство Кеннана съ русской ссылкой и ссыльными навсегда сроднило его съ русскими и Россiей: онъ изучилъ русскiй языкъ и получалъ до послѣдняго времени русскiя газеты и журналы: въ мой визитъ къ нему въ 1917 г. я видѣлъ на столѣ у него «Русскiя Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы», а на полкахъ рядъ русскихъ книгъ. Онъ жилъ въ это время въ собственномъ домѣ на Пятомъ авеню.

Принятъ былъ я Кеннаномъ и его супругой очень радушно. Здоровье его и тогда уже было не важное, и онъ выглядѣлъ глубокимъ старикомъ, но не потерялъ интереса къ русскимъ дѣламъ и къ русской литературѣ. Наша бесѣда, естественно, вращалась вокругъ послѣднихъ событiй въ Россiи: Кеннанъ выразилъ радость по поводу того, что революцiя освободила политическихъ ссыльныхъ изъ Сибири и тюремъ.

Кеннанъ считался у американцевъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Россiи, и въ важныхъ случаяхъ къ нему обращались за со-

вѣтомъ по поводу тѣхъ или иныхъ вопросовъ о русской жизни. Къ большевистскому перевороту и режиму онъ относился рѣзко отрицательно и опубликовалъ на эту тему нѣсколько статей, главнымъ образомъ, въ журналѣ «Outlook».

Возвращаясь къ прерванному разсказу о торжественныхъ встрѣчахъ нашей миссіи въ Соединенныхъ Штатахъ, долженъ сказать, что онѣ начали принимать неожиданные для всѣхъ насъ размѣры и поглощали большую часть нашего времени: кромѣ Нью-Іорка насъ пожелали чествовать Бостонъ, потомъ Чикаго, потомъ еще нѣкоторыя города. Въ Бостонъ и Чикаго пришлось съѣздить. Бостонскій пріемъ у меня не оставилъ какъ то особыхъ впечатлѣній. Въ Чикаго же всего интереснѣе было посѣщеніе и бесѣды съ славянскими и еврейскими эмигрантами, которые замѣчательно душевно встрѣтили нашу миссію. Не составили исключенія и поляки, которые тогда еще не думали объ отдѣленіи отъ Россіи.

Но пришелъ конецъ этимъ торжествамъ, и мы принялись за работу: а ея было по горло. Изъ Россіи сыпались ежедневно каблеграммы объ ускореніи доставки такихъ то и такихъ то матеріаловъ, необходимыхъ для обороны, для сбора хлѣба и т. д., и т. д. Обо всѣхъ этихъ требованіяхъ намъ докладывали въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Русскаго Заготовительнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ ген. Н. М. Храброва. Въ комитетъ этотъ входили представители всѣхъ вѣдомствъ и отдѣловъ, а также Военно-промышленнаго комитета, Всероссійскаго Земскаго Союза и транспортнаго отдѣла. Исполненіе требованій зависѣло отъ финансовъ — ихъ представлялъ финансовый агентъ С. А. Угетъ, онъ же подписывалъ всѣ чеки по оплатѣ заказовъ на сотни тысячъ долларовъ, — и отъ наличности транспортныхъ средствъ. Очередь отправки играла громадную роль, и установленіе ея требовало особенно внимательнаго разбора, что отправить въ данное время всего важнѣе. Вопросъ съ финансами въ это время принялъ благопріятный оборотъ: правительство Соединенныхъ Штатовъ организовало новый русскій заемъ въ 100 милліоновъ долларовъ, которые давали возможность дѣлать заказы.

Всѣ отдѣлы заготовительнаго комитета, кромѣ Путей Сообщенія и Транспортнаго, — сосредоточивались въ зданіи, носящемъ названіе «Флатъ-Айронъ», что по русски значитъ «утюгъ» — отъ трехугольной формы зданія. Русскіе его такъ и звали «утюгомъ». Комитетъ занималъ въ этомъ зданіи нѣсколько этажей. Транспортный отдѣлъ, связанный съ пристанью, находился близъ нея, въ нижней части города, извѣстной подъ именемъ «даунъ-таунъ». Путейцы же съ Ломоносовымъ во главѣ были все время на особомъ

положеніи, — у нихъ были обособленные кредиты и своя особая организація. Ломоносовъ стремился быть самостоятельнымъ и независимымъ отъ посольства, не желая признавать его права на общій верховный контроль. Впослѣдствіи, съ появленіемъ у власти большевиковъ, это привело къ скандалу, съ привлеченіемъ на помощь полиціи.

Всѣ остальныя вѣдомства, прерѣкаясь иногда изъ за очередей отправки, вели дѣло заготовки дружно и въ общемъ успѣшно. Въ моемъ отдѣлѣ заказы были на сельско-хозяйственныя орудія и машины, на шпагатъ для вязанія сноповъ жатками, на проволоку для прессованнаго сѣна и нѣкоторые другіе менѣе значительные предметы. Отдѣлъ земледѣлія былъ однимъ изъ самыхъ скромныхъ по размѣрамъ заказовъ, и все же они выражались суммою свыше десяти милліоновъ долларовъ. Русское сельско-хозяйственное агентство въ Америкѣ существовало раньше, и дѣло закупки с. х. машинъ было до извѣстной степени налажено, приходилось его лишь продолжать.

Кромѣ этихъ заказовъ у меня было нѣсколько спеціальныхъ порученій: подготовить человѣкъ 20 техниковъ по холодильному дѣлу, помѣстивъ ихъ на практику въ соотвѣтствующіе заводы, и нанять 20 русскихъ рабочихъ, знакомыхъ съ холодильными машинами. Были вызваны желающіе отправиться въ Россію для работы на оборону въ холодныхъ складахъ; я ихъ экзаменовалъ, собиралъ о нихъ необходимыя свѣдѣнія и подходящихъ отправлялъ въ Петроградъ, не подозрѣвая, что тамъ свершится въ октябрѣ... Невольный грѣхъ на моей душѣ лежитъ до сихъ поръ за участь этихъ молодыхъ рабочихъ, испытавшихъ рядъ мытарствъ въ нашихъ канцеляріяхъ и на русскихъ заводахъ и холодныхъ складахъ. Объ этомъ стоитъ разсказать нѣсколько болѣе подробно.

Двое изъ нихъ (одинъ — американскій гражданинъ) застряли въ Петроградѣ, и, когда я вернулся туда изъ Америки, они пришли ко мнѣ съ жалобой и просьбой оказать содѣйствіе къ отправленію ихъ обратно въ Америку. Они заявили, что соотвѣтствующаго дѣла имъ не дали, а поставили простыми рабочими, что мѣстные рабочіе встрѣтили ихъ очень недружелюбно, называя «буржуями», потому что они внѣ работы по американскому обычаю, одѣвались какъ всѣ и, конечно, носили чистые бѣлые воротники; что жалованье имъ выдавали съ задержкой и не полностью, что они проживаютъ послѣднія сбереженія и находятся въ отчаянномъ положеніи.

Я объяснилъ имъ, что я уже не на службѣ (большевики были уже у власти) и помочь имъ непосредственно не могу. Американскаго гражданина направилъ къ американскому послу, русскому

далъ записку къ одному изъ знакомыхъ чиновъ въ холодильномъ отдѣлѣ министерства продовольствія.

Гораздо хуже было съ тѣми, что попали въ отдаленныя мѣста и въ Сибирь: ихъ прямо «заѣли» товарищи и вынудили бросить мѣста и всѣми правдами и неправдами пробираться обратно въ Америку. Одинъ изъ нихъ встрѣтился мнѣ въ Омскѣ. Онъ повѣдалъ мнѣ о злоключеніяхъ почти всѣхъ посланныхъ мною мастеровъ холодильнаго дѣла.

Надо сказать, что всѣ они ѣхали на родину съ особеннымъ удовольствіемъ и желаніемъ быть ей полезными примѣненіемъ пріобрѣтенныхъ въ Америкѣ знаній. Со времени мартовской революціи эта тяга въ Россію русскихъ выходцевъ въ Америкѣ проявлялась въ большомъ масштабѣ, и многіе уѣхали тогда на родину по своей собственной инціативѣ и на свои собственныя средства. Они не миновали той же участи — оскорбленій, обнищанія и стремленія какъ нибудь вернуться обратно въ культурныя условія американской жизни.

Къ той же категоріи явленій въ жизни русской колоніи въ Америкѣ относится идея организовать сельско-хозяйственныя артели, обучать ихъ членовъ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и затѣмъ, снабдивъ необходимыми инструментами и машинами, отправлять ихъ въ Россію, гдѣ они, занимаясь практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, служили бы проводниками усовершенствованныхъ пріемовъ въ этой области промышленной дѣятельности. Нѣкто Берви заинтересовалъ представителя Всероссійскаго земскаго союза этой идеей и, при моемъ содѣйствіи, группа молодыхъ рабочихъ была направлена на лѣтніе курсы сельскаго хозяйства при Руджерсъ колледжѣ, шт. Нью-Джерси. Выборъ этого мѣста обусловливался близостью къ Нью-Іорку и тѣмъ, что во главѣ колледжа стоялъ проф. Липманъ, а его помощникомъ по кафедрѣ почвовѣдѣнія — М. И. Волковъ [1]) — оба люди близкіе Россіи и русскимъ.

Практиканты прослушали курсъ при этомъ колледжѣ, поработали практически на опытной станціи. Но организовать и отправить артель изъ нихъ въ Россію не удалось; да и слава Богу, а то былъ бы еще одинъ грѣхъ на душѣ и за этихъ жертвъ патріо-

[1]) М. И. Волковъ впослѣдствіи перешелъ въ университетъ шт. Иллинойсъ въ г. Урбэна, а затѣмъ взялъ службу въ частной компаніи Онъ — бывшій русскій народный учитель изъ Тверской губ. Жилъ въ Америкѣ работой на фермахъ и учился, добившись окончанія курса въ С. Х колледжѣ въ г. Лансингъ, шт. Мичиганъ.

тическаго порыва. Одного изъ партіи я дополнительно отправилъ на практику очистки лѣсистыхъ земель для культуры посредствомъ примѣненія динамита — въ Висконсинскій сельско-хозяйственный колледжъ, въ которомъ имѣлся спеціалистъ техникъ этого интереснаго для Россіи дѣла и организована на сѣверѣ штата въ глухихъ лѣсахъ и болотахъ, — практика для обучающихся.

Я не знаю дальнѣйшей судьбы всѣхъ этихъ практикантовъ сельскаго хозяйства, равно какъ и холодильнаго дѣла, что поставлены были мною на полугодовую работу въ Чикаго и другихъ городахъ — на холодильные склады при бойняхъ по преимуществу. Но полагаю, эта подготовка имъ пригодилась въ жизни.

Было у меня и другое порученіе по холодильному дѣлу: заказать нѣсколько холодильныхъ установокъ съ холодильными машинами и съ системой Купера (циркуляція холоднаго разсола) для учебныхъ цѣлей сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Заказъ этотъ былъ выполненъ и машины были отправлены въ Россію, помнится черезъ Архангельскъ. Когда я вернулся въ Россію, всѣ мои попытки отыскать слѣды полученія этихъ грузовъ соотвѣтствующимъ вѣдомствомъ (уже большевиковъ) не привели къ положительнымъ результатамъ, — такъ я и не знаю, какая судьба постигла ихъ.

Какъ извѣстно, Архангельскъ былъ долго во власти англичанъ, потомъ сѣвернаго правительства: масса грузовъ передъ ликвидаціей была забрана англичанами, часть брошена на складахъ и вѣроятно расхищена.

Отчасти ex officio, отчасти по своей инициативѣ я рѣшилъ использовать мое пребываніе въ Америкѣ для изученія постановки ихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и опытныхъ станцій при нихъ, и особенно ихъ роли во время войны. За содѣйствіемъ въ отношеніи плана объѣзда и рекомендацій къ соотвѣтствующимъ лицамъ, стоящимъ во главѣ сельско-хозяйственныхъ колледжей, я обратился къ милѣйшему и добрѣйшему доктору Фэйрчайльду, завѣдующему отдѣломъ акклиматизаціи иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ растеній въ министерствѣ земледѣлія. Къ нему у меня было письмо Регеля, завѣдывающаго бюро растеніеводства въ Петроградѣ. Съ первой же встрѣчи и во всѣхъ случаяхъ моихъ обращеній къ Фэйрчайльду я находилъ въ немъ добраго совѣтника, всегда готоваго помочь своими связями и знакомствами. Др. Фэйрчайльдъ созвалъ совѣщаніе изъ нѣсколькихъ своихъ коллегъ по бюро растеніеводства, съ которыми я и имѣлъ случай здѣсь познакомиться, а впослѣдствіи нерѣдко встрѣчаться въ клубѣ ученыхъ и литераторовъ въ Вашингтонѣ «Космосъ».

Совѣщаніе намѣтило для меня программу осмотра с. х. колледжей, а затѣмъ меня снабдили рядомъ рекомендательныхъ писемъ. Черезъ того же д-ра Фэйрчайльда я получилъ кучу печатнаго матеріала по интересовавшему меня вопросу. Американское министерство земледѣлія извѣстно всему міру своей особенной щедростью въ безплатной раздачѣ своихъ изданій, ко мнѣ же оно относилось съ особенной предупредительностью, потому что я привезъ изъ Россіи и преподнесъ министру земледѣлія Хюстону рядъ нашихъ цѣнныхъ изданій Отдѣла Сельской Экономіи по кустарнымъ промысламъ, Отдѣла Земельныхъ Улучшеній и Департамента Земледѣлія.

Запасшись указанными рекомендаціями и пригласивъ въ помощь себѣ во время намѣченныхъ осмотровъ М. И. Волкова, я отправился въ объѣздъ сельско-хозяйственныхъ колледжей восточныхъ и центральныхъ штатовъ и посѣтилъ слѣдующіе изъ нихъ: въ Итакѣ, Н. І., Нью-Брунсвикѣ, Н. Дж., Лансингѣ, Мич., Эмсѣ, Айова, Мэдисонѣ, Виск. и Линкольнѣ, Небр.

Посѣщенія эти были по необходимости кратковременны и сосредоточивались больше на отдѣлахъ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ массѣ — Extension departements, которые организованы, по особому закону, при всѣхъ штатныхъ американскихъ колледжахъ и представляютъ для насъ русскихъ наибольшій интересъ. Личнаго кратковременнаго осмотра, конечно, было недостаточно, онъ въ значительной степени дополненъ матеріаломъ изъ программъ, отчетовъ и брошюръ, издаваемыхъ каждымъ колледжомъ отдѣльно, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Много интересныхъ лицъ — крупныхъ дѣятелей въ области сельско-хозяйственныхъ знаній, много интереснаго и поучительнаго въ постановкѣ вспомогательныхъ сторонъ преподаванія сельскаго хозяйства въ колледжахъ, на лѣтнихъ курсахъ и черезъ участковыхъ агрономовъ — довелось мнѣ узнать въ этотъ объѣздъ, и роль американскихъ учебныхъ заведеній во время войны представилась мнѣ настолько яркой и поучительной, что я рѣшилъ написать отдѣльную книгу на эту тему, каковая задача и была выполнена въ 1918 г.

Такъ какъ записи фактическихъ данныхъ и часть основаннаго на нихъ текста вчернѣ были подготовлены М. И. Волковымъ, то книга появилась съ двумя фамиліями: Н. Бородинъ и М. Волковъ. «Сельско-хозяйственная Америка во время войны. Москва. 1918. Изд. книгоиздательства «Народная Свобода». Послѣдніе корректурные листы я подписалъ осенью 1918 г. передъ моимъ отъѣз-

домъ въ Самару и Уфу. Мнѣ уже не привелось вернуться въ Россію, и я до 1928 года не могъ нигдѣ добыть этой своей книги, и только въ этомъ году — черезъ десять лѣтъ послѣ ея отпечатанія получилъ одинъ экземпляръ.

Когда впослѣдствіи по заказу русскаго издательства въ Нью-Іоркѣ я писалъ другую книгу объ американскихъ с. х. учебныхъ заведеніяхъ и опытныхъ станціяхъ, личное знакомство съ нѣкоторыми изъ нихъ въ 1917 г. значительно помогло мнѣ правильно освѣтить особенности американскихъ с. х. учебныхъ заведеній. Странная судьба постигла эту вторую книгу на близкую съ первой тему: я сдалъ рукопись издателю въ 1921 году, затѣмъ мой издатель перевелъ свое дѣло изъ Нью-Іорка въ Берлинъ; во многихъ газетахъ въ числѣ новыхъ книгъ значилась эта моя книга о с. х. учебныхъ заведеніяхъ Америки, но книги я никакъ получить не могъ. И только въ 1925 г. узналъ, что она еще не напечатана и въ рукописи продана другому издательству «У. М. С. А.» въ Берлинѣ, а что сдѣлало съ нею это второе издательство, пріостановившее свою дѣятельность изъ-за невозможности сбыта издаваемыхъ имъ книгъ въ Россіи, — я и по сіе время не вѣдаю.

Я упоминалъ о порученіи образовать въ Нью-Іоркѣ Американско-русское общество съ цѣлями, одинаковыми съ Русско-Американскимъ обществомъ Петрограда. Эта идея была встрѣчена очень сочувственно американско-русскими кругами Нью-Іорка. Для выработки устава было созываемо два собранія, на которыхъ текстъ устава былъ одобренъ, и оставалось созвать инціативное собраніе, выбрать президіумъ и приступить къ дѣятельности. Предсѣдатель долженъ былъ быть намѣченъ заблаговременно и на немъ какъ то собраніе не могло сговориться: находили, что при демократическомъ правительствѣ Вильсона выбирать въ предсѣдатели общества республиканца Рузвельта значитъ лишить общество правительственной поддержки, въ каковой оно будетъ, несомнѣнно, нуждаться въ своей дѣятельности. Не находилось ни одного подходящаго лица, на кандидатурѣ котораго члены инціативной группы сошлись бы, — и вопросъ о предсѣдателѣ повисъ въ воздухѣ. Отчасти это обстоятельство, а, главнымъ образомъ, измѣненія въ ходѣ политическихъ событій въ Россіи, — затормозили дѣло, и намѣченное общество такъ и не осуществилось...

Лѣтомъ и въ началѣ осени 1917 года изъ Петрограда стали доходить очень тревожныя вѣсти: борьба за власть крайнихъ лѣвыхъ со Временнымъ правительствомъ разгоралась съ каждымъ днемъ; армія начала разваливаться, московское совѣщаніе съ яркимъ патріотическимъ порывомъ и оваціей въ честь Корнилова какъ

будто давали нѣкоторую надежду на спасеніе положенія; дальнѣйшій ходъ событій — съ походомъ Корнилова на Петроградъ и арестомъ его по распоряженію Керенскаго — усилилъ общую тревогу, и указывалъ на крайнюю грозность положенія.

У меня къ этому времени создалось такое настроеніе, что я никакъ не могъ усидѣть въ Америкѣ... Я уѣзжалъ изъ Петрограда съ твердой увѣренностью вернуться туда обратно по окончаніи миссіи, дѣлъ своихъ домашнихъ и общественныхъ не ликвидировалъ и потому, какъ это ни казалось всѣмъ моимъ друзьямъ въ Америкѣ неблагоразумнымъ, — я въ сентябрѣ 1917 г. былъ на пути черезъ Японію—Владивостокъ въ Петроградъ — Россію...

ГЛАВА X.

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ И МОСКВѢ ПОДЪ БОЛЬШЕВИКАМИ (1917—1918 Г.).

Возвращеніе въ Россію. — Первыя впечатлѣнія въ Петроградѣ. — Бомбардировка Зимняго дворца и большевистскій переворотъ. — Большевики въ министерскихъ канцеляріяхъ. — Антибольшевистская работа. — Позиція «К. Д.» — — Убійство А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина и ихъ похороны. — Отъѣздъ въ Москву. — Москва подъ большевиками въ 1918 г.: ихъ отношеніе къ «К. Д.» и къ кооперативамъ. — Аресты. — Національный центръ. — Споръ объ отношеніи къ нѣмцамъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира. — Убійство германскаго посла Мирбаха. — Общія условія жизни въ Москвѣ. — Слухи о побѣдахъ чехо-словаковъ надъ красными и отношеніе къ нимъ московскаго населенія. — Порученіе Международнаго Краснаго Креста объ обмѣнѣ плѣнныхъ и мой отъѣздъ изъ Москвы. — Переѣздъ черезъ волжскій фронтъ.

Тревога по поводу событій внутри Россіи какъ то возрастала по мѣрѣ приближенія къ ней... Какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли и сомнѣнія, на пути изъ Японіи во Владивостокъ, на русскомъ пароходѣ между пассажирами завязался споръ на ту же больную тему. И я вспоминаю слова капитана парохода — стараго морского волка, который съ убѣжденіемъ утверждалъ и предсказывалъ, что по переходѣ власти къ солдатамъ, матросамъ и рабочимъ начнется сплошное мщеніе офицерамъ и вообще старшимъ: «довольно вы кровушки нашей попили! Теперь нашъ чередъ». И ничто не удержитъ ихъ отъ массовыхъ убійствъ изъ мести, по утвержденію морского волка, видимо, знавшаго психологію подчиненныхъ...

Пассажиры спорили съ нимъ, доказывая, что и среди нижнихъ чиновъ есть благоразумные люди, которые воспрепятствуютъ насилію... Я тоже думалъ въ то время, что до этого дѣло не дойдетъ. Но капитанъ стоялъ на своемъ: «вотъ увидите!», твердилъ онъ. И, какъ показало дѣло, онъ правильно понималъ создавшееся положеніе.

Къ моему счастію изъ Владивостока еще ходили дальневосточные экспрессы, и я безъ особаго труда получилъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Видимо, немного находилось охотниковъ ѣхать въ Петроградъ въ это время, а между тѣмъ это былъ послѣдній экспрессъ. Вагоны его сильно подгуляли; освѣщался онъ уже свѣчами; довольно изрядная грязь внутри и пассажиръ больше «демократическій». На станціяхъ насъ не аттаковали, какъ это бывало съ поѣздами, двигавшимися на востокъ... Опять таки, очевидно, потому что къ центру не стремились.

Приблизительно съ Челябинска началась закупка съѣстного: я замѣтилъ, что кондуктора заняты исключительно закупкой всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ и заполняли буквально всѣ свободныя мѣста въ вагонѣ этими продуктами: хлѣбъ въ разныхъ видахъ, сало, окорока, яйца, арбузы и т. п. Видимо, въ городахъ нужда въ продуктахъ была велика, и на этой спекуляціи кондуктора наживались; нѣкоторые изъ нихъ бахвалились, что уже заработали на этомъ «тысячъ по двадцать на брата» (тогда эти тысячи еще значили много). Пассажиры тоже начали закупать провіантъ.

Я запасся еще въ Японіи американскимъ сгущеннымъ молокомъ, сахаромъ и бисквитами, которые шли багажемъ, и очень боялся, что у меня это богатство отнимутъ; но по счастью я довезъ ихъ до Петрограда благополучно, и они долго спасали насъ отъ однобокаго питанія картофелемъ, селедкой и мясомъ (иногда).

Подъѣзжаемъ къ Петрограду, — экспрессъ останавливаютъ, и цѣлая орава солдатъ вваливается въ поѣздъ и съ наскокомъ требуютъ документы и пытаются обшаривать. Начинаются дикія сцены отбиранія муки, хлѣба и т. п. Солдаты ведутъ себя нахально и надмываются надъ пассажирами, какъ настоящіе хамы, получившіе власть.

Все это не предвѣщало ничего хорошаго въ столицѣ. Петроградъ съ перваго взгляда какъ будто ничего особеннаго не представлялъ. Невскій выглядѣлъ какъ всегда, правда, немножко грязнѣе, но это и все... И общественная жизнь, видимо, шла обычной колеей: въ самый день моего пріѣзда въ народномъ домѣ Николая II «К. Д.» партіей былъ организованъ большой митингъ, на

которомъ должны были говорить Милюковъ, Шингаревъ и другіе. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повидать въ сборѣ своихъ товарищей по партіи и отправился на митингъ. На эстрадѣ дѣйствительно я встрѣтилъ многихъ изъ нихъ. Начало митинга сильно задержалось изъ-за опозданія ораторовъ (П. Н. Милюкова), залъ былъ биткомъ набитъ, и было много солдатъ и матросовъ; публика начала выражать нетерпѣніе, и, чтобы выйти изъ затрудненія, распорядители пристали ко мнѣ съ просьбой выступить экспромптомъ и разсказать о пріемѣ русской миссіи въ Америкѣ. Конечно, эта тема меня нисколько не затрудняла и, чтобы спасти положеніе и уважить товарищей по партіи, я неожиданно для себя въ самый день пріѣзда выступилъ въ качествѣ экстреннаго оратора въ самомъ началѣ митинга. Выступленіе внѣ программы, какъ я знаю, публика не особенно любитъ; но на этотъ разъ была особая причина: «только что возвратившійся изъ Америки членъ миссіи». И публика, видимо, не только не негодовала, но осталась довольной. Какъ только я замѣтилъ, что очередной ораторъ прибылъ, наконецъ, я закончилъ рѣчь и уступилъ ему трибуну.

Митингъ прошелъ благополучно, ораторовъ К. Д. встрѣчали и провожали апплодисментами... Изъ бесѣды съ партійными товарищами, правда, я узналъ, что положеніе дѣлъ обостренное и настроеніе тревожное, но я никакъ не подозрѣвалъ, что черезъ нѣсколько дней я буду свидѣтелемъ бомбардировки съ р. Невы Зимняго дворца, гдѣ засѣдали министры Временнаго правительства. Да, вѣроятно, ни одинъ изъ министровъ за два-три дня до большевистскаго переворота не подозрѣвалъ о томъ, что имѣло совершиться.

Моя квартира на Кронверкской улицѣ Петроградской стороны находилась въ 4-мъ этажѣ и окнами обращена была на Петропавловскую крѣпость и Зимній дворецъ. Въ 2 часа ночи, 25 октября (7-го ноября) я былъ разбуженъ громовыми выстрѣлами; взглянулъ въ окна: пламя изъ орудій освѣщало зданія и орудійные выстрѣлы гремѣли, какъ на фронтѣ... Наканунѣ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ видѣли канонерку «Аврору», вошедшую въ Неву и ставшую на якорь у Петропавловской крѣпости. Высказывали недоумѣніе, что это могло значить...

Теперь было очевидно, что матросы «Авроры» бомбардируютъ Зимній дворецъ — мѣсто засѣданій Временнаго правительства... Вскорѣ вѣсть объ этомъ облетѣла весь Петроградъ... Подробностей перипетій у Зимняго дворца не знали, но говорили, что его защищаютъ юнкера и женскій батальонъ. Въ этомъ одномъ фактѣ

былъ приговоръ Временному правительству: защищать его не нашлось регулярнаго войска, а положили свои головы геройскіе юноши и дѣвушки...

Итакъ, я неожиданно въ первые же дни послѣ своего пріѣзда изъ Америки очутился «подъ большевистской властью». Сначала они дѣйствовали очень нерѣшительно, особенно въ области пріема въ свое попеченіе различныхъ правительственныхъ учрежденій, и ихъ агенты, свиду больше похожіе на парикмахеровъ и прикащиковъ, — приходя «принимать» департаментъ или еще какое учрежденіе сами себя чувствовали вродѣ какъ бы «ворона въ павлиньихъ перьяхъ»... Болѣе благоразумные сразу взяли тонъ приспособленія, предоставляя веденіе дѣла прежнимъ служащимъ, и тамъ не было комическихъ сценъ; но въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ ихъ бывшіе начальники прямо таки издѣвались надъ вновь объявленными чиновниками, ставя ихъ намѣренно въ глупое положеніе...

Вскорѣ, однако, вышло распоряженіе, чтобы служащіе, желающіе оставаться на службѣ новому правительству, сдѣлали соотвѣтствующее заявленіе. Тогда началось раздѣленіе чиновъ на «саботажниковъ» и несаботажниковъ. Число первыхъ въ общемъ сначала было очень ограничено: напр., въ нашемъ отдѣлѣ рыболовства Мин. Земледѣлія одинъ я не подалъ заявленія; всѣ остальные остались на своихъ мѣстахъ. Нашъ бывшій начальникъ В. К. Бражниковъ оказался самымъ предусмотрительнымъ: еще въ началѣ 1917 г. онъ отправился въ командировку въ Швецію, забравъ съ собою и семью, оставался тамъ во время мартовской революціи и всѣхъ послѣдующихъ событій, а затѣмъ получилъ приглашеніе въ Японію читать лекціи о русскомъ рыболовствѣ въ Институтѣ рыболовства въ Токіо, гдѣ онъ и скончался въ 1920 г.

Тоже самое надо сказать и о холодильномъ отдѣлѣ М-ва Продовольствія, къ которому я имѣлъ нѣкоторое отношеніе: тамъ, кромѣ старшаго начальства, всѣ остались на своихъ мѣстахъ.

Теперь уже установлено, что, захвативъ власть, большевики сами были увѣрены, что имъ не удержаться долго и потому, если большевистское правительство и проявляло энергію, то больше въ области пропаганды, окончательнаго развала арміи и разгона Учредительнго Собраанія.

Вокругъ этого послѣдняго еще вѣяла слабая надежда на возможныя перемѣны. Но его составъ, съ «С. Р.»-скимъ большинствомъ, не обѣщалъ ничего путнаго. Я имѣлъ несчастіе быть избраннымъ въ Учредительное собраніе отъ Уральскаго Казачьяго войска (съ первой революціей я былъ возстановленъ въ политическихъ правахъ). Но къ своему благополучію въ оффиціальный

списокъ членовъ Учредительнаго собранія не былъ внесенъ, такъ какъ выборы въ нашей окраинѣ были позже, чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ. . .

Говорю «къ благополучію», потому что всѣ попавшіе въ списокъ принуждены были скрыться отъ преслѣдованія большевиковъ, а часть попала подъ арестъ. Не будучи въ оффиціальномъ спискѣ, я не былъ и на томъ злосчастномъ засѣданіи Учредительнаго собранія подъ предсѣдательствомъ В. М. Чернова, которое было разогнано матросами и солдатами.

Какъ я уже упомянулъ, со службой по министерству Земледѣлія я покончилъ; Сельско-хозяйственные курсы, гдѣ я преподавалъ, за неопредѣленностью положенія и отсутствіемъ средствъ къ занятіямъ не приступали. Комитетъ по Холодильному дѣлу, «Извѣстія» котораго я редактировалъ, тоже изъ-за отсутствія средствъ дышалъ на ладанъ. Такимъ образомъ, у меня не оставалось никакой платной работы. Я заканчивалъ книгу «Сельско-хозяйственная Америка во время войны» въ надеждѣ продать рукопись для изданія.

Главная же работа моя сосредоточивалась въ «К. Д.» партіи, которая постепенно переходила, въ силу необходимости, отъ открытой легальной къ закрытой полулегальной работѣ. Правда, Е. И. Кедрину удалось временно держать открыто помѣщеніе «К. Д.» клуба въ шикарномъ домѣ на Гагаринской набережной, гдѣ члены «К. Д.» партіи собирались регулярно на доклады о положеніи дѣлъ; тамъ же засѣдалъ комитетъ партіи. Но это продолжалось недолго.

Вскорѣ въ клубъ явились съ обыскомъ, забрали всю К. Д. литературу и, не смотря на протесты Кедрина, клубъ по распоряженію комиссара Литейной части былъ закрытъ.

Но у партіи оставался еще не бывшій извѣстнымъ большевистской полиціи складъ изданій на Эртелевомъ переулкѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими работалъ и я. Одна сочувствующая партіи типографія принимала еще наши заказы, и мы продолжали печатать брошюры анти-большевистскаго характера и успѣшно распространяли ихъ черезъ нашихъ членовъ изъ молодежи, служившихъ въ полкахъ петроградскаго гарнизона. Это уже была полуподпольная работа: дико было себѣ представить К. Д. въ подпольѣ, но фактически оно было такъ.

И засѣданія Петроградскаго комитета партіи происходили на частныхъ квартирахъ, часто мѣняемыхъ. . . Помню на одно изъ такихъ засѣданій неожиданно для всѣхъ явилась графиня С. И.

Панина, — сіяющая и оживленная — прямо изъ Петропавловки, гдѣ она сидѣла вмѣстѣ съ другими министрами Временнаго правительства (она была министромъ презрѣнія)... Разсказала она намъ о томъ, какъ ихъ содержали и какъ себя чувствуютъ товарищи по партіи и несчастію. Режимъ внутри, по ея словамъ, былъ довольно сносенъ. Но сама тюремная администрація и внѣшняя полиція боялись военной стражи изъ солдатъ, которые стали вести себя самостоятельно и вмѣшивались въ распоряженія о содержаніи арестантовъ. Это была, по ея словамъ, опасная сторона положенія.

И, какъ показала скоро дѣйствительность, графиня была права: очень скоро послѣ ея освобожденія имѣло мѣсто звѣрское убіііство солдатами А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, о чемъ подробнѣе скажу ниже.

Но была и хорошая сторона въ отсутствіи правильнаго режима и порядка въ Петропавловской крѣпости. Напримѣръ, нашъ товарищъ и энергичнѣйшій партійный борецъ В. А. Степановъ, арестованный большевиками и сидѣвшій въ Петропавловкѣ, былъ освобожденъ при чисто романической обстановкѣ... Объ этомъ онъ повѣдалъ намъ, явившись изъ тюрьмы, какъ снѣгъ на голову, въ солдатской шинели, на одно изъ нашихъ тайныхъ засѣданій. Насколько я помню, дѣло съ нимъ было такъ: объ его арестѣ и нахожденіи въ Петропавловкѣ стало извѣстно нѣкоему N., человѣку, близкому къ большевистскимъ верхамъ и когда то вырученному В. А. Степановымъ изъ большой непріятности. Изъ благодарности за это N. получаетъ отъ соотвѣтствующаго военнаго чина ордеръ на освобожденіе Степанова изъ подъ стражи; съ этимъ ордеромъ проникаетъ въ крѣпость, вызываетъ Степанова, сажаетъ его на извощика и увозитъ изъ крѣпости... Стражѣ было достаточно военнаго ордера, и В. А. неожиданно очутился на свободѣ... Конечно, послѣ того онъ уже проживалъ подъ чужой фамиліей и вскорѣ скрылся съ петроградскаго горизонта, продолжая работу противъ большевиковъ преимущественно среди военныхъ. Впослѣдствіи онъ пробрался на Донъ и работалъ въ гражданскомъ управленіи у Деникина на югѣ Россіи, гдѣ и скончался.

Особенная тяжесть и невыносимость жизни въ Петроградѣ стала чувствоваться послѣ двухъ случаевъ безсудной расправы солдатъ конвоя съ двумя юношами (сыновья француза), арестованными по пустякамъ на улицѣ и тамъ же немедленно разстрѣлянными, и съ А. И. Шингаревымъ и Ф. Ф. Кокошкинымъ, застрѣленными изъ револьвера въ камерахъ Маріинской больницы, куда они были переведены изъ Петропавловской крѣпости по ихъ болѣзни.

Это послѣднее событіе, имѣвшее мѣсто 6 декабря 1917 г. особенно потрясло меня. Оно было первымъ крупнымъ случаемъ безсудной расправы озвѣрѣлыхъ солдатъ съ представителями интеллигенціи не офицерами, и оставшись безнаказаннымъ случай послужилъ прецедентомъ для дальнѣйшихъ преслѣдованій интеллигентовъ — арестовъ, ссылокъ въ Сибирь и за границу, введенныхъ въ систему большевистскимъ правительствомъ.

На похоронахъ этихъ невинныхъ жертвъ большевистскаго режима собралась громадная толпа; изъ устъ въ уста передавались подробности этого небывалаго въ лѣтописяхъ Россіи убійства лазаретныхъ больныхъ, въ ихъ постеляхъ, приставленной къ нимъ военной стражей.

Всѣхъ насъ, знакомыхъ съ женой Ф. Ф. Кокошкина, а также постороннихъ поразило, между прочимъ, ея лицо во время похоронъ: никакого выраженія горя или страданія нельзя было прочесть на ея лицѣ, а мы знали, какъ горячо она любила своего мужа... Выраженіе ея лица говорило, какъ бы, о заранѣе бывшей ей извѣстной судьбѣ, уготованной Федору Федоровичу, съ которымъ его жена, какъ вѣрующая христіанка, примирилась и ждала своей очереди присоединиться къ нему на томъ свѣтѣ...

Впослѣдствіи, живя въ Москвѣ у М. И. Кокошкиной въ квартирѣ и познакомившись съ ней ближе, я узналъ, что они съ Ф. Ф. не разъ говорили о такомъ именно концѣ его политической дѣятельности: онъ шелъ сознательно на жертву, поэтому-то его вдова не была удивлена насильственной смертью ея мужа и не горевала, какъ можно было ожидать. За то она продолжала, и послѣ смерти Федора Федоровича, боготворить его: покойный обладалъ особенно красивыми, какъ у пьяниста, руками, съ длинными аристократическими пальцами, и алебастровый слѣпокъ этихъ любимыхъ рукъ и бюста лица въ стеклянномъ ящикѣ стоялъ близъ ея постели.

Я не могъ найти въ Питерѣ издателя для своей книги, не могъ получить и работы, да и жизнь подъ большевиками въ городѣ, гдѣ я былъ, благодаря проживанію тамъ около 15 лѣтъ, многимъ извѣстенъ, — становилась для меня не безопасной... Въ виду этого, въ февралѣ 1918 г. я, одѣвшись въ демократическій костюмъ, въ картузѣ и высокихъ сапогахъ, налегкѣ съ ручнымъ чемоданчикомъ, направился въ Москву, гдѣ, какъ передавали, жилось много свободнѣе, и издательства работали безпрепятственно.

Достать ж.-д. билетъ можно было лишь посредствомъ взятки: была установлена и цѣна, и адресъ, гдѣ билетъ можно было по-

лучить, не становясь наканунѣ въ очередь. Это былъ швейцаръ одной изъ гостинницъ на Лиговкѣ, который, очевидно, былъ въ соглашенiи съ «товарищами кассирами» на станцiи и дѣлился съ ними барышами отъ этой своеобразной торговли. За билетъ 3-го класса, стоившiй 5 рублей, я заплатилъ 105 руб. и за пропускъ до толпы въ вагонъ далъ 10 рублей носильщику и такимъ путемъ благополучно забрался въ вагонъ, въ которомъ уже были такiе же привиллегированные пассажиры. Чтобы не подвергаться «утѣсненiю» я забрался на верхнюю полку и такъ и проѣхалъ весь путь. На вокзалахъ въ Петроградѣ и Москвѣ уже царило столпотворенiе: солдаты завладѣли всѣми помѣщенiями, столами, стульями. Это скорѣе были вооруженные лагеря, а не вокзалы двухъ столицъ.

Я не расчитывалъ, что застряну въ Москвѣ окончательно и не смогу вернуться въ Питеръ. Но обстоятельства такъ сложились, что это было мое послѣднее «прости» С.-Петербургу, гдѣ я провелъ лучшiе годы студенческой жизни, гдѣ впослѣдствiи долго жилъ и работалъ...

И въ Москвѣ было не такъ то легко въ это переходное и неопредѣленное время найти издателя моей книги, хотя по содержанiю она и представляла нѣкоторый интересъ современности. Пришлось прожить тамъ дольше, чѣмъ я предполагалъ, а тутъ подвернулась и платная работа — въ товарномъ отдѣлѣ Московскаго Народнаго банка по моей спецiальности — холодильное дѣло, что побудило меня, пока что, остаться въ Москвѣ... И московское радушiе товарищей по партiи, и большая безопасность — играли немаловажную роль въ моемъ рѣшенiи.

Въ товарномъ отдѣлѣ Московскаго Народнаго банка въ то время работали С. Н. Прокоповичъ, бывшiй министръ продовольствiя, Д. Д. Протопоповъ, а отдѣломъ животноводства, въ которомъ находилось и холодильное дѣло, завѣдывалъ В. Н. Бреславецъ. Кромѣ меня въ томъ же отдѣлѣ работалъ проф. М. С. Х. Института Ивановъ. Во время кратковременной службы тамъ написалъ я для отдѣла книжку «Холодильное дѣло и Кооперацiя», разрабатывалъ вопросъ о передачѣ банку сѣти правительственныхъ холодильниковъ для мяса съ условiемъ приведенiя ихъ въ должный видъ и эксплоатацiи по контракту. Все шло какъ будто ладно, пока кооперацiи большевики не задѣвали. Но вскорѣ и среди кооператоровъ начались аресты: сначала были арестованы два директора Закупъ-Сбыта, потомъ добрались до директора Народнаго банка (учрежденiя тоже кооперативнаго), котораго хотя скоро и выпустили, но кооперацiя стала на сторожѣ, и ея операцiи стали сокращаться.

Я нашелъ, наконецъ, издателя своей книги въ лицѣ издательства «Народная Свобода», которое еще функцiонировало и имѣло свой книжный складъ. Въ томъ же зданiи, во второмъ этажѣ, былъ К. Д. клубъ, — здѣсь въ Москвѣ еще функцiонировавшiй свободно. Въ немъ члены партiи собирались регулярно, иногда прiѣзжали партiйные работники изъ провинцiи, и въ клубѣ всегда было интересно бывать. Но вскорѣ и это мѣсто собранiй сдѣлалось недоступнымъ: нагрянули съ обыскомъ, переписали присутствовавшихъ на вечеринкѣ и арестовали Н. М. Кишкина, М. Г. Комиссарова и еще нѣсколькихъ лицъ. Кончилось дѣло ничѣмъ, но клубъ былъ закрытъ.

Я усиленно гналъ наборъ моей книги, которая печаталась въ типографiи кооперативнаго товарищества «Задруга», съ Мелгуновымъ во главѣ. Я перезнакомился съ группой литераторовъ, ведшихъ это издательство, и вскорѣ получилъ порученiе подобрать авторовъ и подготовить популярныя книги объ устройствѣ кооперативныхъ боенъ, молочныхъ, яичныхъ, фруктовыхъ складовъ съ холодильниками при нихъ. Составленный мною списокъ книжекъ и авторовъ былъ одобренъ правленiемъ, нѣкоторыя книжки уже были заказаны, одна, вводная, была написана мною и сдана товариществу. Не знаю, чѣмъ кончилось это предпрiятiе, такъ какъ съ отъѣздомъ изъ Москвы (довольно неожиданномъ и для меня самого), я передалъ сношенiя съ авторами и пр. проф. С. А. Богданову.

Изъ другихъ общественныхъ начинанiй я продолжалъ въ Москвѣ работу по холодильному дѣлу совмѣстно съ Московскимъ Комитетомъ по холодильному дѣлу: у насъ былъ организованъ при правленiи Московско-Казанской желѣзной дороги съѣздъ дѣятелей по холодильному дѣлу, на которомъ выяснилось, между прочимъ, печальное положенiе холодильниковъ для мяса, экстренно построенныхъ министерствомъ продовольствiя черезъ извѣстнаго инженера фонъ-Мека. Какъ водится, на съѣздѣ былъ вынесенъ рядъ резолюцiй, но чувствовалось, что все это «на песцѣ» и что за отсутствiемъ средствъ и за неопредѣленностью политическаго положенiя, — всѣ эти пожеланiя останутся на бумагѣ.

Очень интересное предпрiятiе было намѣчено С. Н. Прокоповичемъ — Кооперативный Институтъ, особаго рода высшее учебное заведенiе, въ программу котораго, между другими предметами, было введено холодильное дѣло, курсъ котораго было предложено читать мнѣ. Но это было тоже въ проектѣ, который, вѣроятно тоже остался неосуществленнымъ.

Партiйная жизнь К. Д. партiи послѣ закрытiя клуба сосредоточивалась исключительно въ совѣщанiяхъ Центральнаго Комитета, который собирался съ предосторожностями въ разныхъ частяхъ города и на перемѣнныхъ квартирахъ. Неутомимой распорядительницей по устройству этихъ совѣщанiй была С. И. Панина. Многiе изъ членовъ Ц. К. являлись въ Москву лишь на эти совѣщанiя, скрываясь отъ большевистскаго сыска за городомъ (Н. А. Астровъ, А. А. Кизеветтеръ и др.). Совѣщанiя носили больше освѣдомительный характеръ и въ смыслѣ дѣйствiй ограничивались дачей полномочiй для сношенiя съ другими организацiями отдѣльнымъ лицамъ или группѣ лицъ.

Однимъ изъ важныхъ въ смыслѣ исполненiя долга партiи актовъ за этотъ перiодъ было созданiе капитала имени А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина — для поддержки ихъ семей. Послѣ смерти А. И. Шингарева осталось 6 человѣкъ сиротъ на попеченiи дѣда и тетки (его жена тоже скончалась); послѣ Ф. Ф. Кокошкина — вдова съ сыномъ и дочкой. Главныя средства для образованiя названнаго капитала были получены отъ изданiя превосходной книги, посвященной памяти покойныхъ, отъ продажи экземпляровъ коей была выручена солидная сумма. Кромѣ того, были собраны и спецiальныя пожертвованiя. Я не помню цифръ, но помню, что изъ доклада ближайшаго работника по этому дѣлу — личнаго друга А. И. Шингарева — N. на одномъ изъ совѣщанiй мы вынесли впечатлѣнiе, что судьба обѣихъ семей обезпечена и долгъ партiи передъ ея крупными покойными членами и работниками выполненъ. Центръ же политической антибольшевистской жизни въ Москвѣ въ это время сосредоточивался въ тайныхъ совѣщанiяхъ вновь организованнаго междупартiйнаго «Нацiональнаго Центра», въ который входили представители несоцiалистическихъ антибольшевистскихъ партiй и группъ. Главнымъ руководителемъ этой организацiи былъ М. М. Федоровъ. Кромѣ него, изъ К. Д. партiи принимали участiе: Н. И. Астровъ, П. И. Новгородцевъ, В. А. Степановъ, пишущiй эти строки и нѣкоторые другiе.

Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ нашей партiи, я помню, встрѣчалъ на собранiяхъ Нацiональнаго Центра А. А. Кривошеина и нѣкоторыхъ другихъ, имена коихъ называть считаю пока неудобнымъ по весьма понятной причинѣ.

На собранiяхъ Нацiональнаго Центра горячо дебатировались коренные вопросы момента объ отношенiи къ проектировавшемуся спасенiю Россiи отъ большевиковъ черезъ нѣмцевъ, которые въ это время уже были хозяевами положенiя на Украинѣ, и ихъ представитель графъ Мирбахъ спокойно расположился, въ качествѣ

посла, въ одномъ изъ московскихъ барскихъ особняковъ... Но національное озлобленіе противъ нѣмцевъ, унизившихъ Россію при содѣйствіи большевиковъ позорнымъ Брестъ-Литовскимъ миромъ, еще было слишкомъ сильно, и Мирбахъ былъ убитъ при одномъ изъ выѣздовъ изъ квартиры. Это убійство было организовано эсэрами.

Любопытно отношеніе къ этому акту московскаго населенія: полное внѣшнее равнодушіе, а въ душѣ — доля радости у многихъ и многихъ... Я былъ на улицѣ, гдѣ жилъ Мирбахъ, въ день его убійства: даже простого любопытства уличныхъ обывателей нельзя было замѣтить; улица была пустынна, а между тѣмъ о событіи было уже сообщено въ газетахъ.

Особенно памятно мнѣ одно изъ засѣданій «Н. Ц.», на которомъ намъ было сообщено, изъ первыхъ рукъ, мнѣніе П. Н. Милюкова о допустимости сношеній съ нѣмцами для борьбы съ большевиками... Это шло въ разрѣзъ съ основнымъ положеніемъ, котораго держался «Н. Ц.»: остаться вѣрными союзникамъ и продолжать борьбу противъ нѣмцевъ и ихъ союзниковъ большевиковъ. Насъ поразило это сообщеніе какъ громомъ и за исключеніемъ небольшой группы лицъ (помнится П. И. Новгородцевъ былъ въ ихъ числѣ), всѣ мы высказались за недопустимость такихъ сношеній.

Наоборотъ, все больше и больше укоренялась мысль о необходимости созданія особаго фронта противъ большевиковъ при помощи союзниковъ, и, когда возможность осуществленія такого плана стала выясняться, — сначала въ видѣ открытой борьбы противъ совѣтскихъ войскъ со стороны чеховъ, двигавшихся на востокъ въ боевомъ порядкѣ, а затѣмъ въ виду возстаній противъ большевиковъ на Дону, — то «Н. Ц.» перенесъ свою дѣятельность на югъ Россіи, гдѣ и продолжалъ работу съ Алексѣевымъ и Деникинымъ. Туда же переселились наиболѣе активные работники Н. Ц. — М. М. Федоровъ, В. А. Степановъ, Н. И. Астровъ и др.

У меня же представилась возможность двинуться въ другомъ направленіи, именно на чешскій фронтъ, о чемъ сообщу ниже болѣе подробно. Здѣсь же хочу остановиться нѣсколько на очеркѣ общихъ условій жизни въ Москвѣ во время моего въ ней пребыванія (февраль—сентябрь 1918 г.).

Въ общемъ въ Москвѣ въ это время физическія условія существованія были лучше, чѣмъ въ Петроградѣ: было больше пищевыхъ продуктовъ, недостатокъ чувствовался лишь въ хлѣбѣ, котораго въ ресторанахъ или совсѣмъ не давали, или давали ничтожные кусочки; можно было снять безъ особыхъ затрудненій комнату, обычнымъ порядкомъ работали театры, давались концерты:

помню, я раза два былъ на прекрасныхъ концертахъ пьяниста Н. Орлова; выходили газеты — «Русскія Вѣдомости» еще не были прикрыты, хотя съ часу на часъ ждали краха; въ концѣ моего пребыванія онѣ и были закрыты.

Но были и такія «развлеченія»: однажды былъ я въ частномъ театрѣ, что находился на Театральной площади противъ Большого театра. Передъ началомъ представленія публика, въ томъ числѣ и я, прогуливалась по открытой галлереѣ, выходящей на площадь. Вдругъ, слышимъ, идетъ перестрѣлка; смотримъ, — публика на площади шарахается въ сторону, ложится на мостовую, чтобы избѣжать пуль, которыя сыпятся съ одного автомобиля въ другой, утекающій отъ него.

Привычный москвичъ спокойно объяснилъ, что это ловятъ спекулянтовъ, которые отстрѣливаются отъ преслѣдователей.

Еще болѣе непріятными были не уличныя сцены, а акты расправы за стѣнами старинныхъ дворовъ, обращенныхъ въ казармы. Нѣсколько такихъ казармъ было устроено въ центрѣ города — на Малой Знаменской и другихъ улицахъ... Ночью тамъ была слышна трескотня: это разстрѣливали пачками арестованныхъ по разнымъ случаямъ лицъ.

Интересное наблюденіе мы всѣ сдѣлали надъ собой въ отношеніи вліянія своеобразнаго пищевого режима безъ достаточнаго количества хлѣба и сахара, хотя другихъ продуктовъ — главнымъ образомъ, мяса, мы потребляли въ достаточномъ количествѣ и не ощущали голода. Всѣ мы очень много потеряли въ вѣсѣ: лично я сбавилъ что нибудь около 20 фунтовъ.

Когда въ Москвѣ разнеслись слухи о побѣдахъ чеховъ надъ большевистскими войсками, причемъ въ одной стычкѣ самъ Троцкій чуть не попалъ въ плѣнъ, когда узнали, что Казань въ рукахъ чеховъ и очередь за Нижнимъ Новгородомъ, — антибольшевистскіе элементы въ Москвѣ воспрянули духомъ и искали лишь случая попасть въ районъ, перешедшій къ чехамъ, чтобы выбраться изъ большевистскаго царства. Разговоръ вертѣлся среди нашихъ общихъ знакомыхъ о случаяхъ благополучнаго переѣзда на долгихъ черезъ симбирскіе лѣса; установился регулярный трактъ и тарифъ (500 руб.) за проѣздъ на лошадяхъ по этимъ глухимъ мѣстамъ, и многіе москвичи такимъ путемъ выѣхали за предѣлы досягаемости. И я готовился такимъ же путемъ выбраться изъ Москвы. Какъ вдругъ подвернулся замѣчательно удобный и менѣе всего рискованный случай легальнаго выѣзда, да еще съ особымъ порученіемъ международнаго Краснаго Креста.

Предложеніе принять на себя особое порученіе было сдѣлано А. К. Клафтону, самарскому представителю К. Д. партіи, который стремился вернуться въ Самару и по Самарѣ былъ лично извѣстенъ Свидерскому, помощнику комиссара земледѣлія Цюрупы. Жена послѣдняго и еще нѣсколько женъ помощниковъ комиссаровъ были задержаны чехами въ Уфѣ въ видѣ заложницъ, въ виду забранія большевиками при сдачѣ Уфы нѣскольких чеховъ и цѣлаго ряда уфимскихъ же анти-большевистскихъ дѣятелей. Чтобы вызволить своихъ женъ въ обмѣнъ на лицъ, забранныхъ большевиками, — и была сформирована комиссія изъ трехъ лицъ, снабженная полномочіями международнаго Краснаго Креста для переговоровъ по обмѣну военно-плѣнныхъ. Меня пригласилъ Клафтонъ, какъ человѣка, работавшаго по дѣламъ военно-плѣнныхъ. Третьимъ членомъ комиссіи былъ самарско-симбирскій суконный фабрикантъ и коммерсантъ Щербаковъ, которому были вручены деньги на расходы въ пути, а также для передачи арестованнымъ комиссарскимъ женамъ.

Характерны для описываемаго періода подробности нашихъ сборовъ и отъѣзда изъ Москвы. Условлено было, что мы всѣ соберемся у Щербакова по его приглашенію «закусить» передъ отъѣздомъ. За нами съ Клафтономъ прислали автомобиль. Пріѣзжаемъ къ Щербакову: у того компанія въ сборѣ и чисто «по купецки» была приготовлена закуска съ икрою, консервами, съ разными настойками, водкой «вдовы Поповой» и чаемъ, конечно. Закусывали не спѣша и основательно, ибо спѣшить не было надобности: для насъ былъ приготовленъ отдѣльный вагонъ, который будетъ прицѣпленъ къ воинскому поѣзду и въ немъ мы должны доѣхать до линіи фронта. Свидерскій сопровождалъ насъ до фронта. Его жена возвращалась съ нами въ Уфу, откуда она пріѣхала въ Москву съ извѣстіемъ объ арестѣ комиссарскихъ женъ и настояла на необходимости принять мѣры къ ихъ освобожденію.

Ночью на автомобилѣ же мы пріѣхали на вокзалъ и водворились въ нашъ вагонъ съ запасами явствъ и питій, т. к. на вокзальные буфеты разсчитывать было нельзя. Нашъ путь былъ на Симбирскъ, около котораго, по слухамъ, были бои. Фронтъ найти было не трудно, т. к. тамъ, гдѣ онъ начинался, желѣзнодорожный путь былъ разобранъ. Доѣхавъ до тупика, поѣздъ сталъ, и мы отправились въ сосѣднюю деревню нанять подводы для переѣзда черезъ пространство — верстъ десять напрямки, а въ объѣздъ оказалось верстъ сорокъ. Свидерскій съ поѣздомъ уѣхалъ обратно въ Москву, передавъ намъ документы, адресованные начальнику

мѣстной дивизіи и рекомендующіе дать намъ свободный проѣздъ черезъ фронтъ.

Деревня, въ которую мы попали, была уже на военномъ положеніи, мы должны были бесѣдовать съ большевистскимъ офицеромъ, завѣдующимъ этимъ райономъ. При его содѣйствіи наняли мы двѣ пары въ телѣжкахъ и двинулись черезъ линію фронта. Объѣздъ въ сторону былъ необходимъ, по словамъ возницы, потому что на кратчайшей дорогѣ происходила постоянная артиллерійская перестрѣлка. Мы вскорѣ могли видѣть пункты, съ которыхъ шла стрѣльба съ чешской стороны. Противъ ихъ батарей стояли большевистскія, отвѣчавшія съ своей стороны выстрѣлами.

Но, оказалось, и объѣздъ нашъ не охранялъ насъ отъ случайно направленныхъ въ другую сторону снарядовъ. Подъѣзжая къ одной деревнѣ на пути, мы замѣтили необычайную тревогу: бабы, дѣти гурьбой бѣжали въ разныхъ направленіяхъ. Деревню эту начали обстрѣливать. Правда, снаряды перелетали черезъ нее. Но наша дорога вела черезъ деревню и намъ необходимо было проскочить эти 200—300 саженъ. Возница остановился для совѣщанія, и тутъ у насъ имѣло мѣсто первое непріятное столкновеніе съ А. К. Клафтономъ, который, — не тѣмъ будь покойникъ помянутъ [1]) — былъ большой трусъ и не скрывалъ этого. Онъ сталъ насъ задерживать, отказываясь двигаться дальше. А оставаться было еще опаснѣе, такъ какъ огонь развивался. Еле, еле уломали его сѣсть въ телѣжку и ѣхать . . .

Перескочили мы это мѣсто благополучно: снаряды перелетали высоко надъ деревней. Вскорѣ мы были уже въ деревняхъ противоположной, чешской стороны. Любопытно было отношеніе крестьянъ двухъ фронтовъ къ большевикамъ и къ чехамъ. Принципіально оно было явно равнодушнымъ: дерутся, де, ну и пусть ихъ; лишь бы насъ не грабили. Тогда ни на той, ни на другой сторонѣ жалобъ не высказывалось: очевидно у армій были деньги, и крестьяне только выигрывали отъ продажи продуктовъ, сѣна и пр.

Пришлось переночевать въ одной изъ деревень передъ тѣмъ какъ добраться до желѣзно-дорожной станціи, находящейся уже въ рукахъ чеховъ. Это было что-то въ 50—60 верстахъ отъ Симбирска. У крестьянъ было всего вдоволь: послѣ московскаго чернаго хлѣба плохого качества мы съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли здѣсь впервые бѣлый хлѣбъ. . .

На станціи чехи приняли насъ вѣжливо, но объяснили, что они могутъ доставить насъ лишь до штаба, находящагося въ Сызрани.

---

[1]) А. К. Клафтонъ разстрѣлянъ въ 1920 г. въ Омскѣ большевиками.

Когда поѣздъ прибылъ въ Сызрань, всѣхъ пассажировъ подъ конвоемъ направили въ штабъ, гдѣ производился самый подробный допросъ, какъ, почему, зачѣмъ и куда ѣдутъ пассажиры. Видимо, дѣло было поставлено серьезно. Къ намъ, ѣхавшимъ изъ Москвы съ какимъ то особымъ порученіемъ, сразу отнеслись очень подозрительно, и предварительный разговоръ не обѣщалъ ничего хорошаго: въ лучшемъ случаѣ, думали мы, насъ арестуютъ и доставятъ въ Самару къ главному начальству подъ стражей...

Но тутъ неожиданно на выручку всѣмъ намъ явилось то обстоятельство, что одинъ изъ офицеровъ штаба оказался близкимъ пріятелемъ Щербакова, изъ купцовъ же; онъ моментально все устроилъ, и мы благополучно отправились въ Самару.

ГЛАВА XI.

ВЪ ОМСКѢ СЪ ДИРЕКТОРІЕЙ И КОЛЧАКОМЪ (1918—1919 Г.).

На пути въ Омскъ: въ Самарѣ; въ Уральскѣ. — Приключеніе на пути въ Уфу. — Уфимское совѣщаніе. — Въ Омскѣ: директорія; военный переворотъ и диктатура адмирала А. В. Колчака. — Общія условія жизни въ Омскѣ въ зиму 1918—1919 г. — Работа въ качествѣ представителя Уральскаго Каз. войска при Омскомъ правительствѣ. — Служба въ министерствѣ земледѣлія и командировка въ Америку. — Заключеніе.

Къ нашему пріѣзду въ Самару этотъ городъ былъ центромъ временнаго правительства изъ членовъ Учредительнаго собранія [1]) и главной квартирой чешскихъ и русскихъ антибольшевистскихъ силъ. Кромѣ того, населеніе его сильно увеличилось отъ наплыва бѣженцевъ изъ поволжскихъ городовъ, находившихся подъ большевиками. Особенно много бѣженцевъ было изъ Казани, которая переходила изъ рукъ въ руки, и населеніе которой пострадало болѣе чѣмъ какого либо другого города.

Въ Самарѣ было нѣсколько штабовъ: командующаго русскими войсками, Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ полковъ и командующаго чешскими воинскими частями ген. Чечека. Штабъ послѣдняго, которому были подчинены всѣ другіе, находился въ вагонѣ, стоявшемъ на станціи желѣзной дороги. Намъ необходимо было переговорить съ этимъ штабомъ по дѣлу объ обмѣнѣ военноплѣнныхъ; мы получили туда доступъ, объяснили наше порученіе и просили содѣйствія; но такъ какъ всѣ документы и свѣдѣнія о

---

[1]) Формально оно носило названіе «Комитета Членовъ Учредительнаго Собранія и сокращенно «Комучъ». Члены были почти всѣ «С. Р.».

плѣнныхъ находились въ Уфѣ, намъ рекомендовали обратиться къ тамошней военной власти; съ своей же стороны чешскій главный штабъ обѣщалъ дать знать въ Уфу. Такимъ образомъ, волею судебъ намъ пришлось двинуться на востокъ.

Въ Самарѣ мѣстная К. Д. группа устроила по случаю нашего пріѣзда собраніе (помнится въ квартирѣ Коробова), гдѣ Клафтонъ и я сообщили о положеніи дѣлъ въ Москвѣ; съ своей стороны мѣстные члены освѣдомили насъ о положеніи дѣлъ въ Самарѣ. По ихъ мнѣнію, власть самарская — одна фикція, ея положеніе не прочно и, если бы не чехи, все рушилось бы. Ими все держится, но надолго ли, это вопросъ.

Между тѣмъ съ Волги стали доходить тревожные слухи о томъ, что чехи уже перебираются на восточный берегъ, покидаютъ Сызрань, что на Волгѣ появились совѣтскія баттареи на баржахъ, успѣшно продвигающіяся къ Самарѣ...

Вскорѣ и въ Самарѣ почувствовалась тревога, которая усилилась, когда нѣкоторыя воинскія части стали уходить изъ нея, а бѣженцы изъ Казани разсказали, какъ казанское населеніе было подведено военнымъ начальствомъ, увѣрявшимъ до послѣдняго момента, что опасности нѣтъ и уговаривавшимъ населеніе сидѣть спокойно, тогда какъ на другой день уже пришлось бѣжать оттуда пѣшкомъ, бросивъ все имущество въ добычу краснымъ... Началась эвакуація Самары, хотя первое время въ небольшомъ масштабѣ.

Я упомянулъ о штабѣ уральскаго полка въ Самарѣ: конечно, тамъ оказались мои знакомые, сообщившіе мнѣ о событіяхъ послѣдняго времени на Уралѣ. Тамъ совѣтскую власть не признали, причемъ предложеніе Москвы, сдѣланное посланцемъ, прилетѣвшимъ въ Уральскъ на аэропланѣ, было отвергнуто въ слишкомъ недвусмысленной формѣ: его выслушали, предали военному суду за измѣну (онъ по происхожденію былъ уральскимъ казакомъ), судъ присудилъ его къ смертной казни и рѣшеніе суда тутъ же привели въ исполненіе...[1]). Образовано Уральское правительство съ выборнымъ атаманомъ и членами Войскового правленія. Сформировано нѣсколько новыхъ полковъ для борьбы съ большевиками.

Мои пріятели изъ военныхъ убѣдительно просили меня посѣтить Уральскъ, установить связь съ его правительствомъ и помочь добыть средства для содержанія сформированныхъ полковъ.

Между Бузулукомъ, Сам. Уф. ж. д. и Уральскомъ было регулярное сообщеніе на военныхъ грузовыхъ автомобиляхъ, и на од-

---

[1]) По другой версіи казнили его помощника; провѣрить это разногласіе мнѣ не удалось.

ныя засѣданія и пр. И всѣ эти мѣста и учрежденія въ Омскѣ бывали переполнены каждый вечеръ пестрой публикой, въ которой всего больше было видно безшабашныхъ военныхъ въ формѣ дореволюціоннаго времени. Болѣе скромные и вѣрные долгу службы офицеры были на фронтѣ или при дѣлѣ. Эта же часть офицерства предпочитала кутить въ Омскѣ, благо вино легко добывалось откуда то.

Общее впечатлѣніе о положеніи дѣлъ въ директоріи — было впечатлѣніе неустойчиваго равновѣсія; чувствовалось, что вся организація правительства не прочна и сама по себѣ и что ни создать, ни укрѣпить за собой позицію она не сможетъ. Исполнительный аппаратъ правительства, за немногими исключеніями, создавать не пришлось: уже ранѣе образованныя Сибирскимъ правительствомъ министерства были сохранены вмѣстѣ съ прежними лицами. Среди нихъ крупную роль игралъ министръ финансовъ И. А. Михайловъ, молодой человѣкъ, очень энергичный и рѣшительный. Вновь образовать пришлось многочисленныя управленія министерства военнаго, которое поглощало массу средствъ на снаряженіе и содержаніе вновь формируемыхъ и прежнихъ воинскихъ частей. Всѣ управленія создавались во всероссійскомъ масштабѣ, по петроградскому шаблону, и включали громадное количество офицеровъ и чиновниковъ. Пришлось организовать и министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ омскому правительству пришлось сноситься съ представителями иностранныхъ державъ, хотя первое время почти исключительно по военнымъ дѣламъ и съ военными агентами.

Самымъ слабымъ мѣстомъ всего наскоро сколоченнаго правительственнаго зданія и собранной арміи — было отсутствіе довѣрія у офицеровъ и солдатъ къ полусоціалистическому составу директоріи: соціалистовъ революціонеровъ они считали «однимъ миромъ мазанными» съ большевиками, захватившими власть въ Петроградѣ и Москвѣ, и относились къ нимъ явно недружелюбно. Въ сущности на этой почвѣ возникли насильственныя дѣйствія надъ нѣкоторыми с.-р.-членами учредительнаго собранія со стороны нѣсколькихъ хулигановъ-офицеровъ. Это же сдѣлало возможнымъ военное coup d'état съ арестомъ членовъ директоріи С.-Р. Авксентьева, В. М. Зензинова и ихъ вліятельныхъ товарищей по партіи и ближайшихъ сотрудниковъ П. А. Аргунова и Е. Ф. Роговскаго, — результатомъ каковаго акта былъ переходъ отъ директоріи къ диктатурѣ.

Въ подготовленіи этого крупнаго политическаго акта и въ моральной его поддержкѣ приняли ближайшее участіе В. Н. Пепеляевъ и И. А. Михайловъ. Незадолго до переворота мнѣ случилось быть въ кабинетѣ члена директоріи В. А. Виноградова;

одновременно тамъ же былъ покойный В. Н. Пепеляевъ. Послѣдній насѣдалъ на Виноградова, доказывая необходимость или ухода эсэровъ изъ директоріи, или усиленія ея состава умѣренными элементами; въ противномъ случаѣ, по его словамъ, не миновать катастрофы, которую подготовляютъ, де, военные. Видимо онъ былъ въ курсѣ всей махинаціи. Лично онъ былъ съ самаго начала противъ директоріи принципіально: по его мнѣнію въ такое тревожное время былъ необходимъ диктаторъ, а не директорія.

Изъ общественныхъ дѣятелей, видимо, группа журналиста Жардецкаго такъ же знала объ ожидаемомъ переворотѣ.

Но совершенно неожиданнымъ арестъ членовъ директоріи былъ для большинства членовъ совѣта министровъ, включая и Колчака, который въ это время былъ военнымъ министромъ и только что вернулся съ осмотра фронта, гдѣ его встрѣчали съ особымъ почетомъ и подъемомъ, что, какъ оказывается, было намѣренно подготовлено заговорщиками съ В. Н. Пепеляевымъ во главѣ. Это констатируется въ книгѣ Г. К. Гинса, бывшаго тогда управляющимъ дѣлами совѣта министровъ, — «Сибирь, Союзники и Колчакъ», Пекинъ, 1921 (стр. 306—307). Тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что Колчакъ былъ приглашенъ быть диктаторомъ совѣтомъ министровъ, причемъ диктатура его была ограничена большою ролью при немъ совѣта министровъ.

Послѣ объявленія Колчака верховнымъ правителемъ И. А. Михайловъ, оставаясь министромъ финансовъ, сдѣлался фактическимъ финансовымъ диктаторомъ.

В. Н. Пепеляевъ до переворота занималъ мѣсто директора департамента полиціи М. Вн. дѣлъ — такова иронія судьбы! Это была съ его стороны несомнѣнно жертва; Викторъ Николаевичъ сознательно приносилъ эту жертву и, въ качествѣ рѣдкаго по честности и прямотѣ характера человѣка, — онъ несъ эту жертву до конца, раздѣливъ съ Колчакомъ мученическую смерть отъ большевиковъ... Но будучи только директоромъ департамента, онъ фактически уже и тогда завѣдывалъ всѣми главнѣйшими дѣлами этого вѣдомства. Впослѣдствіи онъ сдѣлался тов. министра, затѣмъ управляющимъ министерствомъ, а подъ конецъ былъ предсѣдателемъ совѣта министровъ.

Неоффиціально роль близкаго совѣтчика Верховнаго Правителя игралъ упомянутый ранѣе Жардецкій — личность честолюбивая, лукавая и антипатичная.

Изъ бывшихъ членовъ директоріи послѣ военнаго переворота П. В. Вологодскій остался въ качествѣ предсѣдателя совѣта ми-

что никакой росписки онъ мнѣ не дастъ... И можете себѣ представить, этотъ нахалъ выдалъ мнѣ росписку въ отобранiи этихъ денегъ, подписавъ ее, не знаю ужъ своей или чужой фамилiей.

Этотъ типъ былъ съ зеленымъ, озлобленнымъ лицомъ и съ высшей степени противной наружностью. Со мной онъ держался сносно; но на бѣднаго прапорщика нападалъ, какъ бы срывая на немъ свою злобу нижняго чина на офицера... Онъ допускалъ ругательства и грозилъ застрѣлить его вотъ тутъ прямо безъ дальнѣйшихъ. Я страшно боялся, чтобы онъ не допустилъ насилiя, тогда неизбѣжно было бы вмѣшательство, свалка, стрѣльба и ея послѣдствiя. Но, слава Богу, дѣло ограничилось одними угрозами: дѣлать шумъ и убивать, очевидно, не входило въ ихъ планы, и это спасло насъ. Продержали они насъ въ лѣсочкѣ подъ стражей до заката солнца, очевидно въ расчетѣ, что, пока мы доѣдемъ обратно до Бузулука, стемнѣетъ, они уже будутъ далеко и погоня ихъ не найдетъ.

Когда начало смеркаться, они приказали ямщику поворачивать лошадей на дорогу и отпустили насъ.

Возвратившись въ Бузулукъ, я прежде всего отчиталъ коменданта, такъ насъ подведшаго утвержденiемъ, что на пути спокойно. Какъ послѣ намъ разсказали, наканунѣ, очевидно, тѣ же «орлы» ограбили агронома и отняли у него кровнаго жеребца, — вѣроятно его мы и видѣли у разбойниковъ.

Въ качествѣ лица, ѣдущаго по военнымъ дѣламъ отъ Уральскаго войска, я потребовалъ дать мнѣ конвой изъ 5 казаковъ. Какъ разъ тамъ была уральская сотня, изъ которой намъ дали 5 человѣкъ сопровождать до Богуруслана. На другой день мы выѣхали съ конвоемъ. Когда проѣзжали злополучное мѣстечко, смотримъ, по лѣсу рыщутъ (послѣ времени то!) солдаты въ поискахъ разбойниковъ, которыхъ, конечно, давно уже и не было тамъ.

Въ Богусланѣ съ большимъ трудомъ намъ удалось попасть въ чешскiй артиллерiйскiй поѣздъ. Мы доѣхали въ немъ до какого то пункта, и ихъ поѣздъ пошелъ на запасный путь; мы должны были искать другой поѣздъ. Пути были уже загромождены поѣздами, и движенiе сдѣлалось возможнымъ, только перескакивая изъ одного поѣзда въ другой, впереди стоящiй. Подъ конецъ этой утомительной скачки съ препятствiями мы уже ѣхали и ночевали въ скотскомъ вагонѣ... Наконецъ, не доѣзжая всего 15 верстъ до Уфы, и эти вагоны стали, и не было никакой надежды на скорое ихъ отправленiе... Измученные, голодные, грязные (въ этихъ мѣстахъ была уже полная осенняя распутица) мы выбились изъ силъ и рѣшили найти подводу и добираться до Уфы на лошади. Нашли мужичка съ телѣгой и поѣхали въ ней подъ холоднымъ проливнымъ

дождемъ, по непролазно грязной дорогѣ. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ мы явились въ Уфу!..

Я зналъ, что тамъ обитаетъ мой старый пріятель князь В. А. Кугушевъ; отыскалъ его и, наконецъ, мы попали въ тихую пристань. Добрѣйшій Вячеславъ Александровичъ снабдилъ насъ смѣной бѣлья, далъ возможность отмыться въ банѣ отъ дорожной грязи, и вскорѣ мы благодушествовали въ его теплой и уютной квартиркѣ за самоваромъ. У него же я встрѣтилъ другого моего хорошаго знакомаго Александра Степановича Пругавина, который, изъ за отсутствія въ Петроградѣ молока, которымъ онъ больше питался, уже давно пріѣхалъ въ Уфу.

Послѣ взаимныхъ освѣдомленій о приключеніяхъ и перипетіяхъ жизни послѣднихъ мѣсяцевъ, разговоръ перешелъ на тему злобы дня — уфимское совѣщаніе, которое должно организовать коалиціонное антибольшевистское правительство. Какъ выяснилось, благодаря задержкамъ въ пути, я засталъ лишь конецъ совѣщанія (октябрь 1918 г.). Я немедленно отправился въ помѣщеніе, гдѣ оно засѣдало. Тамъ узналъ, что отдѣльно отъ общихъ засѣданій собиралась казачья группа, въ послѣднихъ засѣданіяхъ которой я и принялъ участіе.

Главная задача совѣщанія заключалась въ избраніи лицъ въ директорію, которая, предполагалось, должна состоять изъ 5 человѣкъ. Еще въ Москвѣ въ «Національномъ центрѣ» было условлено, что въ директорію слѣдуетъ провести Н. И. Астрова, изъ лѣвыхъ же признавали пріемлемыми Н. В. Авксентьева и Н. В. Чайковскаго. Кандидатура Н. И. Астрова встрѣчала на уфимскомъ совѣщаніи возраженіе въ виду его отсутствія. Предложили имѣть замѣстителя изъ лицъ, находящихся завѣдомо на чешской сторонѣ фронта. Намѣтили и провели В. А. Виноградова, который фактически и вошелъ въ директорію, т. к. Астровъ уѣхалъ на югъ къ Деникину.

Лѣвыя группы намѣтили Н. Д. Авксентьева и Н. В. Чайковскаго съ замѣстителемъ В. М. Зензиновымъ. Отъ Сибирскаго правительства вошелъ въ директорію П. В. Вологодскій и пятымъ членомъ былъ намѣченъ стоявшій внѣ партій генералъ В. Г. Болдыревъ. Казачья группа была больше занята этой послѣдней кандидатурой. По приглашенію группы онъ изложилъ свою точку зрѣнія на современное положеніе и в общемъ произвелъ на всѣхъ насъ благопріятное впечатлѣніе, и его кандидатура прошла гладко.

Занялись мы въ Уфѣ и порученнымъ дѣломъ по обмѣну заложниковъ. Добились отъ военныхъ властей свиданія съ арестованными комиссарскими женами и ихъ знакомыми. Щербаковъ

передалъ имъ присланныя изъ Москвы деньги, мы сообщили имъ о положенiи дѣла и обѣщали поскорѣе двинуть дѣло обмѣна. Сидѣли онѣ всѣ вмѣстѣ въ большомъ залѣ частнаго дома, обращеннаго временно въ арестный домъ, видимо, ни въ чемъ не нуждались и ни на что не жаловались. Только добивались скорѣйшаго освобожденiя. Затрудненiе же для скорѣйшаго ихъ освобожденiя заключалось въ томъ, чтобы установить списки подлежащихъ обмѣну арестованныхъ лицъ съ обѣихъ сторонъ, получить по радiо, такъ какъ другихъ способовъ сообщенiя съ Москвой не было, — согласiе совѣтскаго правительства на обмѣнъ и, главное, согласiе доставить московскихъ арестованныхъ на фронтъ, причемъ и чешская сторона обязывалась доставить уфимскихъ арестантовъ на фронтъ, гдѣ и долженъ былъ быть произведенъ обмѣнъ.

Мы составили довольно длинный списокъ находившихся въ заключенiи въ Москвѣ лицъ разныхъ партiй, помню, что во главѣ списка стоялъ Н. М. Кишкинъ, который передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Москвы былъ арестованъ, — и передали чешскому штабу для сообщенiя въ Москву по радiо. Долго что-то мы ждали отвѣта. Если память мнѣ не измѣняетъ, былъ, наконецъ, полученъ отвѣтъ, протестующiй противъ нашего большого списка и настаивавшiй на безусловномъ и немедленномъ освобожденiи комиссарскихъ женъ, на что ни мы, члены комиссiи, ни чешскiй штабъ не соглашались...

Между тѣмъ, подъ давленiемъ красныхъ Уфа начала эвакуироваться и вскорѣ перешла къ большевикамъ, такъ что и вопросъ объ обмѣнѣ былъ исчерпанъ: заключенные остались въ Уфѣ и были уже среди своихъ. Наша формальная миссiя подъ флагомъ Краснаго Креста была закончена, а мы, конечно, при создавшихся условiяхъ, и не подумали возвращаться въ Москву.

Когда я выѣзжалъ изъ Москвы, была не только надежда, но увѣренность, что Москва будетъ скоро въ рукахъ бѣлыхъ, и мы вернемся обратно. Я даже вещи свои оставилъ на квартирѣ въ расчетѣ скораго возвращенiя. Но по мѣрѣ движенiя на востокъ я все больше и больше убѣждался, что ждать этого придется долго, что борьба расширяется и затягивается, что для ея успѣшнаго продолженiя необходимо создать крѣпкую базу — съ сильнымъ правительствомъ. Центромъ этого созидательнаго процесса на востокѣ сдѣлался захолустный провинцiальный городъ Акмолинской области — Омскъ.

Когда я прiѣхалъ въ него, онъ былъ уже переполненъ сверхъ всякой мѣры громаднымъ количествомъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ и массой бѣженцевъ. Получить комнату или, вѣрнѣе, койку въ комнатѣ вмѣстѣ съ другими, можно было только черезъ особую

жилищную организацію. Захожу туда, говорятъ, занесемъ въ списокъ, пока мѣстъ нѣтъ. Однако, не на улицѣ же ночевать... Пришлось остаться въ томъ же вагонѣ, въ которомъ я пріѣхалъ изъ Уфы. Это былъ вагонъ, предоставленный семьѣ назначеннаго юрисконсультомъ въ директорію Харитонова. Благодаря любезности послѣдняго я получилъ мѣстечко въ этомъ вагонѣ, и въ пріятной компаніи мы провели нѣсколько дней пути. Этотъ вагонъ-- теплушка, передѣланный изъ товарнаго вагона, былъ поставленъ на запасный путь и служилъ намъ временной квартирой въ Омскѣ.

Вообще надо сказать, что желѣзнодорожные вагоны оказали въ это смутное переселенческое время для многихъ и многихъ громадную услугу въ качествѣ временнаго крова: въ нихъ жили по недѣлямъ бѣженцы, а разные чины превратили вагоны перваго и второго класса, представлявшіе больше удобствъ, чѣмъ комната плохой гостиницы, — въ свои постоянныя квартиры. Близъ станціи Омскъ, на особой площадкѣ была временно устроена цѣлая сѣть запасныхъ путей для такихъ вагоновъ, и въ нихъ квартировали, между другими чинами, французская, а потомъ англійская миссія.

Но имѣя въ виду остаться въ Омскѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, на постоянное жительство, я отправился къ высшимъ властямъ новаго омскаго правительства, при которомъ мнѣ суждено было быть представителемъ Уральскаго казачьяго войска, за содѣйствіемъ. Генералъ Болдыревъ, которому были подчинены коменданты города, легко нашелъ помѣщеніе для меня въ одной изъ комнатъ благоустроеннаго дома мѣстнаго врача, правда, на первое время вмѣстѣ съ двумя другими молодыми людьми. Вскорѣ они оба получили порученіе на фронтѣ, и я остался «владѣть» комнатой одинъ. Квартира съ электрическимъ свѣтомъ, ванной, телефономъ и даже домашнимъ столомъ — по тогдашнимъ временамъ въ Омскѣ было верхомъ комфорта.

Для контраста скажу, какъ жили, напримѣръ, нѣкоторые мои знакомые семейные люди, которыхъ я нерѣдко навѣщалъ: три большія комнаты бывшаго склада красного товара, съ цементнымъ поломъ и снабженнаго рядомъ полокъ для суконъ и т. п., превращены были въ родъ ночлежки: полки превратились въ два этажа наръ, на которыхъ семьи и спали, отдѣляясь отъ сосѣдей и проходнаго широкаго корридора только занавѣсками. Пространство между рядами полокъ служило общей столовой и пріемной... И жили такъ долгіе мѣсяцы, благодаря Бога, что есть тепло и свѣтъ...

Естественно, что при такихъ условіяхъ домашней жизни люди стремились въ мѣста собраній — рестораны, кинематографы, раз-

нистровъ безъ портфеля. В. А. Виноградовъ перешелъ на службу по кооперацiи, въ Центро-Союзъ, сначала въ Омскѣ, а потомъ во Владивостокѣ. Ген. В. Г. Болдыревъ выѣхалъ тоже во Владивостокъ.

Въ качествѣ представителя Уральскаго казачьяго войска мнѣ пришлось въ Омскѣ имѣть дѣло съ министерствами военнымъ и финансовъ, чтобы добывать и доставлять средства на содержанiе снаряженныхъ уральцами полковъ. Одинъ разъ я добился крупнаго ассигнованiя и отпуска 5 миллiоновъ рублей... Надо было получить изъ казначейства эту уйму кредитныхъ знаковъ... И что бы я съ ней сталъ дѣлать, если бы получилъ на руки?..

Очень кстати въ это время прибыли съ Урала уполномоченные делегаты полковъ. Оформивъ полученiе, я передалъ эту огромную сумму делегатамъ, которые, съ дополнительной стражей и конвоемъ, должны были окольными путями, черезъ киргизскую степь, доставить эти деньги Уральскому войску. Дѣло въ томъ, что обычные пути вдоль линiи желѣзныхъ дорогъ были уже въ рукахъ большевиковъ, и Уральское войско было фактически отрѣзано отъ Колчаковскаго фронта и правительства.

Это былъ послѣднiй актъ моей дѣятельности въ качествѣ представителя войска. Я одновременно послалъ заявленiе о сложенiи полномочiй, такъ какъ, при невозможности въ дальнѣйшемъ поддерживать связь съ войскомъ, я не могъ быть ему болѣе полезнымъ. Одновременно я перешелъ на службу по министерству земледѣлiя.

Я далеко не былъ увѣренъ, что деньги эти довезутъ благополучно и не зналъ объ ихъ судьбѣ вплоть до 1922 года, когда прибывшiй въ Америку и отыскавшiй меня въ Лосъ Анжелосѣ А. П. Добрынинъ — одинъ изъ бывшихъ въ Омскѣ делегатовъ, — сообщилъ мнѣ, что деньги были благополучно доставлены и сданы войсковому правительству.

Эта делегацiя отъ уральскихъ полковъ прибыла въ Омскъ главнымъ образомъ для того, чтобы лично удостовѣриться въ томъ, что на сторонѣ Колчака есть иностранныя войска. Какъ разъ во время ихъ пребыванiя въ Омскѣ имѣлъ мѣсто парадъ съ участiемъ небольшого числа англичанъ и чеховъ; уральцы были на этомъ парадѣ; имъ устроили такъ же аудiенцiю у Колчака, такъ что обратно они уѣхали съ деньгами и съ успокоительными свѣдѣнiями, которыя, вѣроятно, между другими факторами, обусловили стой-

кость уральскихъ полковъ въ борьбѣ съ большевиками до послѣдней возможности.

Отрѣзанное отъ Колчака и отъ Деникина Уральское войско и его полки очутились въ тискахъ неизмѣримо болѣе многочисленныхъ красныхъ, но оказывали имъ все время сопротивленіе, отступая на югъ. Будучи прижаты зимою 1919—1920 года къ Каспійскому морю, оставшіеся полки уральцевъ подъ командой ихъ бывшаго атамана генерала В. С. Толстова рѣшили все же не сдаваться и рискнуть уйти отъ нихъ по льду Сѣвернаго Каспія на Мангышлакъ. Этотъ рискованный походъ былъ ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ. Многіе изъ участниковъ похода замерзли въ пути, часть добравшихся оказались съ отмороженными руками, ногами. Ихъ забрали и доставили впослѣдствіи въ Константинополь англичане.

Упорное сопротивленіе уральцевъ озлобило красныхъ до послѣдней степени: они перестрѣляли всѣхъ уральскихъ офицеровъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣятелей, попавшихъ въ плѣнъ, разорили всѣ селенія и уничтожили всю живность. Упомянутый Добрынинъ вскорѣ послѣ занятія долины р. Урала красными (полки скрылись въ киргизскую степь) посѣтилъ свою родную станицу и не узналъ ее: въ ней остались одни дряхлые старики и старухи; все пограблено какъ послѣ нашествія Батыя... Потомъ на почвѣ голода свирѣпствовалъ въ этомъ краѣ тифъ, отъ котораго перемерло много тысячъ. Наводя справки о бывшихъ знакомыхъ и родственникахъ въ Уральскѣ, относительно большинства я получалъ отвѣты: «разстрѣлянъ», «умеръ отъ тифа», «убитъ въ бою» и т. д. И отъ нѣкогда богатаго моего родного края осталось лишь одно грустное воспоминаніе... Говорятъ, большевики усиленно зазываютъ селиться на бывшихъ казачьихъ земляхъ, но охотниковъ селиться въ этомъ разоренномъ краѣ не находится.

Чтобы колонизовать его уральцамъ потребовалось 300 лѣтъ упорной борьбы съ пустынной природой, быстрымъ Ураломъ и сосѣдними кочевниками.

Чтобы разорить все созданное и превратить богатый край въ пустыню достаточно было двухъ лѣтъ гражданской войны и 4 лѣтъ господства въ краѣ совѣтскихъ властителей...

Возвращаясь къ событіямъ въ Омскѣ 1919 года долженъ отмѣтить, что со вступленіемъ въ управленіе адмирала Колчака число военно-бюрократическихъ учрежденій увеличилось созданіемъ Главнаго управленія казачьихъ войскъ и морского министерства. Во главѣ перваго сталъ уральскій генералъ Б. И. Хорошхинъ, во главѣ второго контръ-адмиралъ М. И. Смирновъ, прибывшій въ числѣ другихъ офицеровъ изъ Америки согласно общаго приказа Кол-

чака о возвращеніи въ Россію на сибирскій фронтъ всѣхъ строевыхъ офицеровъ.

Если для созданія управленія казачьихъ войскъ было достаточно причинъ въ виду необходимости объединенія ихъ дѣйствій и выступленій по отношенію къ Колчаку, то для учрежденія морского вѣдомства, ясное дѣло, не было въ степяхъ Сибири почвы, и оно вскорѣ было ликвидировано.

Казачьи войска играли въ антибольшевистской борьбѣ крупную роль, а изъ сибирскихъ казачьихъ войскъ Забайкальское войско, съ полковникомъ Семеновымъ во главѣ, заняло позицію, опасную для Колчака: оно или точнѣе его атаманъ не желалъ признавать Колчака главою и настаивалъ на своей полной самостоятельности... Въ перипетіяхъ этого конфликта, въ первой его стадіи, мнѣ, въ качествѣ представителя Уральскаго казачьяго войска, пришлось принять нѣкоторое участіе, и на память сообщу о нихъ вкратцѣ.

Когда совершился переходъ власти отъ директоріи къ Верховному Правителю, былъ поставленъ формальный вопросъ о признаніи Колчака казачьими войсками, имѣвшими каждое свое правительство и своихъ представителей въ Омскѣ. На совѣщаніи этихъ представителей, созванномъ ген. Хорошхинымъ, было вынесено единогласное постановленіе о безоговорочномъ признаніи власти Колчака. Не составлялъ исключенія и представитель забайкальскаго войска. Въ совѣщаніи были представители Забайкальскаго, Сибирскаго, Оренбургскаго, Уральскаго, Уссурійскаго, Амурскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ.

Между тѣмъ между Колчакомъ и Семеновымъ произошелъ щекотливый обмѣнъ телеграммами, изъ которыхъ было ясно, что Забайкальскій атаманъ будируетъ и требуетъ самостоятельности. Теперь уже въ достаточной степени выяснено, что за его спиной стояли японцы и японскія средства. Мы тогда уже почувствовали, что Семеновъ играетъ некрасивую роль и за подписью всѣхъ представителей казачьихъ войскъ отправили ему телеграмму, осуждая его позицію и приглашая подчиниться верховному правителю. Насколько я помню, телеграмма не имѣла непосредственнаго результата. Для улаженія создавшагося положенія адмиралъ Колчакъ впослѣдствіи посылалъ особо довѣренное лицо, ген. Иванова-Ринова, но и эта миссія имѣла лишь внѣшне удовлетворительные результаты, суть же дѣла взаимоотношеній, лежавшая въ закулисныхъ дѣйствіяхъ японцевъ, не измѣнилась. И это было и остается позорнымъ пятномъ на «патріотизмѣ» полковника Семенова, продолжающаго путаться съ японцами и по сіе время...

Въ связи съ продовольствіемъ вновь созидавшейся въ Сибири антибольшевистской арміи у омскаго правительства возникали вопросы по холодильному дѣлу. Зимою 1918—1919 г. въ Омскѣ было созвано совѣщаніе представителей вѣдомствъ и спеціалистовъ, въ которомъ я принялъ участіе; для осуществленія нѣкоторыхъ намѣченныхъ мѣропріятій былъ сформированъ мѣстный комитетъ по холодильному дѣлу, предсѣдателемъ котораго избрали меня. Комитетъ имѣлъ нѣсколько засѣданій по чисто техническимъ вопросамъ.

Въ Омскѣ было два высшихъ учебныхъ заведенія: политехникумъ, директоромъ котораго былъ проф. В. Л. Малеевъ, и сельскохозяйственный институтъ съ В. С. Титовымъ во главѣ. Въ томъ и другомъ я прочиталъ въ эту зиму двѣ эпизодическихъ лекціи: въ политехникумѣ по холодильному дѣлу; въ сельскохозяйственномъ институтѣ — о постановкѣ сельско-хозяйственнаго образованія въ Америкѣ.

Моя непродолжительная работа въ Омскѣ по министерству земледѣлія, въ которое я перешелъ на службу, сосредоточивалась на вопросахъ учебнаго характера: сельско-хозяйственный институтъ и нѣсколько среднихъ и низшихъ с. х. школъ нуждались въ учебныхъ пособіяхъ — микроскопахъ съ принадлежностями къ нимъ, въ книгахъ и т. д. Преподаваніе во всѣхъ нихъ велось при очень неблагопріятной обстановкѣ, и необходимо было придти къ нимъ на помощь. Кромѣ того, опытныя станціи Сибири нуждались въ сѣменахъ и литературѣ. Сибирь была отрѣзана отъ запада, да тамъ вообще въ это время нельзя было ничего купить. Въ виду этого министерство земледѣлія остановилось на мысли командировать въ Соединенные Штаты Америки подходящее лицо и дать ему порученіе пріобрѣсти всѣ необходимые предметы и постараться организовать сельско-хозяйственное агентство, имѣя въ виду, кромѣ учебныхъ пособій, закупать для сибирскаго склада земледѣльческихъ орудій и машинъ (бывшаго Переселенческаго Управленія), необходимыя машины и орудія. Это порученіе предложили мнѣ взять на себя, я его принялъ и въ апрѣлѣ 1919 г. выѣхалъ изъ Омска во Владивостокъ на пути въ Соединенные Штаты.

Порученій мнѣ надавали кучу и изъ другихъ учрежденій, напр., длинный списокъ книгъ, необходимыхъ для Политехническаго института и др., — а насчетъ «валюты» дѣло обстояло не важно. И ту небольшую сумму, которая причиталась мнѣ на дорогу и содержаніе, предложено было добыть въ іенахъ во Владивостокѣ, гдѣ было отдѣленіе кредитной канцеляріи. Вся надежда возлагалась на то, что не нынче завтра Всероссійское правительство съ

Колчакомъ во главѣ будетъ признано Великобританіей, Франціей и Соединенными Штатами, и тогда валюта будетъ налицо.

Долженъ сказать, что когда я выѣзжалъ изъ Омска даже у самыхъ заядлыхъ пессимистовъ не являлось мысли, что правительству Колчака грозитъ близкая опасность. Наоборотъ, нѣкоторые успѣхи на уральскомъ фронтѣ въ связи со слухами о крупныхъ успѣхахъ Деникинской арміи, давали основаніе предполагать, что общее положеніе какъ будто улучшается. Но серьезная помощь со стороны союзниковъ замедлялась, и это въ значительной степени было виною краха бѣлаго движенія на югѣ Россіи и въ Сибири.

Въ маѣ 1919 г., когда я былъ на пути изъ Калифорніи въ Нью-Іоркъ, совѣщаніе премьеровъ четырехъ союзныхъ странъ (big four) формально запросило Колчака о его политической программѣ (это въ связи съ вопросомъ о признаніи), были вполнѣ удовлетворены его отвѣтомъ, но съ признаніемъ все медлили... Между тѣмъ въ октябрѣ 1919 г., событія на уральскомъ фронтѣ рѣзко измѣнились; началось общее отступленіе сибирскихъ войскъ, въ ноябрѣ правительство Колчака покинуло г. Омскъ, въ январѣ Колчакъ со свитой былъ подъ Иркутскомъ, гдѣ былъ предательски выданъ чехами вновь образованному тамъ С. Р. правительству, вскорѣ поглощенному совѣтскимъ правительствомъ, которое въ февралѣ 1920 г. разстрѣляло его вмѣстѣ съ В. Н. Пепеляевымъ и нѣкоторыми другими сопровождавшими его чинами.

Находясь въ это время уже въ Нью-Іоркѣ, я былъ ошеломленъ быстротою надвинувшихся событій и гибелью всего, созданнаго антибольшевистскою борьбою въ Сибири... Прямо не вѣрилось, что все такъ быстро сметено. Совершенно не ожидая такого конца, я добросовѣстно занимался исполненіемъ порученій: закупилъ микроскопы съ принадлежностями къ нимъ, книги, подготовилъ большой списокъ химическихъ веществъ и посуды для преподаванія химіи въ С. Х. учебныхъ заведеніяхъ (предполагая сдѣлать заказъ).

Для закупки сельско-хозяйственныхъ машинъ ко мнѣ былъ присланъ инженеръ Э. К. Пабо, служившій по этой спеціальности въ переселенческомъ управленіи. Денегъ на пріобрѣтеніе послѣднихъ не было; мы расчитывали на то, что крупныя американскія фирмы, ведшія въ теченіе десятковъ лѣтъ дѣла съ переселенческимъ управленіемъ въ г. Омскѣ и имѣвшія тамъ своихъ представителей (Международная компанія жатвенныхъ машинъ и нѣкоторыя компанія по производству плуговъ), отпустятъ машины и плуги въ кредитъ. Но въ связи съ событіями въ Сибири фирмы эти уклонились отъ продажи машинъ въ кредитъ.

Не оказалось возможнымъ, за недостаткомъ средствъ, сдѣлать намѣченный заказъ химическихъ веществъ и посуды. Закупленные же ранѣе микроскопы и книги были отправлены во Владивостокъ, но въ виду выяснившихся событій были задержаны въ Японіи и возвращены обратно въ Америку. Это было сдѣлано уже послѣ ликвидаціи въ декабрѣ 1919 г. моей конторы въ Нью Іоркѣ и оставленія мною оффиціальнаго положенія, — распоряженіемъ русскаго финансоваго агента С. А. Угета, въ канцеляріи котораго сосредоточены были всѣ оставшіяся незаконченными дѣла бывшаго заготовительнаго комитета и посольства.

1919-мъ годомъ закончилось мое оффиціальное служеніе русскому дѣлу, и имъ же заканчиваются настоящія воспоминанія.

Въ качествѣ частнаго человѣка я продолжаю свое посильное служеніе родинѣ, но преимущественно литературными работами — книгами, статьями на русскомъ и англійскомъ языкахъ, а также лекціями и бесѣдами.

Къ этой же категоріи работы относятся и настоящія воспоминанія. Въ нихъ я имѣлъ въ виду разсказать, какъ формировался, жилъ и работалъ одинъ изъ рядовыхъ русскихъ интеллигентовъ, поставившій, вмѣстѣ со своими современниками, своей задачей жизни добиться политической свободы въ Россіи, имѣвшій счастіе дожить до ея зари и работать вмѣстѣ съ цвѣтомъ и солью русской интеллигенціи въ Первомъ Русскомъ Парламентѣ (1906), послѣ десятилѣтней реакціи — быть свидѣтелемъ расцвѣта, казалось, упрочившейся политической свободы въ Россіи и принять участіе въ радостяхъ ея перваго періода (1917) и имѣвшій несчастіе видѣть полное разрушеніе всего созданнаго, полное попраніе свободы и воцареніе неслыханой тиранніи (1918—1919).

Читая въ печати и въ письмахъ о томъ, что творится на родинѣ, подчасъ доходишь до отчаянія и до потери вѣры въ ея лучшее будущее...

Но это бываетъ лишь подъ впечатлѣніемъ временныхъ бѣдствій и напастей. Въ глубинѣ же души я продолжаю вѣрить, что послѣ неслыханныхъ страданій и испытаній Великій Русскій народъ переживетъ, какъ прилипчивую болѣзнь, коммунизмъ и совѣтизмъ; окрѣпнувъ послѣ голода и неустройствъ жизни, онъ создастъ соотвѣтствующее своимъ потребностямъ демократическое правительство, и Россія вновь возродится и займетъ подобающее ей мѣсто среди Великихъ державъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.